

КИРИЛЛЪ

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ НА
„ПОТЕМКИНЪ“

СПБ.

1907

ТИП. АКЦ. ОБЩ. „С Л О В О“ . УЛ. ЖУКОВСКОГО, 24.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
<u>Предисловіе</u>	2
<u>Введеніе</u> .	
Наканунѣ востанія — Предварительныя замѣчанія. — Бунтъ въ черноморскомъ флотѣ и причины его вызвавшія. — Офицеры и матросы. — Казарменный режимъ въ Россіи. — Соціаль-демократическая пропаганда среди матросовъ. — Тайныя собранія. — Прокламаціи. — Конфликты между матросами и начальствомъ. — Планъ всеобщаго востанія. — Безсиліе командующихъ офицеровъ передъ лицомъ революціи.	7
<u>Глава I</u> .	
Драма въ Тендровской бухтѣ. — Изъ Севастополя въ Тендровскую бухту. — Покупка провизіи въ Одессѣ. — Исторія съ гнилымъ мясомъ — Поведеніе старшаго врача. — Пассивное сопротивленіе матросовъ. — Конфликтъ — Рѣчь командира Голикова. — Вмѣшательство старшаго офицера Гиляровскаго. — Приготовленія къ разстрѣлу матросовъ. — Горячій споръ между матросомъ Вакулинчикомъ и Гиляровскимъ. — Карауль отказывается стрѣлять. — Убитство Вакулинчука. — Матросъ Матюшенко и командиръ. — Казнь артиллерійскаго офицера Неупокоева и старшаго офицера. — Разгаръ бунта. — Казнь Вильгельма Тона. — Народный судъ надъ командиромъ Голиковымъ. — Его казнь. — Новый командиръ. — Судъ надъ кондукторами Бурдюковымъ и Лѣсовымъ. — Поиски другихъ офицеровъ и бѣгство послѣднихъ. — Деревянный щитъ и миноносецъ № 267. — Разжалованіе офицеровъ. — Рѣчи. — Отплытіе въ Одессу.	35
<u>Глава II</u> .	
Событіе въ Одессѣ — Одесса наканунѣ появленія „Потемкина“. — Кровавое пролитіе на „Пересыпи“. — Революціонное движеніе среди каменоломщиковъ. — Неудачная попытка востанія среди пригородныхъ крестьянъ. — Появленіе „Потемкина“ передъ Одессой.	63

Глава III	97
Глава IV.	
Переговоры съ военными властями о похоронах Вакулинчука. — Похороны Вакулинчука. — Бомбардировка Одессы.—Ночная депутація къ командующему войсками.	132
Глава V.	
I. Первые вѣсти объ эскадрѣ.—Приготовленія къ встрѣчѣ съ эскадрой и появленіе ея на горизонтѣ.—II. Приготовленія эскадры къ походу на „Потемкина“.—„Потемкинъ“—передъ эскадрой.—Молчаливый бой.—Побѣда „Потемкина“ и взятіе „Георгія Побѣдоносца“ . . .	155
Глава VI.	
Впечатлѣніе, произведенное на властей города нашей первой побѣдой.—Приготовленія къ захвату Одессы.—Измѣна „Георгія Побѣдоносца“.—Бѣгство „Потемкина“ въ Румынію	186
Глава VII.	
На пути въ Румынію.—Красное знамя. — Прибытіе въ Констанцу и переговоры съ румынскими властями.—Возвращеніе въ Россію.—На пути въ Феодосію	212
Глава VIII.	
Прибытіе въ Феодосію.—Наше появленіе на берегу и растерянность властей.—Переговоры съ представителями города.—Конфискація военными властями отправляемой намъ провизіи.—Посѣщеніе прибывшаго изъ Севастополя парохода и сцены на берегу съ солдатами.—Наша угроза властямъ.—Попытка захватить силой каменный уголь и кровавый финаль.—Сумятица на „Потемкинѣ“ и вторичное бѣгство его въ Румынію.	239
Глава IX.	
Паденіе комитета и торжество контръ-революціи.—Всеобщее разочарованіе въ своихъ силахъ.—Приходъ въ Констанцу и сдача „Потемкина“.—Возвращеніе „патріотической“ части команды въ Феодосію	268

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Событія, ареной которыхъ сталъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1905 г. броненосецъ „Князь Потемкинъ Таврической“, настолько сложны по своему объему и содержанию, что мнѣ кажется совершенно невозможнымъ охватить ихъ впечатлѣніями одного человѣка. Такъ много лицъ принимало участіе въ этихъ событіяхъ, такъ сложенъ и великъ самъ по себѣ броненосецъ, что, зачастую, для лица, присутствовавшего въ одномъ концѣ его, невозможно было видѣть и знать, что дѣлается въ эту минуту въ его другихъ частяхъ.

Кромѣ того, нерѣдко, дѣятельность броненосца какъ бы распадалась на двѣ части—на берегу и у себя на суднѣ. И для того, кто непосредственно участвовалъ въ какомъ-нибудь актѣ на сушѣ, или въ порту, естественно, невозможно было явиться участникомъ или очевидцемъ того, что одновременно происходило на кораблѣ.

Вотъ, почему, личныя впечатлѣнія и воспоминанія одного лица, по моему, далеко недостаточны, чтобы по нимъ можно было составить исчерпывающую картину этого историческаго происшествія.

И я, задумавъ составить предлагаемыя читателю записки, прежде всего, началъ съ провѣрки фактовъ и возстановленія дѣйствительности, по возможности, во всѣхъ ея подробностяхъ и деталяхъ.

Сдѣлать это для меня не было затруднительно, такъ какъ послѣ высадки потемкинцевъ въ Румынію, я прожилъ среди нихъ больше двухъ мѣсяцевъ.

Часто бесѣдуя съ ними о минувшихъ уже дѣлахъ, я узнавалъ такіе эпизоды, которые раньше мнѣ были неизвѣстны, но которые, по своему содержанію, являлись весьма характерными и важными. Многія изъ показаній матросовъ я записывалъ и, закрѣпивши подписью самихъ очевидцевъ, они явились, при моей работѣ, какъ бы историческими документами, свидѣтельствующими подлинность того или иного факта.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ моемъ распоряженіи имѣлись: дневникъ кочегара Рыжова, воспоминанія рулевого Самойленка, записки Матюценки и многіе другіе матеріалы.

Самымъ же главнымъ источникомъ, конечно, оставались личныя воспоминанія и пережитыя впечатлѣнія.

Въ сборѣ всего необходимаго матеріала для составленія задуманнаго мною описанія, весьма дѣятельное участіе принималъ также и тов. Раковскій. Помогая матросамъ первое время устроиваться въ Румынію, онъ находился въ самыхъ живыхъ сношеніяхъ почти со всѣми ними, и, думая возстановить полное содержаніе „Потемкинской исторіи“, разспрашивалъ матросовъ о всѣхъ ея подробностяхъ.

Онъ оказалъ этимъ громадную помощь и услугу задуманному мною труду.

И когда матеріаль былъ уже собранъ, то д-ръ Х.

Раковский не отказался облегчить мнѣ и дальнѣйшую работу, выразивъ готовность, по имѣющимся документамъ, составить описаніе, какъ начала возстанія на „Потемкинѣ“ въ Тендровской бухтѣ, такъ и краткій очеркъ предшествовавшего ему революціоннаго броженія и причинъ, вызвавшихъ его вообще среди черноморскихъ моряковъ.

Послѣднее помѣщено здѣсь въ формѣ вступленія, а первое—подъ заглавіемъ „Драма на Тендрѣ“.

Все же остальное написано мною.

Еще одна необходимая оговорка. Несмотря на всю тщательность, съ которой мы стремились возстановить истинность тѣхъ или иныхъ эпизодовъ, намъ, все-таки, не удалось достичь этого съ желаемой полнотой, такъ какъ непосредственные участники ихъ были убиты (какъ Гиляровскийъ и Вакулинчукъ, кровавая схватка которыхъ послужила какъ бы сигналомъ къ возстанію), или же намъ не удалось впоследствии увидеть ихъ лично.

Въ заключеніе же, я позволю себѣ выразить надежду, что предлагаемый мною рассказъ, несмотря на всѣ его промахи и недочеты, все-таки, можетъ дать нѣкоторое удовлетвореніе тому ягучему интересу, который возбудила потемкинская эпопея у всего мыслящаго міра.

Теперь возстаніе на „Потемкинѣ“ можно считать миновшимъ историческимъ фактомъ, который утратилъ уже свой острый характеръ злободневности. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что общественно-политическія причины, вызвавшія его къ жизни, пока остаются все еще въ силѣ. И мы думаемъ, что въ переживаемый нами моментъ всеобщей ломки и переустройства російской жизни на новыхъ началахъ, во всѣхъ ея обла-

стяхъ, жизнь выдвигаетъ теперь передъ каждымъ общественнымъ дѣятелемъ, передъ каждой политической партией одну изъ самыхъ жгучихъ, самыхъ неотложныхъ задачъ—это радикальное реформированіе области народной самозащиты—народной арміи.

А въ этомъ случаѣ, мои записки, какъ и вступленіе, должны представлять не малый интересъ, хотя бы по тому фактическому матеріалу, который можетъ послужить богатой характеристикой—какъ старыхъ отживающихъ устоевъ и взаимныхъ отношеній въ этой особой области, такъ и новыхъ положительныхъ принциповъ будущаго, выдвинутыхъ уже въ ней самой жизнью.

Поэтому, единственная цѣль, которую я и д-ръ Х. Раковскій стремились достигъ въ своихъ запискахъ—это дать правдивое и, по возможности, полное изображеніе, какъ потемкинскихъ событій, такъ и внутренняго содержанія ихъ. Насколько намъ удалось это—пусть судитъ самъ читатель.

Кирилль.

ВВЕДЕНИЕ.

Наканунъ возстанія.

Предварительныя замѣчанія.—Бунтъ въ черноморскомъ флотѣ и причины его вызвавшія.—Офицеры и матросы.—Казарменный режимъ въ Россіи.—Соціалъ-демократическая пропаганда среди матросовъ.—Тайныя собранія.—Прокламаціи.—Конфликты между матросами и начальствомъ.—Планъ всеобщаго возстанія.—Безсиліе командующихъ офицеровъ передъ лицомъ революціи.

Извѣстно, что бунтъ на „Князь Потемкинъ“ не былъ фактомъ случайнымъ и неожиданнымъ; это частичный, преждевременный взрывъ обширнаго, смѣло задуманнаго плана всеобщаго возстанія, которое должно было охватить огненнымъ кольцомъ весь русскій черноморскій флотъ. Овладевъ приморскими крѣпостями, русская революція пріобрѣла-бы неприступную базу для дальнѣйшихъ завоеваній. Бомбардируя побережье, организуя высадку войскъ, она могла-бы поднять весь югъ, а отсюда распространиться на остальную часть обширнаго государства. Это возстаніе должно было вспыхнуть въ іюль, во время большихъ морскихъ маневровъ. По условному сигналу—двѣ ракеты, пушечныя, одна за другой, съ палубы броненосца „Екатерина II“—участвовавшіе въ заговорѣ матросы должны были арестовать или убить своихъ офицеровъ, „именемъ народа“ овладѣть всѣми судами и принять на нихъ команду. Какъ извѣстно, несчастный инцидентъ съ

тухлымъ мясомъ преждевременно вызвалъ бунтъ на „Князѣ Потемкинѣ“ и разрушилъ весь планъ.

Изъ числа другихъ, мало подготовленныхъ и не предупрежденныхъ судовъ, въ движеніи могли принять участіе лишь „Георгій Побѣдоносецъ“, оставшійся вѣрнымъ революціи всего въ теченіе 24 часовъ, и учебное судно „Прутъ“, которое безуспѣшно искало „Князя Потемкина“, чтобы соединиться съ нимъ. Надо упомянуть еще о „Синопѣ“; онъ также присоединился бы къ „Потемкину“, но внезапный приказъ Кригера отступить къ Севастополю удалилъ это судно изъ Одессы раньше, чѣмъ революціонное меньшинство смогло поборотъ колебаніе нерѣшительнаго и трусливаго большинства матросовъ. Печальнѣе всѣхъ была участь броненосца „Екатерины II“ или „Кати“—какъ его фамиллярно звали матросы—пылкой, красной „Кати“, готовой на самый рѣшительной шагъ и ставшей жертвой своего революціоннаго темперамента. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ на „Потемкинѣ“ вспыхнулъ бунтъ, между офицерами и матросами „Екатерины II“ произошелъ ничтожный конфликтъ, жалкій въ сравненіи съ той ролью, которую могъ бы сыграть броненосецъ два дня спустя; большая часть экипажа была высажена на берегъ. Вотъ отчего, наиболѣе революціонный броненосецъ долженъ былъ остаться въ Севастополѣ въ то время, когда остальные были отправлены въ Одессу противъ „Князя Потемкина“. Вотъ отчего, послѣднему пришлось одному, или почти одному, вести борьбу, преждевременно имъ начатую.

Однако, возникаетъ вопросъ, удалось ли бы всеобщее возстаніе, если бы не случай съ „Потемкинскимъ“? Могъ ли флотъ рассчитывать на успѣхъ въ своей попыткѣ овладѣть прибрежными городами и поднять рабочее населеніе?

Когда, по разсказу Кирилла, подробно знакомишься съ потрясающей, полной драматизма, исторіей борьбы матросовъ - революціонеровъ; когда узнаешь, какъ близокъ былъ успѣхъ въ извѣстные моменты, хотя въ распоряженіи имѣлось одно лишь судно, то является почти полная увѣренность въ побѣдоносно-

сти всеобщаго возстанія. Тотъ фактъ, напр., что отсутствіе сигналовъ заставило матросовъ прекратить бомбардировку Одессы и, значитъ, потерять всѣ плоды такой бомбардировки, показываетъ, какую роль играла случайность во всемъ этомъ дѣлѣ. Попытка возстанія черноморскаго флота, кромѣ вліянія, которое она имѣла на дальнѣйшій ходъ русской революціи, представляетъ еще значительный интересъ въ историческомъ отношеніи. Съ чисто военной и технической точки зрѣнія необходимо признать, что идея возстаніемъ флота положить начало всеобщаго военнаго возстанія, была идеей очень удачной, не только потому, что матросы, благодаря специальному подбору, являются наиболѣе восприимчивыми изъ всѣхъ военныхъ къ социалистической пропагандѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что возставшій флотъ можетъ держаться и давать отпоръ гораздо дольше, чѣмъ всякая другая часть войска. Предположимъ, что поднялся весь флотъ; трудно представить, какими средствами правительство могло бы его подавить. Если „Князю Потемкину“ легко было доставать провизію даже въ такихъ укрѣпленныхъ городахъ, какъ Одесса, то цѣлому флоту это было бы еще легче. Не трудно понять, что онъ господствовалъ бы на всемъ побережьѣ. Да, поистинѣ, побѣдоносное всеобщее возстаніе флота создало бы положеніе непримѣрное въ исторіи гражданскихъ войнъ! Русскій абсолютизмъ, со всей своей арміей, оказался бы безсильнымъ въ борьбѣ съ горстью людей. Правящая Россія оказалась бы въ такомъ же смѣшномъ положеніи, въ какомъ очутилось румынское правительство, когда оно узнало, что „Потемкинъ“ явился въ Констанцу; оно отдало приказъ мобилизовать весь гарнизонъ, не исключая и... кавалерійскаго полка. Не безъ ироніи офицеры недоумѣвали, какую же функцію будутъ исполнять лошади въ сраженіи съ броненосцемъ!

Но истинный историческій интересъ возстанія „Князя Потемкина“ и другихъ судовъ, раскрывается только при изученіи причинъ его вызвавшихъ. Русская соц.-демократическая рабочая партія, преимущественно крымская организація, (Крымскій соц.-демократическій

союз) много способствовала выработкѣ революціонероу среди матросовъ, но величайшій учитель, пробудившій ихъ умы, научившій ихъ понимать революціонныя и социалистическія идеи,—это русскій государственный строй въ его цѣломъ, русскій казарменный режимъ, въ частности. Упуская изъ виду послѣднее обстоятельство, мы никогда не нашли бы *истинныхъ причинъ* революціоннаго движенія во флотѣ и въ другихъ аналогичныхъ движеніяхъ. Кто знаетъ, какъ стѣснена дѣятельность социалистической партіи въ Россіи; кто знаетъ, какихъ *огромныхъ* жертвъ и усилій стоитъ ей каждый шагъ, какая незначительная часть этихъ жертвъ достигаетъ цѣли и сколько пропадаетъ даромъ въ первой борьбѣ съ безконечнымъ рядомъ преградъ, созданныхъ полицейскимъ режимомъ, тотъ, несомнѣнно, пойметъ, что причину бунта надо искать въ условіяхъ, въ которыхъ приходится жить матросамъ.

Сейчасъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ знать нашъ казарменный режимъ. Послѣ заключенія мира, послѣ объявленія конституціи, русскія политическія партіи должны энергично приняться за новый, созидательный трудъ въ дѣлѣ радикальнаго переустройства страны. Но обновленная Россія только тогда заслужитъ это названіе, если освободится отъ старыхъ ошибокъ. Въ этой главѣ мы задаемся цѣлью описать, на основаніи имѣющихся документовъ, роль *сознательныхъ* факторовъ, т. е. социалистической пропаганды,—въ подготовкѣ къ происшедшему бунту, и факторовъ *безсознательныхъ*, т. е. русскаго военного режима. Хотя мы будемъ говорить специально о случаѣ съ „Кн. Потемкинымъ“, легко понять, что это является въ то же время описаніемъ исторіи всего русскаго флота. Казарменный режимъ, вообще, есть лишь отраженіе всего политическаго и социальнаго строя страны; также и условія внутренней жизни, сложившіяся на „Кн. Потемкинѣ“, совершенно одинаковы съ условіями во всемъ нашемъ флотѣ. Мы натолкнемся здѣсь вездѣ на тѣ-же недостатки, на тѣ-же злоупотребленія; со стороны офицеровъ, главнымъ образомъ старшихъ, мы встрѣтимъ вездѣ одинаково бессмысленную жестокость, одинако-

вое непониманіе необходимости въ болѣе человѣчномъ обращеніи съ матросами. Всякое стремленіе послѣднихъ къ болѣе сносной жизни вызывало со стороны начальства лишь упрямую рѣшимость пускать въ ходъ строгости и наказанія. При такомъ отношеніи, матросы, очевидно, не могли питать особенно нѣжныхъ чувствъ къ своему начальству. Послушаніе было чисто внѣшнее, изъ страха передъ наказаніями; въ глубинѣ души они ненавидѣли и презирали этихъ „драконовъ и скорпіоновъ“, какъ ихъ называли, и не стѣсняясь, высказывали это въ глаза, когда представлялся удобный случай. Во время мятежа 3-го ноября матросы преслѣдовали своихъ офицеровъ, бросали въ нихъ камнями и кричали вслѣдъ самыя оскорбительныя ругательства. Послѣднее, впрочемъ, столь обычно, что привыкшіе къ брани офицеры дѣлаютъ видъ, будто ея вовсе не слышатъ. Въ разговорахъ между собой матросы любили сообщать всѣ подобные случаи, издѣваясь надъ слабостью и трусостью начальства. Съ какимъ удовольствіемъ матросы „Князя Потемкина“ рассказывали, напр., исторію о молодомъ мичманѣ, загнанномъ 3-го ноября матросомъ во дворъ казармы; не нашедши лучшаго оружія въ свою защиту, онъ закричалъ: „ой, мама, мама!“ Матросы-очевидцы этой сцены—покатывались со смѣху и забрасывали несчастнаго офицера саркастическими замѣчаніями: „Ага, каналья, здѣсь ты прячешься, а на броненосцѣ умѣешь быть храбрымъ!“ А другой добавляетъ: „если онъ бѣжитъ отъ матроса, то что-же онъ сдѣлаетъ, если встрѣтится съ японскимъ броненосцемъ?“ Нужно сказать, что офицеры сдѣлали все, чтобы укрѣпить среди матросовъ свою нелестную репутацію. Во время бунта они попрятались по всѣмъ угламъ; самъ адмиралъ Кригеръ, послѣ неудачной попытки скрыться во дворѣ, долженъ былъ отступать подъ градомъ камней подъ защитой Матющенко *). А главный адмиралъ Чухнинъ благоразумно направилъ свой путь въ хер-

*) Будущій герой „Кн. Потемкина“ былъ въ этотъ день дежурнымъ; отъ него мы узнали большую часть фактовъ, относящихся къ бунту 3-го ноября.

сонескій монастырь. Антагонизмъ и недоверіе между офицерами и солдатами—явленіе общее во всѣхъ арміяхъ, но особенно остро оно чувствуется въ русской. Оно создаетъ непроходимую пропасть между начальствомъ и подчиненными, и ежедневныя политическія событія, кончающіяся употребленіемъ солдатъ противъ забастовщиковъ и манифестантовъ, дѣлаютъ пропасть все глубже. До какой степени матросы не доверяли ни въ чемъ своему начальству можно судить по слѣдующему факту. Въ концѣ мая или въ началѣ іюня командиръ „Кн. Потемкина“ приказалъ раздать матросамъ брошюры о предохранительныхъ мѣрахъ противъ холеры. Я, въ слѣдствіи, имѣлъ въ рукахъ экземпляръ брошюры и убѣдился, что она принадлежитъ къ серіи брошюръ популярной гигиены, изданныхъ „Обществомъ русскихъ врачей“, основаннымъ въ память Пирогова. Раздача этой брошюры была дѣломъ исполнѣ естественнымъ въ виду шума, поднятаго возможнымъ появленіемъ холеры. Но матросы, видя отъ начальства только враждебныя поступки, и на этотъ разъ объяснили распоряженіе совсѣмъ другими мотивами. Офицеры-де хотѣли во что-бы то ни стало убѣдить матросовъ въ неизбѣжномъ появленіи холеры. Для чего это нужно? А потому, что офицеры имѣли намѣреніе, посредствомъ дурной пищи, искусственно вызвать болѣзни среди экипажа, чтобы сломить энергію и подавить возможное сопротивленіе матросовъ(!). Вотъ какъ думали матросы. Брошюра должна увѣрить матросовъ, что у нихъ холера. Несчастное совпаденіе укрѣпило въ головахъ матросовъ эти подозрѣнія: во время распространенія названной брошюры на броненосцѣ свирѣпствовала дизентерія *). Рядомъ съ этой исторіей стоитъ упомянуть о легендѣ, распространяемой въ Севастополѣ оставшимися въ живыхъ офицерами съ „Князя Потемкина“: они увѣряютъ, что матросы, пошедшіе за провизіей, нарочно купили мясо дурного качества, чтобы вызвать бунтъ среди товарищей. Извѣстно, между тѣмъ, что провизію покупалъ

*) Показанія Шестидесятаго, члена революціоннаго комитета на „Князь Потемкинъ“.

одинъ изъ офицеровъ, лейтенантъ Макаровъ *). На какой почвѣ родилось и развилось до такихъ огромныхъ размѣровъ взаимное недобѣріе? Почему матросы такъ ненавидѣли и презирали офицеровъ, что готовы были пожелать имъ величайшихъ бѣдъ?

Помимо политическихъ условій, о которыхъ мы уже упоминали, не слѣдуетъ упускать изъ виду недостатки, свойственные русскому офицерству, главнымъ образомъ, флотскимъ, вербованнымъ исключительно среди дворянскаго сословія. Въ русскія военныя школы обычно попадаютъ, такъ сказать, подонки интеллигентнаго общества. Всѣ наиболѣе развитые, горячіе, преданные народному дѣлу элементы, уже въ самые юные годы увлекаются революціоннымъ движеніемъ. Честная, способная, талантливая молодежь обычно наполняетъ собою русскія тюрьмы, наводняетъ интеллигентныя профессіи; элементы малоспособные, рабскіе, увлекаются бюрократической и военной карьерой. Неудивительно, поэтому, что военное сословіе въ Россіи содержитъ въ себѣ несравненно больше бездарностей и ничтожествъ, чѣмъ во всякой другой странѣ. Легко понять, что подобные офицеры считаютъ свою профессію лишь средствомъ къ существованію, стараясь тратить возможно меньше труда и энергіи и извлечь возможно больше личныхъ выгодъ. На такой почвѣ сложились отношенія между офицерами и матросами, результатами которыхъ явились роковыя катастрофы. Вернемся, однако, къ режиму на „Князѣ Потемкинѣ“.

Прежде всего, здѣсь процвѣтали жестокія тѣлесныя наказанія. Офицеры, несмотря на тайный циркуляръ, „уважать челоѣческое достоинство подчиненныхъ“, по привычкѣ, продолжали надѣлять ихъ затрещинами и пинками. Матросы передавали мнѣ случаи, когда у нѣкоторыхъ ихъ товарищей разрывалась барабанная перепонка отъ сильныхъ ударовъ по уху. Одинъ изъ

*) Эту странную версію, данную офицерами „Князя Потемкина“ на слѣдствіи о дѣлѣ послѣдняго, передаетъ намъ Фельдманъ, отважный побѣгъ котораго изъ военной тюрьмы въ Севастополь, куда онъ былъ брошенъ до суда надъ „Потемкинскимъ“, былъ описанъ въ газетахъ.

офицеровъ отличался особенной жестокостью; это былъ Голиковъ, командиръ броненосца. Матросы прозвали его «чортомъ.» «Ну, сегодня чортъ сбѣсился! Кого-то онъ накажетъ?» Вотъ какъ матросы привѣтствовали начальство, когда оно возвращалось изъ города или выходило изъ каюты на мостикъ.

Въ распредѣленіи наказаній, которыми такъ богаты изобрѣтательный военный геній, щедрость Голикова не знала границъ. Ему ничего не стоило посадить кого-либо въ карцеръ, лишить его отпуска, поставить на 24 часа подъ ружье, удерживать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ несчастное жалованье матроса. Мы почти не встрѣчали матроса съ „Кн. Потемкина“, который не подвергался-бы наказанію подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ: одинъ запачкалъ палубу, другой поздно вернулся, третій прочиталъ безобидную книжонку, не просмотрѣнную начальствомъ, пятый—былъ недостаточно расторопенъ и т. д. Для иллюстраціи, напомнимъ случай съ машинистомъ Рѣзниченко, которому за чтеніе непросмотрѣнной брошюры, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ сокращали жалованье съ 12 рублей до 55 коп. въ мѣсяць. (Или, какъ выражаются матросы,—переводили на окладъ). Ковалевъ, также машинистъ, за тотъ же „проступокъ“ долженъ былъ тридцать часовъ стоять подъ ружьемъ.

Другое зло, вызывавшее жалобы матросовъ, была пища. Не разъ она служила поводомъ къ протестамъ и заявленіямъ, между прочимъ и во время смотра вице-адмирала Верховскаго. Этотъ смотръ происходилъ въ началѣ русско-японской войны; матросы различныхъ экипажей, въ томъ числѣ и потемкинцы, изложили свои требованія и жалобы. Они не стѣснялись, такъ какъ вице-адмиралъ къ нимъ явился одинъ, сопровождаемый своимъ адъютангомъ. Кромѣ пищи, матросы жаловались еще на скверное обращеніе и плохую одежду. Многіе изъ нихъ, въ присутствіи Верховскаго, безъ малѣйшихъ усилій обрывали подошвы съ новой обуви, чтобы показать дурное качество матеріала, изъ котораго она сшита. Ученики машинной команды „Синопа“, изъ которыхъ многіе перешли позднѣе на „Потемкинъ“, помимо прочихъ жалобъ, выставляли еще нечестность

своего командира. Его обвиняли въ присвоеніи жалованья, назначеннаго имъ Обществомъ русскаго торговаго добровольнаго флота за то время, когда они, по приказанію начальства, временно замѣняли забастовавшихъ механиковъ этого Общества.*). Я слышалъ, что матросы „Кн. Потемкина“ въ томъ же обвиняли и собственнаго командира. «Эго изъ экономіи на нашей пищѣ онъ себѣ выстроилъ три хорошенькихъ домика въ Севастополѣ», говорили многіе изъ нихъ. Больше всего они страдали отъ ругательствъ и оскорбленій всякаго рода, унижавшихъ ихъ человѣческое достоинство. Они негодовали при мысли, что юный „молокосось офицеришко“, едва выскочившій изъ школы, позволяетъ себѣ кричать, оскорблять словами и дѣйствіями старыхъ матросовъ. Нужно было видѣть, съ какой надменной гордостью такъ называемые аристократы третировали подчиненныхъ, чтобы понять всю силу ненависти, которую послѣдніе питали къ начальству. Вотъ фактъ. Однажды, какой-то офицеръ въ Кронштадтѣ встрѣчаетъ новобранца и вопрошаетъ: «ты меня знаешь?» «Да, ваше высокоблагородіе». — «Какъ же меня зовутъ?» Матросъ молчитъ. «Ты не знаешь моего имени?» — «Нѣтъ, ваше высокоблагородіе». — «Въ такомъ случаѣ я представляюсь», говоритъ офицеръ и ударяетъ его два раза кулакомъ по лицу. Еще фактъ въ другомъ родѣ, но свидѣтельствующій о томъ же высокомерномъ пренебреженіи, произошелъ съ патрулемъ. Патруль изъ 30 матросовъ, простоявъ на зимнемъ холмѣ, въ январѣ, восемь часовъ безъ смѣны, является, наконецъ, голодный на кухню, но, къ великому изумленію, ѣсть оказывается нечего. Дежурный офицеръ, извѣстный мичманъ Поповъ, забылъ о нихъ „по разсыянности“. Заявивъ объ этомъ, онъ имъ предлагаетъ хлѣбъ и чай. Матросы отказываются; тогда наиболѣе смѣлаго изъ нихъ, Д. Панкова, арестовываютъ, какъ „зачинщика“, на восемь дней и сажаютъ на хлѣбъ и на воду.

---

*) Показаніе Шевченко, члена революціоннаго комитета „Кн. Потемкина“, стараго матроса съ „Синопа“.

Кто бывалъ въ Россіи, быть можетъ, замѣтилъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ садахъ варварскую надпись: «Входъ строго воспрещается собакамъ и... *нижнимъ чинамъ*». Адмиралъ Чухнинъ сумѣлъ придумать для севастопольскихъ матросовъ правила, ставящія ихъ еще ниже собакъ. Приказомъ за № 184 отъ 29-го апрѣля 1905 года, матросамъ запрещается „подъ страхомъ заключенія въ тюрьму“ ходить по двумъ бульварамъ, двумъ аллеямъ и одной улицѣ. Нѣсколько дней спустя, группа увѣчныхъ матросовъ, вернувшихся изъ Портъ-Артура, отправилась на одинъ изъ этихъ бульваровъ— Историческій — гдѣ находится памятникъ осады Севастополя въ 1855 г. Они здѣсь наткнулись на офицера, обратившагося къ нимъ съ грубымъ окрикомъ: «Какъ вы смѣете здѣсь гулять? Вы знаете, что на этотъ бульваръ входъ нижнимъ чинамъ воспрещенъ!» Одинъ изъ болѣе смѣлыхъ возразилъ: «Развѣ мы не имѣемъ права, ваше высокоблагородіе, ходить по родной землѣ, за которую мы проливали свою кровь?» — «А! Ты еще разговариваешь, каналья!» И нѣсколько звонкихъ ударовъ дали почувствовать вернувшемуся на-дняхъ „героямъ-матросамъ“ всѣ прелести благодарной родины. Подобное обращеніе съ матросами дало уже гибельные результаты. Мятежъ 3-го ноября былъ непосредственно вызванъ приказомъ главнаго адмирала Чухнина, запрещающимъ матросамъ уходить въ городъ безъ особаго разрѣшенія—краснаго билета. Все это раздражало тѣмъ болѣе, что матросы привыкли считать себя болѣе привилегированными въ сравненіи съ другими сухопутными частями войскъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подобныя злоупотребленія, запрещенія и дурное обращеніе не вызвали бы такихъ гибельныхъ послѣдствій. Можно даже сказать, что если бы условія во флотѣ измѣнились не къ худшему, а къ лучшему, то результаты получились бы приблизительно тѣ же, ибо болѣе всего за это время измѣнились и выросли сами матросы. Въ короткій промежутокъ 5—6 лѣтъ чувство собственнаго достоинства сильно выросло. Я имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ, благодаря близкому знакомству съ матросами

различныхъ наборовъ на „Кн. Потемкинъ“. Старые матросы 5-го и 6-го годовъ отзывались о молодыхъ товарищахъ перваго и 2-го года съ нѣкоторымъ недоверіемъ. Такое отношеніе было справедливо лишь къ нѣкоторой части и вызывалось тѣмъ, что старики судили о новобранцахъ по тѣмъ взглядамъ, которые они сами имѣли, когда поступали на службу во флотъ. Но часто случалось, что изъ молодыхъ новобранцевъ иные принимали уже участіе въ той или другой стачкѣ, и поступали въ армію съ другими взглядами и чувствами, чѣмъ ихъ предшественники. Крайне характернымъ является слѣдующій фактъ для психологіи новыхъ поколѣній: новобранцы 1904 г. 86-го экипажа, т. е. экипажа „Кн. Потемкина“—предъявили извѣстныя требованія къ начальству, прежде чѣмъ давать военную присягу *). Могучій толчокъ, данный рабочимъ движеніемъ за послѣднія пять лѣтъ всей Россіи, пробудилъ въ сердцахъ и умахъ матросовъ надежду на новую жизнь, лучшую и свободную. Да это и понятно. По условіямъ труда—броненосецъ, въ сущности, тотъ же плавающій заводъ; матросы ближе всего стоятъ къ рабочему классу. По большому числу наказаній, наложенныхъ за чтеніе легальныхъ, но не одобренныхъ начальствомъ, брошюръ, можно судить о сильномъ интересѣ къ наукѣ и литературѣ, о горячей жаднѣ познаній. И въ этомъ стремленіи къ лучшему будущему, пробуждавшему въ человѣкѣ самыя благородныя чувства, они встрѣчали препятствія въ комъ?—въ своихъ же офицерахъ. Они стояли передъ ними, олицетворяя тупую силу, оскорблявшую на каждомъ шагу самое дорогое—достоинство человѣка, и заграждая путь къ свѣту и знанію. Естественно, что въ глазахъ матросовъ офицеры олицетворяли абсолютизмъ, составляли часть самодержавнаго режима. Кому, какъ не имъ, выгодно, что деньги народа расходуются безъ всякаго контроля? Кому же, какъ не имъ, нравится строй, въ которомъ злоупотре-

*) Показаніе Максима Лѣсоваго, машиннаго ученика первой статьи, стараго рабочаго центральныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ во Владикавказѣ, принимавшаго до поступленія во флотъ участіе въ двухъ большихъ стачкахъ.

бленія, насилія и систематическое обворовываніе свили себѣ прочное гнѣздо? Абсолютизмъ во флотѣ есть лишь отраженіе абсолютизма всего государства.

До матросовъ доходили слухи, что гдѣ-то, не то въ Швейцаріи, не то во Франціи, (они твердо не знали) отношенія между начальствомъ и подчиненными совершенно другія. Съ особеннымъ упорствомъ они обращались за свѣдѣніями на этотъ счетъ къ нѣкоторымъ болѣе доступнымъ офицерамъ. Такъ, на „Потемкинѣ“ вопросы на эту тему часто предлагались офицеру Тихменеву *). Но что онъ могъ имъ отвѣтить?.. Среди матросовъ особенно горячо обсуждался вопросъ объ отношеніяхъ между солдатами и офицерами; не меньше онъ долженъ интересоваться и правящая партія будущей Россіи. Напомнимъ здѣсь характерный фактъ, что первымъ пунктомъ ультиматума, предъявленнаго броненосцемъ военному коменданту Одессы, генералу Каханову, была замѣна постоянной арміи народной милиціей. На первый планъ выдвигалось отношеніе къ начальству. Смотри по тому, какъ держалъ себя матросъ передъ начальствомъ, какого мнѣнія онъ былъ о немъ, революціонные товарищи рѣшали, достоинъ ли онъ быть посвященнымъ въ тайны заговора. «Сколько времени намъ стоило растолковать ему, что начальство нашъ врагъ», — говорили мнѣ матросы Рѣзниченко и Шестидесятый, указывая на своего товарища Кулика. Впослѣдствіи, онъ сдѣлался такимъ же дѣятельнымъ членомъ революціоннаго комитета, какъ и они, но товарищамъ пришлось затратить много краснорѣчія, много вечеровъ послѣ молитвы, бесѣдовать съ нимъ въ темномъ углу броненосца, прежде чѣмъ Куликъ пересталъ твердить, что сами матросы виноваты въ грубомъ обращеніи офицеровъ. Потерявъ всякую надежду побѣдить его упорство, его оставили въ покоѣ и даже избѣгали встрѣчи съ нимъ; и какъ разъ послѣднее обстоятельство, недовѣріе къ нему друзей, сильно затронуло Кулика и открыло ему глаза на окружающее. Этотъ примѣръ

*) Свидѣтельство Денисенко, механика, члена революціоннаго комитета броненосца.

намъ показываетъ на отдѣльномъ случаѣ, какъ революціонеры-матросы пользовались вопросомъ объ офицерахъ въ цѣляхъ пропаганды среди товарищей.

Здѣсь, будетъ умѣстно подробнѣе остановиться на способѣ, какъ она велась на „Кн. Потемкинѣ“. Многіе матросы слышали уже о социаль-демократіи, когда они работали при постройкѣ судна въ Николаевской верфи. Работая подъ одной крышей, они неизбѣжно соприкасались съ вольными рабочими, изъ которыхъ многіе уже были затронуты социалистической пропагандой. Но въ непосредственное сношеніе съ соц.-демократической партией 36-й экипажъ — служившій на „Кн. Потемкинѣ“ — вступилъ въ Севастополь, гдѣ организаціи пустили уже прочные корни въ военномъ флотѣ *). Вполнѣ понятно, что сравнительно немногіе матросы могли поддерживать непосредственную связь съ революціонерами. Среди потемкинцевъ мнѣ насчитывали не болѣе 15—20 матросовъ, посѣщавшихъ изрѣдка тайныя социалистическія собранія, специально организованныя для матросовъ. На этихъ собраніяхъ, въ революціонной терминологіи называемыхъ *летучками*, если они малы, и *массовками*, если они болѣе многочисленны, присутвовали матросы всѣхъ пятидесяти военныхъ судовъ, находящихся въ Севастополь. Сначала рѣдкія, они становились все чаще; въ послѣдніе четыре мѣсяца передъ возстаніемъ они происходили почти каждое воскресенье (съ 10 ноября до 25 марта было 11 собраній). Число матросовъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, съ 30 возросло до 300—400. Чтобы избѣжать неприятныхъ неожиданностей, собирались за городомъ, въ лѣсу, на возвышенности, близъ Малахова кургана. Матросы отправлялись туда маленькими группами, шли сначала по большой Инкерманской дорогѣ, а затѣмъ расходились по узенькимъ тропинкамъ. Разставленная повсюду стража возвѣщала, свободенъ ли путь. Наконецъ, добравшись до извѣстной полянки, располагались, какъ

*) Социалистамъ-революціонерамъ въ самомъ началѣ удалось организовать нѣсколько кружковъ среди матросовъ, но затѣмъ это дѣло перешло, главнымъ образомъ, къ социаль-демократамъ.

хотѣли. Начинались рѣчи. Ораторы, нерѣдко женщины, объясняли матросамъ причины существованія невыносимаго, гнетущаго строя, указывали средства къ его уничтоженію, средства къ освобожденію всей страны. За рѣчами шли пренія, бесѣды, рассказы, и, наконецъ, принявъ обычную резолюцію, собраніе расходилось съ революціоннымъ пѣніемъ. Чтобы читатель могъ составить себѣ представленіе о вопросахъ, дебатировавшихся на такихъ собраніяхъ, достаточно привести текстъ одной изъ резолюцій:

«Мы, матросы черноморскаго флота,—начинается резолюція, помѣченная 20 марта,—собравшіеся въ количествѣ 194 человекъ, присоединяемъ свой голосъ къ голосу русскихъ рабочихъ, представленныхъ ихъ передовымъ отрядомъ, русской социаль-демократической рабочей партіей, и требуемъ отмѣны самодержавнаго режима и замѣны его демократической республикой. Мы убѣждены, что только созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, можетъ утвердить самодержавіе народа. Мы знаемъ, что правительство предприняло войну, имѣя въ виду личные интересы. Вотъ почему, мы требуемъ ея немедленнаго прекращенія. Присоединяя свой голосъ къ голосу Россіи, пробудившейся къ политической жизни, мы увѣрены, что нашему примѣру, примѣру протеста черноморскаго флота, послѣдуетъ вся русская армія. Должно, наконецъ, знать, что послѣдняя его опора рухнетъ. Наше освобожденіе близко, и мы зовемъ въ наши ряды, въ ряды нашей партіи, всѣхъ, кого преслѣдуетъ и давить самодержавіе. Борьба наша не прекратится до тѣхъ поръ, пока человечество не освободится отъ эксплоатации капиталистовъ-пауковъ. Мы боремся за социализмъ. Долой самодержавіе! Долой войну! Да здравствуетъ учредительное собраніе! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ Россійская социаль-демократическая рабочая партія! Да здравствуетъ социализмъ!»

Къ этой резолюціи присоединилось еще 150 матросовъ, не присутствовавшихъ на собраніи.

Пропаганда среди остальныхъ матросовъ велась путемъ брошюръ и, главнымъ образомъ, прокламацій. Нужно замѣтить, что матросы обращались въ севастопольскій комитетъ съ просьбой о прокламаціяхъ, написанныхъ специально для нихъ. Комитетъ охотно исполнилъ просьбу. Какъ только было замѣчено, что пропаганда среди матросовъ идетъ успѣшно, комитетъ старался освѣщать каждый болѣе или менѣе важный случай изъ жизни флота. Такъ, спустя 2—3 дня послѣ бунта, когда матросы утромъ встали и вышли во дворъ, то нашли его усыяннымъ печатными листками, касавшимися послѣдняго событія. Севастопольскій комитетъ убѣждалъ матросовъ придать своему протесту опредѣленный политическій характеръ. Эта прокламація была разбросана въ числѣ 1,800 экземпляровъ. Въ общемъ, съ начала ноября до начала апрѣля, комитетъ распространилъ всего 12,000 экземпляровъ листовъ. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Пора кончать“, „Солдатская памятка“ (въ 2,800 экземплярахъ), „Двѣ Европы“, „Кто побѣдитъ?“, „Смерть тиранамъ!“, „Царскій манифестъ“ (9-го января) и т. д., и т. д. Какъ видно, часть этихъ прокламацій относится къ русскому режиму вообще, другія касаются специально матросовъ. Въ нихъ рисовались условія жалкаго существованія матросовъ въ противовѣсъ преимуществамъ и удобствамъ, которыми пользовались ихъ офицеры. Съ этой цѣлью были подобраны факты, которые должны были произвести сильное впечатлѣніе на матросовъ. Такъ, офицеръ Бановъ, старшій офицеръ учебнаго судна „Прутъ“, перешедшаго, позднѣе, на сторону революціи, потопилъ, по небрежности, паровую шлюпку этого судна. Въмѣсто наказанія, онъ получилъ повышение и былъ назначенъ командиромъ стационера „Пезуапѣ“—того самаго маленькаго судна, которое, вмѣстѣ съ командиромъ Бановымъ, находилось въ Констанцѣ въ то время, когда явился туда „Князь Потемкинъ“; офицеръ этотъ отличился въ комичномъ происшествіи, рассказанномъ дальше Кирилломъ.

Въ другой прокламаціи подчеркивалась огромная разниа въ жалованьи, получаемомъ офицерами и матро-

сами въ Россіи и въ другихъ странахъ. Въ то время, какъ въ Японіи, главный адмиралъ Того получаетъ всего 5,600 рублей годового содержанія, великій князь Алексѣй, главный адмиралъ русскаго флота, получаетъ жалованье въ 18 разъ большее (108,000 рублей)! Насколько, съ другой стороны, лучше содержатся японскіе матросы сравнительно съ русскими! Содержаніе первыхъ обходится государству по 56 рублей на человѣка, въ то время, какъ русскій матросъ стоитъ лишь 24 рубля, изъ которыхъ половину еще крадетъ начальство.

Спеціальныя листки были разбросаны по поводу отъѣзда 800 матросовъ въ Либаву; другіе—во время процесса 30 матросовъ, арестованныхъ въ качествѣ „зачинщиковъ“ во время бунта 3 ноября. Одновременно съ этими частными случаями, выдвигались и общіе вопросы: о войнѣ, о положеніи рабочихъ и крестьянъ, о русскомъ политическомъ строе и т. д. Немедленное прекращеніе войны—это былъ, какъ мы уже говорили, одинъ изъ самыхъ популярныхъ лозунговъ социалистической пропаганды среди матросовъ. Наиболѣе смѣлымъ изъ нихъ совѣтовали, въ случаѣ призыва, отказываться ѣхать на Дальній Востокъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на матросовъ листокъ съ „требованіями матросовъ“, напечатанный социаль-демократическимъ комитетомъ, но составленный и подписанный „матросами и учениками броненосца „Екатерина II“, соединенными съ русской с.-демократической рабочей партіей“. Это былъ уже сигналъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, явившійся въ результатѣ Цусимскаго пораженія.

Въ настоящее время, быть можетъ, именно въ настоящее время, когда Россія, яко-бы сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ, и выдвинулся вопросъ реорганизаціи войска,—знакомство съ этими требованіями является крайне интереснымъ. Всѣ требованія сводятся къ улучшенію жизни матросовъ въ продолженіе службы, и только въ концѣ матросы упоминаютъ о тѣсной связи, существующей между русскимъ общественнымъ строемъ и военнымъ режимомъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ требованій:

1) Сокращеніе службы во флотѣ до 3-хъ лѣтъ (въ настоящее время срокъ семилѣтній).

2) Точное опредѣленіе продолжительности рабочаго дня (работой считаются какъ упражненія во фронтѣ, такъ и спеціальныя занятія).

3) Матросы должны получать жалованье, достаточное для содержанія семьи.

4) Въ несчастныхъ случаяхъ, или болѣзни, къ матросамъ должны примѣняться тѣ-же правила, что и къ другимъ рабочимъ, безразлично, произошеть-ли случай во время или послѣ работы.

5) Деньги, назначенныя для пищи матросамъ, должны расходоваться подъ ихъ непосредственнымъ контролемъ. Въ виду этого, съѣстные припасы должны покупаться самими матросами; повара должны быть выбраны товарищами. „Такимъ образомъ, мы лишимъ васъ возможности насъ обкрадывать“,—говорятъ матросы и ученики броненосца „Екатерина II“, обращаясь къ своему начальству, и продолжаютъ: „да, возможности насъ обкрадывать, такъ какъ вы насъ обкрадываете! Не отрицайте этого; доказательства извѣстны всѣмъ. На миноносцахъ *) пища гораздо лучше, чѣмъ на „Екатеринѣ II“, и съ каждаго человѣка еще остается экономія въ 3—4 рубля“.

Другая категорія требованій—ихъ можно было-бы назвать *Nabeas corporis* матросовъ—должна гарантировать имъ права человѣка и гражданина. Во главѣ этихъ требованій стоитъ отмена титуловъ, съ которыми солдаты должны обращаться къ своимъ офицерамъ, и отмена обычая отдавать честь офицерамъ. Далѣе, идутъ слѣдующіе пункты: всѣ проступки матросовъ подлежатъ обычнымъ судамъ. Если существуютъ военные суды, они должны состоять наполовину изъ офицеровъ, наполовину изъ матросовъ, выбранныхъ товарищами.

Право выбора судей должно быть неприкосновенно. Судьи-матросы пользуются тѣми-же правами, какъ и судьи-офицеры. Цѣлый экипажъ, какъ коллективъ, по-

*) На нѣкоторыхъ миноносцахъ пищевое довольствіе находится въ завѣдываніи самой команды.

добно отдѣльному солдату, имѣть право привлечь къ суду своихъ офицеровъ. Эта и другія прокламаціи были распространены въ сотняхъ экземпляровъ. Когда матросы находились на судахъ, листки разбрасывались и здѣсь. Въ день Рождества потемкинцевъ ожидалъ сюрпризъ: просыпаясь, всѣ нашли на одѣялахъ и подъ койками соц.-демократическія прокламаціи. Каждый сталъ собирать „голубей“, какъ они ихъ звали, „искать укромнаго уголка“, чтобы прочесть ихъ. Потомъ начали собираться кучками и въ продолженіи нѣсколькихъ дней толковали о прочитанномъ. Быть можетъ, не всегда все понималось. Даже иногда,—на что потемкинцы жаловались въ письмѣ, о которомъ рѣчь будетъ дальше,—они говорили, что въ листкахъ много выражений, совсѣмъ непонятныхъ для большинства матросовъ, и просили замѣнить ихъ другими. Но эти листочки, маленькіе, незначительные, часто неразборчивые, напечатанные въ тайныхъ типографіяхъ, на примитивныхъ станкахъ, дѣлали свое революціонное дѣло. Они были живымъ доказательствомъ существованія таинственной, неуловимой партіи, вставшей передъ одинокими, забытыми матросами, чтобы выслушивать ихъ жалобы, и сочувствовать ихъ страданіямъ. Люди этой партіи братски протягивали руку матросамъ, какъ равнымъ себѣ, отдавали имъ свои средства, время и жизнь и звали ихъ на общую борьбу противъ врага всего рабочаго класса. Нельзя требовать отъ пропаганды, обладающей такими ограниченными средствами, чтобы она превратила матросовъ въ сознательныхъ социалистовъ. Она сдѣлала много, придавъ ихъ неопредѣленному недовольству политическій характеръ, популяризируя среди нихъ лозунги социалистической программы—минимумъ.

Прежняя беспорядочная борьба матросовъ стала теперь сознательной. Они признали надъ собой партію и ея программу. „Насъ здѣсь 300 социаль-демократовъ, готовыхъ умереть!“ Этими словами меня встрѣтилъ Матюшенко, когда я въ Констанцѣ взошелъ на „Князя Потемкина“. Эти 300 соц.-демократовъ, быть можетъ, даже не знали всего, чего хочетъ ихъ партія, но тотъ фактъ,

что они могли считать себя членами партіи, давали имъ безграничную вѣру въ собственныя силы.

Вступивъ на этотъ путь съ пробудившейся энергіей и инициативой, матросы находили въ себѣ самихъ то, чего имъ не могли дать прокламаціи. Они пополняли свое политическое воспитаніе наблюденіемъ фактовъ окружающей жизни, чтеніемъ газетъ, брошюръ и книгъ, дозволенныхъ ихъ офицерами. Руководимые ненавистью къ деспотизму, они открывали революціонныя идеи даже въ религіозныхъ книгахъ. Кто ближе зналъ повседневную жизнь на „Кн. Потемкинѣ“, слышалъ рѣчи, которыми обмѣнивались, вопросы, которые дебатировались, тотъ вынесъ-бы впечатлѣніе интенсивной духовной жизни. Это былъ улей трудолюбивыхъ пчелъ, дѣятельности котораго каждый способствовалъ по мѣрѣ своихъ силъ. На суднѣ находилось около 30-ти штундистовъ; они и здѣсь проповѣдывали пассивное уклоненіе отъ войны, отказъ стрѣлять въ „существа, сотворенныя Богомъ“. Почти каждое воскресенье, между ними и командиромъ Голиковымъ, который нарочно держалъ ихъ на ютѣ, происходили назидательные разговоры: „Ну что, подумали-ли вы объ обязанностяхъ солдата? Поняли-ли вы теперь, что нужно стрѣлять во врага, если начальство приказываетъ?—Нѣтъ, намъ нельзя убивать людей.—Кто научилъ васъ этимъ глупостямъ?—Нашъ учитель—самъ Іисусъ Христосъ.—Я спрашиваю, гдѣ вы этому научились?—Въ Евангеліи.—Зачѣмъ-же вы носите ружье, если рѣшили никого не убивать?—Только для упражненій!“ *)—И Голиковъ уходилъ отъ „евангелистовъ“ разсерженный, что разговоры ни къ чему не привели. Бесѣды эти происходили въ присутствіи матросовъ и вызывали среди нихъ горячіе споры.

Если мы начнемъ присматриваться къ отдѣльнымъ личностямъ среди матросовъ, то невольно замѣтимъ выдающіеся характеры, не играющіе видной роли только благодаря соціальнымъ и политическимъ условіямъ своей страны. Первое мѣсто среди матросовъ принадлежитъ

*) Показанія Степана Воронка, евангелиста, служившаго въ артиллеріи на „Кн. Потемкинѣ“.

Никишкину, не только потому, что онъ героически погибъ въ Θεодосіи, а главнымъ образомъ, за его огромное вліяніе на товарищей. На суднѣ онъ былъ кочегаромъ, но, въ дѣйствительности, Никишкинъ имѣлъ призваніе проповѣдника или народнаго трибуна.

Одаренный ораторскимъ талантомъ, проникнутый религіознымъ идеализмомъ, глубоко вкоренившимся въ русскихъ народныхъ массахъ, особенно въ крестьянствѣ, гдѣ души еще не затронуты поверхностнымъ скептицизмомъ, Никишкинъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, входилъ въ свою роль проповѣдника. Обладая замѣчательной памятью, онъ пересыпалъ свою рѣчь цитатами изъ различныхъ авторовъ. Это онъ ввелъ въ моду такія проповѣди, которыя начинались стихомъ изъ Евангелія и кончались революціоннымъ гимномъ. Иной разъ, его товарищи бывали принуждены останавливать его ораторскіе порывы, настолько онъ увлекался своимъ творческимъ талантомъ. Когда они, въ первый пріѣздъ въ Констанцу, вмѣстѣ съ Кирилломъ, сошли на пристань, Никишкинымъ овладѣло желаніе произнести рѣчь передъ взволнованной толпой; Кириллъ настойчиво убѣждалъ его не тратить своей энергіи напрасно, ораторствуя на языкѣ, котораго никто изъ присутствующихъ не понимаетъ.

Въ другомъ родѣ типъ встрѣчаемъ въ лицѣ Звенигородскаго, механика-ученика практической школы, наиболѣе развитого среди матросовъ. Сынъ журналиста, онъ самъ сочинялъ газету, въ которой описывалъ бѣдствія и страданія матросовъ, и читалъ ее вслухъ товарищамъ. Благодаря его дѣятельности, многіе изъ лучшихъ матросовъ, какъ напр. Рѣзниченко, сдѣлались революціонерами. «Какъ часто, рассказывалъ мнѣ Рѣзниченко, мы спорили цѣлыми часами, прислонившись къ борту корабля и устремивъ взоры на тихую поверхность воды!» Но, кромѣ этихъ двухъ, мы можемъ перечислить цѣлый рядъ дѣятельныхъ людей, какъ Матющенко, Рѣзниченко, Куриловъ, Дымченко, Макаровъ, и еще много другихъ. Этотъ міръ переживалъ, обсуждалъ и интересовался тѣми-же фактами и событіями, которые волновали всю Россію. Безспорно, однимъ изъ послѣдствій русско-японской войны явилось пробужде-

ніе у насъ общественной жизни и общественнаго мнѣнія. Обыватели огромной имперіи впервые, быть можетъ, были охвачены чувствомъ національной солидарности. Флотъ и армія сблизились съ народомъ на почвѣ общихъ огорченій, стыда и страданій.

„Идите, идите; есть интересныя новости“, кричалъ въ одно прекрасное утро Никишкинъ, бывший наканунѣ въ городѣ. Когда вокругъ него собралось около 40 матросовъ, онъ открылъ Евангеліе и сталъ, какъ съ нимъ часто случалось, читать совсѣмъ не изъ божественнаго. На этотъ разъ у него была вырѣзка изъ либеральствующей газеты *Разсвѣтъ*, аккуратно заложенная между листами Евангелія. Корреспондентъ газеты изъ Мукдена рассказывалъ случай, какъ молодой офицеръ бранилъ на вокзалѣ генераловъ за ихъ трусость. Это былъ удобный случай для матросовъ напасть на начальство и издѣваться надъ ихъ ничтожествомъ. Другой разъ, Никишкинъ прочиталъ изъ пьесы Горькаго „На днѣ“ революціонныя разсужденія одного изъ жителей кабака Василисы: „Вашъ законъ, ваша истина, ваша справедливость другіе, чѣмъ наши“ и т. д. Различныя новости, отрывки изъ разныхъ авторовъ слышались во всѣхъ углахъ и закоулкахъ броненосца, при чемъ всѣхъ слушателей Никишкина волновали одинаковыя чувства. Слова переходили въ дѣйствія, коллективные протесты сдѣлались частымъ явленіемъ; ихъ подавали обыкновенно вечеромъ, послѣ молитвы передъ сномъ. Послѣ этой церемоніи, происходящей на ютѣ, матросы не расходились, несмотря на команду вахтеннаго офицера. Начинаясь общій ропотъ; тогда одинъ изъ болѣе смѣлыхъ, въ заднихъ рядахъ, рѣшался поднять голосъ и выкрикивалъ тѣ или иныя требованія. Когда все было сказано, матросы расходились.

3 ноября протесты матросовъ въ первый разъ приняли угрожающую форму мятежа. Фонари во дворѣ—это было вечеромъ,—окна казармъ, конторъ и офицерскихъ квартиръ, расположенныхъ во дворѣ—въ одну минуту превратились въ осколки. Офицерамъ, спрятавшимся повсюду, даже въ ватеръ-клозетахъ, удалось ускользнуть отъ гнѣва матросовъ. Солдаты, призванные изъ сосѣднихъ

казармъ, отказались стрѣлять. Наконецъ, матросы и унтеръ-офицеры—ученики судна „Память Меркурія“, нѣсколькими залпами разсѣяли бунтовавшихъ. Тогда, въ наказаніе, порѣшили всѣхъ матросовъ посадить на суда, что и было исполнено 2—3 дня послѣ бунта. Но здѣсь, на судахъ, конфликты возникали еще чаще. Матросы „Екатерины II“ грозили утопить броненосецъ, если имъ не уплатятъ половинное жалованье по военному времени, которое полагается матросамъ на судахъ. Это требованіе, впрочемъ, поддерживалось экипажемъ всѣхъ другихъ броненосцевъ, въ томъ числѣ и „Потемкина“. Они выиграли дѣло. Точно также было исполнено и другое требованіе—перемѣнить качество хлѣба. Матросы-революціонеры, поддерживавшіе требованія объ улучшеніяхъ въ режимѣ матросовъ, въ результатѣ, этимъ увеличили и укрѣпили свое вліяніе. Обычно они бывали инициаторами всякихъ протестовъ и увлекали своимъ примѣромъ нерѣшительныхъ и несознательныхъ. Нѣкоторый, достигнутый ими успѣхъ и относительная безнаказанность, которой они пользовались, ободряли ихъ слѣдовать дальше по начатому пути.

Но болѣе всего, ихъ поощряла война, обнаружившая безчисленные дефекты въ арміи и во флотѣ. Матросы, какъ и слѣдовало ожидать, сваливали ихъ всецѣло на неспособность и трусость „начальства“. Потерявъ всякій авторитетъ, послѣднее перестало внушать страхъ и уваженіе. Для матросовъ стало ясно, что рѣшимость ведетъ къ побѣдѣ, и они сдѣлались смѣлы. Возраженія на замѣчанія командира, или другого офицера, серьезный проступокъ противъ дисциплины сдѣлались дѣломъ обычнымъ. Акты неповиновенія были нерѣдки и—что еще болѣе характерно—матросы старались шумно обнаруживать свое одобреніе неповиновавшимся. Подобный случай былъ при заключеніи въ карцеръ матроса Фурсаева, новобранца, котораго другой новобранецъ называлъ владѣльцемъ найденной у него прокламаціи во время обыска, сдѣланнаго командиромъ Голиковымъ. Фурсаевъ притворился безграмотнымъ, отрицалъ, что зналъ о содержаніи прокламаціи, и наотрѣзъ отказался назвать товарища, который ему ее далъ. Онъ былъ посаженъ въ

карцеръ на суднѣ, но всѣ матросы, передъ носомъ Голикова, ходили его навѣщать, носили ему папиросы и прочіе маленькіе подарки. Въ атмосферѣ, въ которой уже носился духъ мятежа, при полномъ упадкѣ дисциплины, родилась мысль о всеобщемъ возстаніи. Кѣмъ, гдѣ и когда она была высказана впервые? Какъ всѣ истинно популярныя идеи, она не имѣетъ ни автора, ни мѣста и времени возникновенія. Очень вѣроятно, что относительная легкость и большая надежда на успѣхъ, которую представляло возстаніе на суднѣ, при наличности горсти сплоченныхъ матросовъ, внушили одновременно нѣсколькимъ матросамъ мысль о возстаніи. Уже во время бунта 3 ноября матросы обращались въ соц.-дем. комитетъ съ вопросомъ, будетъ-ли своевременно превратить мятежъ въ организованное возстаніе? Комитетъ совѣтовалъ отложить возстаніе до болѣе благоприятнаго момента. Итакъ, идея революціоннаго выступленія матросовъ возникла уже годъ тому назадъ. Позднѣе, въ началѣ этого года, когда поднялся слухъ о еврейскомъ погромѣ, организовавшемся въ Севастополѣ полиціей, въ городъ ушли самовольно 150 вооруженныхъ матросовъ и объявили, что присоединятся къ 500 рабочимъ, для защиты евреевъ.

Дальнѣйшія событія еще болѣе укрѣпили въ умахъ матросовъ мысль о возстаніи. Событія 9—12 января въ Петербургѣ вызвали сильное волненіе въ ихъ средѣ. Многие изъ нихъ разсуждали, что если бы у нихъ явился такой попъ Гапонъ, то правительство такъ легко не отдѣлалось бы. И мысль о возстаніи стала дебатироваться и пропагандироваться на всѣ лады. „Матросская централка“, т. е. центральный комитетъ матросовъ, во главѣ съ представителями отъ революціонеровъ всѣхъ судовъ, началъ серьезно вырабатывать планъ возстанія. Это было дѣло нелегкое. Проектъ вызывалъ множество практическихъ вопросовъ. Какъ быть съ офицерами? Убить ли ихъ, или арестовать? Какія послѣдствія будетъ имѣть возстаніе въ случаѣ побѣды и въ случаѣ пораженія? Не вызоветъ ли оно раздробленія Россіи? Каждый матросъ высказывалъ свои соображенія. Въ письмѣ, отправленномъ потемкинцами въ се-

востопольскій комитетъ, за нѣсколько дней до отъѣзда на островъ Тендеръ, они требовали отвѣта на всѣ вопросы, вызывавшіе сомнѣнія. Но поражение при Цусимѣ, особенно, извѣстіе о казни 40 матросовъ эскадры Небогатова у Шанхая,—сообщеніе изъ русскихъ газетъ—переполнили чашу терпѣнія матросовъ. Всѣ говорили: «если намъ суждено умирать, то вмѣсто того, чтобы пасть отъ руки начальства, или японцевъ, пожертвуемъ жизнью за освобожденіе Россіи». И идея возстанія пріобрѣтала все больше сторонниковъ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ: сколько на „Кн. Потемкинѣ“ было матросовъ, посвященныхъ въ планъ заговорщиковъ? По крайней мѣрѣ половина!—былъ общій отвѣтъ. Дѣйствительно, матросы—революціонеры вовсе не держали въ секретѣ своего плана; они соблюдали только извѣстныя предосторожности. По слѣдующему факту можно судить о ихъ смѣлости: однажды, когда всѣ офицеры одного небольшого военного судна—мы умалчиваемъ объ его имени—уѣхали въ городъ на свадьбу, матросы устроили на немъ революціонный митингъ.

Я обращался къ нѣкоторымъ, наименѣе сознательнымъ матросамъ, желая узнать, былъ ли имъ заранѣе извѣстенъ планъ возстанія, и какъ они о немъ узнали. Отвѣтъ былъ одинъ: „я слышалъ отъ товарища по службѣ, а онъ отъ другого товарища“ и т. д. Въ сущности, главная трудность заключалась въ томъ, чтобы пріучить умы матросовъ къ мысли о возстаніи, а это достигалось намеками слѣдующаго рода: матросъ, напр., жалуется на грубое обращеніе „чорта“ Голикова; ему отвѣчаютъ: „отъ тебя зависитъ избавиться отъ него“. При этихъ словахъ, матросъ широко открываетъ глаза. „Конечно“, продолжаетъ собесѣдникъ, „если мы всѣ сговоримся, то справимся живо съ нашимъ дракономъ“.

Весьма вѣроятно, что и офицеры слыхали о затѣваемомъ; достовѣрно извѣстно, что среди матросовъ имѣлось около тридцати шпионовъ. Они получали вознагражденіе отъ Голикова, сообщая ему все, что знали и слышали. Но какъ разбить этотъ планъ? Арестовать, но кого-же? Трудно было найти членовъ потемкинскаго революціоннаго комитета! Какъ сильно Голиковъ къ

этому стремился, видно по настойчивости, съ какою онъ добивался признанія отъ Фурсаева, откуда тотъ взялъ прокламацію. Онъ даже *общалъ ему сто рублей*, если онъ укажетъ, кто ему далъ листокъ. Не будучи въ состояннн поймать кого-либо изъ членовъ, онъ нерѣдко жестоко преслѣдовалъ случайно подозрѣваемого матроса. Такъ, напр., онъ высадилъ матроса Бородина и 5 его товарищей по подозрѣнню въ пропагандѣ; онъ грозилъ сдѣлать то же съ другими матросами, но неувѣренность мѣшала Голикову дѣйствовать рѣшительно.

Всѣ попытки командира „Кн. Потемкина“ обычными мѣрами водворить дисциплину на броненосцѣ кончались неудачно. Нѣкоторыя изъ мѣръ были просто смѣшны, другія—безполезны, или вызывали совершенно обратное дѣйствіе. Чтобы заручиться симпатіей матросовъ, онъ великодушно разрѣшалъ музыкантамъ устраивать оркестръ, думая старыми пѣснями о герояхъ-матросахъ, получившихъ за послушаніе и храбрость георгіевскіе кресты, отвлечь и усмирить мятежниковъ. Эти затѣи среди матросовъ вызывали смѣхъ, а мѣры строгости ихъ раздражали. Послѣднія заключались, главнымъ образомъ, въ лишенн матросовъ свободнаго времени. Обычно, матросы имѣли обѣденный отдыхъ въ три часа (отъ 11 до 2 ч.) и въ недѣлю два свободныхъ дня на стирку бѣлья. Командиръ лишалъ ихъ этихъ двухъ дней, а обѣденный отдыхъ сокращалъ на половину. Чтобы найти время для стирки, матросамъ приходилось сокращать время сна на нѣсколько часовъ; пришлось работать даже въ ночь подъ Пасху.

Какую же цѣль преслѣдовала эта мѣра? Очевидно, лишить матросовъ возможности собираться и разсуждать. Въ виду этого, имъ даже запрещали читать газеты и журналы, и съ большимъ трудомъ разрѣшали уходить въ городъ. Голиковъ, ночевавшій раньше часто въ городѣ, теперь не покидалъ судна. Часто, онъ ночью обходилъ всѣ спальни, чтобъ посмотрѣть, чѣмъ заняты матросы. «Отчего этотъ гамакъ пустой? Гдѣ матросъ X?» «Онъ—дежурный, ваше высокоблагородіе!»—отвѣчаетъ его сосѣдъ, а матросъ X. бесѣдуетъ съ товарищемъ, въ темномъ углу.

Драконовскія мѣры командира вызвали нерѣдко протесты; особенно шумный произошелъ за 2—3 дня до праздника св. Троицы. Въ самый праздникъ Голиковъ счелъ нужнымъ покончить этотъ скандалъ рѣчью о дисциплинѣ, произнесенной, когда матросы, послѣ утренней обѣдни, находились на ютѣ. Въ своей филиппикѣ противъ неповиновенія—онъ намекалъ на день злосчастнаго бунта—Голиковъ разсказалъ матросамъ о мятежѣ, происшедшемъ лѣтъ 20 тому назадъ, на крейсере „Свѣтлана“, на которомъ онъ въ то время самъ находился; мятежъ окончился смертной казнью многихъ изъ матросовъ. „Вотъ что ждетъ матросовъ, забывшихъ дисциплину“,—закончилъ Голиковъ. „Боже, Боже, какъ онъ глупъ“, сказалъ одинъ изъ офицеровъ о Голиковѣ. „Дѣйствительно“,—замѣтилъ другой—„развѣ теперь время произносить такія рѣчи!“ Въ самомъ дѣлѣ, послѣ пораженія при Цусимѣ, легкомысленны были такія слова. Приучая матросовъ къ мысли о возможности смертной казни, онъ самъ же смягчалъ ихъ страхъ передъ результатами и послѣдствіями возстанія.

Но что могъ сдѣлать несчастный командиръ? Онъ, подобно всякому „солдату“, преданному абсолютизму, долженъ былъ всѣми средствами защищать старую Россію. Передъ трудностью задачи, Голиковъ, какъ и всѣ, терялъ голову и способствовалъ лишь ускоренію надвигающейся катастрофы. Онъ самъ, впрочемъ, понималъ свое безсиліе, онъ самъ убѣждалъ и указывалъ, при удобномъ случаѣ, какъ широко распространилось зло. «У насъ, на суднѣ, все заражено революціонной пропагандой, все, включая и унтеръ-офицерскихъ чиновъ»,—озабоченно говорилъ Голиковъ жандармскому полковнику, явившемуся на „Потемкина“, по поводу исторіи съ новобранцемъ Фурсаевымъ, происшедшей за нѣсколько дней до отъѣзда на Тендеръ. Всѣ попытки искоренить революцію кончались у Голикова такъ же неудачно, какъ и у другихъ начальниковъ, въ томъ числѣ и у Чухнина. Послѣдній даже пробовалъ воз-

*) Разговоръ сообщилъ намъ товарищъ Коваленко — офицеръ механикъ на „Кя. Потемкинѣ“.

дѣйствовать на матросовъ патріотическими проповѣдями, но не имѣлъ успѣха. Однажды, въ день 16 февраля, портовые рабочіе освистали его и столкнули съ импровизированной трибуны, съ которой главный адмиралъ, и въ то же время командующій всѣми черноморскими портами, разносилъ социалистовъ и „космополитовъ“. Онъ долженъ былъ поспѣшно скрыться, преслѣдуемый криками: „Долой Чухнина! Долой двухъ орловъ!“ *). Онъ написалъ цѣлый рядъ статей въ *Севастопольскомъ Вѣстникѣ* объ основахъ христіанства и монархизма, но матросы осмѣивали наивныя разглагольствованія стараго прислужника абсолютизма. Узнавъ, что прокламаціи въ большомъ количествѣ ходятъ по рукамъ у матросовъ, онъ приказалъ сдѣлать обыски, главнымъ образомъ, въ казармахъ учениковъ-механиковъ. Обыскъ существенныхъ результатовъ не далъ такъ же, какъ и попытка открыть мѣсто собраній матросовъ.

По этому поводу Рѣзниченко рассказываетъ характерный случай, происшедшій на одномъ собраніи, гдѣ онъ лично присутствовалъ. „Когда мы только что хотѣли начать, является вдругъ многочисленный патруль, съ офицеромъ во главѣ, и хочетъ насъ всѣхъ арестовать. Одинъ изъ насъ подходитъ къ офицеру и, отдавъ ему честь, спрашиваетъ: „Вамъ чего угодно, ваше высокоблагородіе?“ — „Я вамъ приказываю расходиться!“ — „Почему?“ — „Потому что я приказываю!“ — „Но, ваше высокоблагородіе, мы ничего преступнаго здѣсь не дѣлаемъ.“ — „Расходитесь, или я прикажу стрѣлять.“ — „Прикажете, но никто васъ не послушаетъ! Если я сегодня здѣсь, то завтра я могу оказаться въ патрулѣ подъ вашимъ начальствомъ и выстрѣлю въ васъ перваго, если вы, какъ сегодня, прикажете стрѣлять въ товарищей“. Не говоря ни слова, офицеръ приказалъ повернуть назадъ и удалился, вмѣстѣ съ патрулемъ“. **) Матросы по прежнему продолжали собираться, выбравъ только новое мѣсто. По поводу этихъ собраній командиръ судна „Прутъ“ — Барановскій также произнесъ

*) Знакъ на эполетахъ главнаго адмирала.

**) Свидѣтельство Рѣзниченко.

рѣчь; назвавъ „жидовъ“ причиною всѣхъ смуть во флотѣ, онъ добавилъ, что у него не дрогнула-бы рука подписать смертный приговоръ всѣмъ матросамъ, посягающимъ тайныя сходбища социалистовъ. „Это—ты правду сказалъ!“—говорилось въ прокламаціи, появившейся черезъ нѣсколько дней послѣ рѣчи.—„Мы знаемъ, что ты—палачъ, но близокъ часъ, когда и наши руки безъ содроганія затянутъ петлю на твоей шеѣ. Близится часъ расплаты“. Черезъ нѣсколько недѣль, Барановскій былъ арестованъ матросами, а его товарищъ, Голиковъ, палъ жертвой упорства самодержавія.

ГЛАВА I.

Драма въ Тендровской бухтѣ.

Изъ Севастополя въ Тендровскую бухту.—Покупка провизіи въ Одессѣ.—Исторія съ гнилымъ мясомъ.—Поведеніе старшаго врача.—Пассивное сопротивленіе матросовъ.—Конфликтъ.—Рѣчь командира Голикова.—Вмѣшательство старшаго офицера Гиляровскаго.—Приготовленія къ разстрѣлу матросовъ.—Горячій споръ между матросомъ Вакулинчукомъ и Гиляровскимъ.—Карауль отказывается стрѣлять.—Убійство Вакулинчука.—Матросъ Матющенко и командиръ.—Казнь артиллерійскаго офицера Неупокоева и старшаго офицера.—Разгаръ бунта.—Казнь Вильгельма Тона.—Народный судъ надъ командиромъ Голиковымъ.—Его казнь.—Новый командиръ.—Судъ надъ кондукторами Бурдюковымъ и Лѣсовымъ.—Поиски другихъ офицеровъ и бѣгство послѣднихъ.—Деревянный щитъ и миноносецъ № 267.—Разжалованіе офицеровъ.—Рѣчи.—Отплытіе въ Одессу.

„Князь Потемкинъ Таврической“, первый броненосецъ въ мірѣ, поднявшій красное знамя, составляетъ наиболѣе крупную боевую единицу русскаго черноморскаго флота *). Выстроенный по типу „Трехъ Святителей“, онъ его превосходилъ артиллеріей, машинами, снабженными электрическими моторами и, наконецъ, болѣе толстой броней. Его начали строить, еще въ 1899 году, на верфи въ Николаевѣ, а окончили и спу-

*) „Князь Потемкинъ“, длиною въ 113 метровъ, шириною въ 22 метра, имѣетъ водоизмѣщеніе въ 12500 тоннъ и максимальную скорость въ 16 узловъ. Вооруженіе его состоитъ изъ пяти минныхъ аппаратовъ и 48 пушекъ, изъ нихъ 4 въ 305-мм. и 12 въ 160-мм.

стили на воду только въ 1904 году, въ октябрѣ; работы по вооруженію продолжались до настоящаго, 1905 года. Въ маѣ мѣсяцѣ будущій революціонный броненосецъ дѣлалъ первые опыты стрѣльбы; настоящее же артиллерійское испытаніе было назначено въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ бухтѣ Тендеръ. Здѣсь, на скалистомъ пустынномъ островѣ, естественные батареи и валы должны были служить точкой прицѣла для артиллерійскихъ упражненій „Потемкина“. Специальными экспертами на этотъ случай были присланы поручикъ артиллеріи отъ военного министерства и подполковникъ—представитель казеннаго металлургическаго Обуховскаго завода, гдѣ были отлиты пушки. Послѣ испытанія, „Князь Потемкинъ“ долженъ былъ присоединиться къ Севастопольской эскадрѣ и сейчасъ же отплыть на большіе маневры, происходившіе ежегодно, въ одно и то же время, въ бухтѣ Тендеръ.

Отплытіе броненосца было назначено на воскресенье 12 іюня. Дѣйствительно, въ этотъ день, въ 2 часа пополудни „Князь Потемкинъ“, сдѣлавъ запасъ изъ 2000 какъ боевыхъ, такъ и учебныхъ снарядовъ, для опытовъ, снялся съ якоря, медленно поплылъ по рейду среди остальныхъ судовъ и вышелъ изъ порта, салютуя и сигнализируя по всѣмъ правиламъ. Вышедши въ море, онъ справа обогнулъ высокія, живописныя скалы Севастополя и, развивъ въ машинахъ нормальную скорость, пошелъ по направленію къ Одессѣ, гдѣ и находилась вышеупомянутая бухта. Волненіе, шумъ и суета, сопровождавшіе отплытіе парохода, смѣнились полной тишиной. Вахтенный офицеръ стоялъ на мостикѣ; командиръ судна пошелъ въ адмиральскую каюту, часть офицеровъ отправилась спать въ свои каюты, другая часть оставалась въ каютѣ-компаніи, гдѣ стояло піанино, для любителей музыки. Матросы дѣлали то же самое. Кто былъ дежурный ночью, пользовался, по своему усмотрѣнію свободнымъ временемъ; товарищи, занятые днемъ, работали каждый на своемъ посту. Въ плавающемъ суднѣ работа, главнымъ образомъ, если не исключительно, сосредоточена въ машинномъ отдѣленіи. И на „Потемкинѣ“ машинное отдѣленіе, въ нѣкоторомъ родѣ, играло

роль революціоннаго клуба. Въ данный моментъ, въ клубѣ царило необычайное оживленіе. Къ повседневному дѣламъ матросовъ-механиковъ прибавились дѣла другого рода. Наканунѣ отъѣзда, къ потемкинцамъ явились гости-товарищи съ „Екатерины“ II и „Синопа“; они хотѣли узнать мнѣніе матросовъ насчетъ возстанія. Съ тѣхъ поръ какъ опредѣлился планъ послѣдняго, происходили частыя совѣщанія между революціонерами заинтересованныхъ судовъ. Здѣсь продолжали обсуждать средства и мѣры къ возстанію, уже рѣшенныя на собраніи центрального комитета матросовъ, гдѣ, кромѣ послѣднихъ, присутствовали и представители севастопольскаго социаль-демократическаго комитета. Одинъ темный пунктъ всѣхъ сильно беспокоилъ: какъ будетъ держать себя „Кн. Потемкинъ“? На броненосцѣ было, конечно, многочисленное ядро преданныхъ революціонеровъ; но большое число новобранцевъ, находившихся на суднѣ, внушало серьезныя опасенія. Нужно замѣтить, что на совершенно новомъ суднѣ экипажъ состоялъ, большею частью, изъ матросовъ перваго года, недавно явившихся изъ городовъ и деревень и еще „мало обработанныхъ“. Поведеніе „Потемкина“ имѣло большое значеніе; еслибъ онъ отказался отъ возстанія, оно почти навѣрняка окончилось-бы неудачей. Всѣ броненосцы, вмѣстѣ взятые, исключая „Трехъ Святителей“, не стоили одного „Потемкина“. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно знать, что его 305 миллиметровыя пушки, благодаря усовершенствованному механизму, могли давать 6 ударовъ въ минуту, между тѣмъ, какъ пушки на другихъ броненосцахъ давали одинъ выстрѣлъ въ теченіи семи минутъ. Матросы-революціонеры на „Потемкинѣ“ не раздѣляли, однако, опасеній товарищей; двое изъ нихъ, Звенигородскій и Рѣзниченко, съ согласія товарищей, отправили письмо въ севастопольскій комитетъ, предлагая ему дать сигналъ къ возстанію уже въ первые дни морскихъ маневровъ. Социаль-демократическій комитетъ, послѣ совѣщанія съ центральнымъ комитетомъ матросовъ, совѣтовалъ отложить возстаніе до конца маневровъ и употребить время пребыванія въ Тендерѣ на усилен-

ную пропаганду среди матросовъ. Такое же мнѣніе высказывали матросы съ „Екатерины II“ и „Синопа“, явившіеся на „Потемкина“. Послѣ долгихъ разговоровъ, единогласно постановили, что революціонный комитетъ „Потемкина“ созоветъ на Гендеръ, въ лѣсу, общее собраніе матросовъ. Если оно выскажется за ближайшія дѣйствія, то будетъ выбранъ день для возстанія. Рѣшеніе будетъ сообщено другимъ судамъ, когда „Потемкинъ 15 іюня придетъ въ Севастополь, чтобы забрать съ собой остальную эскадру. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить одну черту изъ психологіи матросовъ. Я говорю о духѣ соревнованія между экипажами различныхъ судовъ, который оказалъ, вѣроятно, нѣкоторое влияние на ходъ дальнѣйшихъ событій. Матросы, какъ и весь мало культурный народъ, не зная жизни, не имѣя политическаго воспитанія, отличались большимъ простодушіемъ. Ихъ поступками часто руководили самыя непосредственныя чувства. Что въ нихъ было особенно сильно—это корпоративное самолюбіе. Матросы „Потемкина, быть можетъ, съ нѣкоторой завистью относились къ факту, что комитетъ избралъ, для поднятія возстанія и руководства имъ, броненосецъ „Екатерину II“, считая его наиболѣе революціоннымъ. Они требовали себѣ эту честь тѣмъ болѣе, что на общемъ собраніи 23-го апрѣля, въ день Св. Георгія, нѣкоторые матросы другихъ судовъ предложили „Потемкину“ выступить первымъ. Но, такъ какъ по случаю дождя, много матросовъ не явилось на это собраніе, устроенное подъ открытымъ небомъ, то вопросъ остался нерѣшеннымъ. Потемкинцы, однако, обѣщали товарищамъ другихъ судовъ не начинать, пока не будетъ принято опредѣленнаго рѣшенія.

Объ этихъ вопросахъ и шелъ разговоръ среди механиковъ—самой передовой и сознательной части матросовъ. Здѣсь подвергался новой обработкѣ планъ возстанія, столько разъ уже дебатированный и обсужденный. Вопросъ, какъ держать себя съ офицерами, былъ важнѣе всего для матросовъ—революціонеровъ,—какъ мы уже упоминали въ предыдущей главѣ. Всѣ отлично понимали, что какъ только сигналъ къ воз-

станію будетъ данъ съ „Екатерины II“, первымъ дѣломъ придется избавиться отъ офицеровъ. Но какими путями? Здѣсь мнѣнія расходились. Одни, преимущественно, штундисты, хотѣли во что бы то ни стало избѣжать кровопролитія; они совѣтовали просто арестовать все начальство. Другіе, и среди нихъ Звенигородскій,—одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ комитета, говорили, что революція не обходится безъ жертвъ. Во-первыхъ, они предусматривали, что сопротивление со стороны офицеровъ заставитъ прибѣгнуть къ оружію; во-вторыхъ, они думали, что убійство двухъ или трехъ, наименѣ популярныхъ изъ нихъ, втянетъ въ возстаніе и самыхъ нерѣшительныхъ матросовъ, привыкшихъ дрожать передъ начальствомъ*).

Всѣ другіе пункты плана возстанія, исключая времени и мѣста, были разработаны всесторонне. Выбрали уже начальниковъ — „старшинъ“ на различные роды службъ. Сговорились насчетъ сигналовъ; первымъ сигналомъ удачнаго возстанія будетъ красное знамя, водруженное на мѣстѣ Андреевскаго флага. Другой вопросъ, сильно заботившій будущихъ повстанцевъ,—это мѣсто и роль каждаго изъ возставшихъ судовъ. Такъ, учебное судно „Прутъ“ должно было организовать десантъ, чтобы овладѣть артиллеріей севастопольской крѣпости. Это только въ томъ случаѣ, если возстаніе будетъ объявлено при возвращеніи эскадры съ общихъ маневровъ. Въ разговорахъ матросовъ высказывались и обсуждались предположенія всякаго рода, взвѣшивались всѣ шансы на успѣхъ. Съ серьезныхъ вещей переходили къ обычнымъ предметамъ, къ разговорамъ о повседневной жизни въ казармахъ. Нѣкоторые факты, передаваемые сильнымъ, выразительнымъ народнымъ языкомъ, вызывали среди матросовъ взрывы смѣха. Вотъ, исторія съ матросомъ учебной команды, который, при меньшей находчивости, былъ бы пойманъ на мѣстѣ преступленія, за революціонную пропаганду. У него явилась гениальная идея налѣпить на внутренней поверхности своего сундука полдюжины портретовъ ца-

*) Показаніе Федора Ковалева, матроса-механика.

рей и царицъ, генераловъ и адмираловъ, и нѣсколько святыхъ православной церкви; наверху онъ положилъ аккуратно нѣсколько брошюръ знаменитаго чудотворца, о. Іоанна Кронштадтскаго, а совсѣмъ внизу, подъ бѣльемъ, онъ спряталъ революціонныя брошюры. По доносу фельдфебеля Тышевскаго, слѣдившаго за матросами, капитанъ Шперлингъ слѣлалъ у вышеназваннаго матроса неожиданный обыскъ. Но, какъ только онъ увидѣлъ у него столько признаковъ монархическо-религіозныхъ чувствъ, онъ опустилъ крышку сундука и не сталъ въ немъ рыться. За этой исторіей, шли другія; и оживленные разговоры, изрѣдка прерываемые появленіемъ боцмана, неустанно раздавались въ раскаленной душной атмосферѣ, наполненной специфическимъ запахомъ угольнаго дыма и перегорѣвшаго масла. Разрѣзая темныя волны Чернаго моря, оставляя за собой широкіе бѣлые слѣды, гордый, величественный „Потемкинъ“ уносилъ тѣхъ простолюдиновъ, на которыхъ вся демократическая Россія, въ теченіе двѣнадцати дней, смотрѣла съ такой надеждой.

Море было тихо и гладко, и такимъ оно оставалось въ продолженіе достопамятной крейсеровки броненосца. Въ понедѣльникъ, утромъ, 13 июня, подходили уже къ острову Тендеръ. Въ тотъ же день, въ 1 ч. пополудни, миноносецъ № 267, временно прикомандированный къ броненосцу, поднялъ якорь и отплылъ въ Одессу, подъ командою поручика Клодта; за нимъ уѣхало за провизіей и нѣсколько матросовъ съ „Потемкина“, во главѣ съ лейтенантомъ Макаровымъ. Возвращаясь, вечеромъ, въ 10 часовъ, они, въ темнотѣ, наткнулись на лодку и потопили ее; владѣльцы ея—рыбаки были, къ счастью, спасены. Съѣстные припасы были переправлены на бортъ судна; мясо было подвѣшено на высокое и прохладное мѣсто, на спардекъ; а дежурные матросы стали помогать поварамъ чистить картошку и капусту для завтрашняго супа. При этомъ, матросы, сопровождавшіе Макарова, рассказали товарищамъ, что въ Одессѣ происходитъ всеобщая забастовка, и благодаря этому, они могли купить только часть необходимой провизіи. Во вторникъ, въ 5 часовъ

утра, матросы, какъ обычно, уже были на ногахъ. Одѣвшись и помолившись, начали мыть палубу. Одинъ изъ нихъ, обративъ вниманіе, что мясо издаетъ сильную вонь, подозвалъ товарищей. „Вѣдь оно кишитъ червями“, замѣтилъ матросъ, поближе рассмотрѣвши кусокъ мяса. Шумъ быстро разнесся по всему судну и, черезъ нѣсколько минутъ, вокругъ мяса образовалось тѣсное кольцо. Посыпались всевозможные комментаріи. „Въ Японіи русскихъ плѣчныхъ лучше кормятъ, чѣмъ насъ“, замѣтилъ кто-то. „Я этого мяса не далъ бы своей собакѣ“, вставляетъ другой, презрительно поворачиваясь спиной. Въ это время подходит кондукторъ и скрестивъ руки, сердитымъ голосомъ, чтобы казаться болѣе внушительнымъ, говоритъ: „какъ, ваши товарищи въ Портъ-Артурѣ ѣли собачье мясо, а вы говядиной недовольны?“— „Да разѣ здѣсь Портъ-Артуръ?“ возразили нѣсколько матросовъ сразу, и жестокія обвиненія, сопровождаемая мѣткой, энергичной бранью, которой такъ изобилуетъ русскій языкъ, посыпались по адресу офицеровъ и, особенно, лейтенанта Макарова. Сходка, собравшаяся въ необычное время, становилась все больше, и привлекла вниманіе вахтеннаго офицера; узнавъ о причинѣ, онъ пошелъ предупредить коменданта Голикова. Спустя нѣсколько минутъ, послѣдній, въ сопровожденіи старшаго врача, явился на палубу. Врачъ подходитъ къ мясу, важно надѣваетъ пенснэ, проводитъ носомъ по поверхности мяса и, какъ военный врачъ, привыкшій дисциплину ставить выше здоровья матросовъ, заявляетъ строго: „Это ничего не значитъ! Время лѣтнее. Мясо хорошее; достаточно его слегка помыть соленой водой и удалить мѣста, гдѣ завелись черви“. Объясненіе, данное человѣкомъ науки, вызвало ропотъ среди матросовъ. Голиковъ окинулъ ихъ гнѣвнымъ взглядомъ. „Расходитесь!“ скомандовалъ онъ. Матросы уходятъ медленно. „Я повторяю: расходитесь“. Дневальному приказываютъ стоять возлѣ мяса и записывать фамилии тѣхъ, кто будетъ приходить его осматривать. И народъ, собравшійся со всѣхъ помѣщеній броненосца, на спардекъ, вернулся къ обычнымъ дѣламъ. За работой, матросы

оживленно обсуждали только что происшедшій инцидентъ. Недовольство было сильно. Поведеніе врача его слова, его отвѣты, рѣчи и жесты Голикова,—все это вызывало самые неучтивыя толки объ обоихъ офицерахъ. Съ свойственнымъ имъ недовѣріемъ, матросы рѣшили, что эти господа раньше между собой сговорились, и осмотръ мяса былъ просто комедіей. Отчасти, это было справедливо. Врачъ хотѣлъ угодить Голикову; послѣдній старался быть строгимъ, чтобы не позволять матросамъ „капризничать“. Настоящій солдатъ долженъ ѣсть все, что начальство сочтетъ нужнымъ ему предложить. А разъ онъ испорченную пищу начинаетъ находить дурной, то это признакъ скверный: въ немъ пошатнулась дисциплина. Вполнѣ понятно, почему Голиковъ остался бы крайне недоволенъ, еслибъ врачъ сталъ на сторону матросовъ; всякое соглашеніе между врачомъ и комендантомъ было излишне; оно естественно вытекало изъ психологіи каждаго изъ этихъ господъ въ отдѣльности. Мясо, которое сторожилъ дневальный, было назначено для слѣдующаго дня; другая половина уже варилась въ котлѣ, куда была брошена прежде, чѣмъ матросы подняли исторію съ мясомъ. Но, если мясо сегодня никуда не годится, то какво оно будетъ завтра? На этотъ вопросъ, матросъ Рыжовъ отвѣтилъ немного наивно, но вполнѣ резонно: „До завтра число и величина червей еще увеличатся“. Какъ быть?—раздумывали матросы, стоя за работой въ различныхъ отдѣленіяхъ судна. Какъ только въ головѣ кого нибудь изъ нихъ рождалась удачная мысль, она моментально облетала все судно. Всѣ были согласны, что это оскорбленіе и вызовъ, которыхъ нельзя оставить безъ заслуженнаго отвѣта. Наконецъ, пришли къ такому рѣшенію: никто не долженъ дотронуться до супа. Матросы, у которыхъ есть деньги, купятъ себѣ провизію въ судовой лавкѣ, другіе будутъ ѣсть сухой хлѣбъ и воду. „Но супа мы не желаемъ! Если онъ нравится Смирнову и Голикову, пусть они его сами ѣдятъ!“ Вотъ лозунгъ, который, съ быстротой молніи, облетѣлъ весь бакъ и ютъ, былъ сообщенъ всѣмъ ме-

ханикамъ, артиллеристамъ, учебной командѣ и дежурнымъ матросамъ дневной и ночной смѣны.

Кто внушилъ эту мысль?

Матросы-революціонеры не пропускали ни одного подобнаго случая, не воспользовавшись имъ для агитаціи противъ „начальства“. Они даже сами вызывали иногда столкновения, въ которыхъ революціонеры мѣрились силой съ офицерами. Понятно, что инцидентомъ съ гнилымъ мясомъ они также воспользовались, какъ только узнали о немъ, и стали во главѣ протеста. Но какъ поступить? Зная, что близокъ часъ рѣшительнаго шага — возстанія, они хотѣли во что бы то ни стало избѣжать остраго конфликта съ командиромъ. Результатомъ будутъ только репрессіи, арестъ наиболѣе вліятельныхъ изъ матросовъ, словомъ, дезорганизация революціоннаго дѣла на „Князь Потемкинъ“ на неопредѣленное время. Съ другой стороны, оставить безъ протеста такой возмутительный фактъ было бы равносильно трусости и отказу отъ роли безстрашныхъ защитниковъ матросовъ въ столкновенияхъ съ начальствомъ. Теперь, наканунѣ возстанія, революціонеры-матросы болѣе, чѣмъ когда-либо, старались удержать свой престижъ и вліяніе въ глазахъ новобранцевъ, еще молодыхъ и могущихъ легко подпасть деморализующему воздѣйствію начальства. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, революціонеры остановились на промежуточномъ рѣшеніи: отказаться отъ супа, не устраивая, въ то же время, „голодной стачки“. Впрочемъ, всѣ матросы были настолько возмущены несправедливымъ обращеніемъ, что общались немедленно и безпрекословно повиноваться данному лозунгу. То, что мы говоримъ, относится не только къ матросамъ-рядовымъ, но и ко всѣмъ нижнимъ чинамъ: фельдфебелямъ, помощникамъ машинистовъ и кондукторамъ, которые, обычно, заѣдали матросовъ. Одинъ изъ послѣднихъ, напр., остановилъ матроса Козленкова, не безъ брани и угрозъ, въ обнаруженномъ имъ намѣреніи ѣсть супъ, несмотря на принятое рѣшеніе.*)

*) Показаніе Козленкова, матроса съ парового катера бронепоса.

Когда часъ завтрака насталь, никто не пошелъ за своимъ бакомъ (чашкой). Столы оставались пустыми. Послѣ перваго сигнала для раздачи водки, многіе матросы начали уже завтракать, и когда раздался второй свистокъ, звавшій ихъ въ 11 часовъ за супомъ, они уже кончили ѣсть и требовали у повара Данилюка приготовить имъ чай.

Такъ началась потемкинская драма.

Прежде чѣмъ идти дальше, нужно замѣтить, что подобный случай не первый на русскомъ военномъ суднѣ. Матросамъ „Потемкина“ была извѣстна исторія на крейсере 1-го ранга „Березинъ“, происшедшая въ юль мѣсяцѣ 1903 г., когда онъ возвращался изъ Сухума въ Севастополь. Причиной и тамъ было тухлое мясо, пять дней висѣвшее на солнцѣ и полное червей; судовой врачъ, Золотаревъ, назвалъ его „очень питательнымъ“. Матросы собрались на палубѣ и, громко крича, стали требовать офицера Коскова, завѣдывавшаго снабженіемъ провіанта. Вахтенный офицеръ старался успокоить матросовъ, но на всѣ его увѣщеванія, они отвѣчали: „Дайте намъ хлѣба, мы голодны, мы хотимъ ѣсть!“ Иные, разрывая рубаху и обнажая грудь, изступленно кричали: „Прикажите нашимъ братьямъ застрѣлить насъ!“ Въ это время, мимо нихъ проходило пассажирское судно „Пушкинъ“. Какъ только матросы замѣтили его, они начали дѣлать знаки, чтобы онъ остановился, и кричали: „Пушкинъ, дайте намъ хлѣба, мы голодны, мы хотимъ ѣсть!..“ Когда они, наконецъ, пригрозили „открыть кингстоны“ и утопить судно, комендантъ формально обѣщалъ исполнить всѣ ихъ требованія и тотчасъ послалъ офицера за новой провизіей.

Исторія этого голоднаго бунта невольнo вспомнилась потемкинцамъ; они говорили объ ней громко.

Ни одно движеніе матросовъ не ускользало отъ бдительности коменданта и вахтеннаго офицера Левенцова. Послѣдній лично потребовалъ супъ, и на вопросъ командира, каковъ онъ, отвѣтилъ: „превосходенъ“, и сожалѣлъ, что болѣзнь горла не позволяетъ ему съѣсть больше.

Вахтенный офицеръ продолжалъ и дальше усердствовать. Какъ только онъ замѣтилъ, что матросы не берутъ своихъ чашекъ, онъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ офицеру, а тотъ командиру. Нѣсколько минутъ спустя, Голиковъ ужъ былъ на ютѣ и справлялся на кухнѣ о причинахъ отказа матросовъ, іезуитски притворяясь, что онъ ихъ не знаетъ. „Матросы не хотятъ ѣсть супа изъ-за червей“ — отвѣчаетъ поваръ Данилюкъ, „они требуютъ масла и чаю.“ — „Созвать всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія!“ Левенцовъ приказалъ барабанщику бить къ общему сбору.

Здѣсь начинается второй актъ нашей драмы. Событія идутъ логической цѣпью, одно за другимъ, пока не разразилась катастрофа со всѣми послѣдствіями. На командира ложится всецѣло полная отвѣтственность за поступки, жертвою которыхъ пали онъ самъ и другіе офицеры. На дѣлѣ, матросы, воспользовались вполне законнымъ правомъ. Они отказались лишь ѣсть вызвавшій отвращеніе супъ, что сдѣлалъ бы всякій на ихъ мѣстѣ, изъ опасенія захворать. Нужно ли упоминать, что это дѣлалось безъ шума, или скандала?

Но что сдѣлалъ комендантъ? вмѣсто того, чтобы сдѣлать выговоръ офицеру Макарову, купившему мясо, вмѣсто того, чтобы выслушать основательную жалобу матросовъ и стараться ихъ успокоить, онъ думалъ силой заставить съѣсть этотъ супъ. Нелѣпое, невѣроятное упрямство! Силой подавить естественное, физическое отвращеніе къ испорченной пищѣ, котораго матросы не могли бы побороть! Для Голикова все равно! Прежде всего, онъ былъ офицеромъ русской старой школы, считавшимъ всякую уступку матросамъ подрывомъ авторитета и дисциплины. Но увы! Онъ дорого заплатился за преданность устарѣлымъ принципамъ милитаризма.

Вернемся къ описанію событій.

Черезъ нѣсколько минутъ, всѣ матросы, исключая тѣхъ, которые не могли бросить машины, выстроились въ нѣсколько рядовъ по бокамъ юта: налѣво—матросы дневной смѣны, направо—ночной. Старшіе унтеръ-офицеры, фельдфебели, кондуктора,—всѣ стояли на своихъ

мѣстахъ, рядомъ съ матросами. На минуту исчезнувшій командиръ появляется, становится на коленѣ, окруженный двумя врачами и всѣми офицерами, исключая механиковъ, обѣдавшихъ въ каютѣ, и обращается съ рѣчью къ матросамъ: „Вы, кажется, недовольны супомъ! Хорошо я запечатаю чашку съ этимъ супомъ и отправлю въ главное управление въ Севастополь, но я васъ предупреждаю, ничего хорошаго для васъ изъ этого не выйдетъ“. Слѣдуетъ маленькая пауза. Командиръ продолжаетъ, намекая на предыдущую рѣчь, о которой мы упоминали. „Я говорилъ уже вамъ и повторять не буду, что ждетъ матросовъ, забывшихъ дисциплину. За это вашего брата вонъ тамъ вѣшаютъ!“... И онъ пальцемъ указалъ на Нокъ-мачту. При послѣдней угрозѣ, матросъ Борчанъ, стоявшій въ заднихъ рядахъ, отпустилъ, по адресу коменданта, „тпру!“ какъ будто, онъ хотѣлъ остановить слишкомъ зарвавшуюся лошадь. „Что ты дѣлаешь,—дуракъ!“ говоритъ ему сосѣдъ Матющенко, — ты насъ всѣхъ подвергаешь опасности!“ Комендантъ, на минуту, остановился, наблюдая впечатлѣніе своихъ словъ, а затѣмъ, продолжалъ: „Пусть тѣ, которые согласны ѣсть супъ, стануть сюда!“

Кондуктора и двое-трое унтеръ-офицеровъ выступили впередъ; остальные матросы, унтеръ-офицеры и фельдфебели, остались на мѣстахъ.

„Ну-ка! Ну-ка! Спѣшите—вы!“ кричалъ разсвирѣпѣвшій командиръ. Никто не трогается. Изъ заднихъ рядовъ раздается ропотъ и протесты.

„Бшь самъ, драконъ!“, замѣтилъ кто-то. „Этотъ чортъ сегодня золъ“, говоритъ другой. Замѣчанія дѣлались тихимъ голосомъ и не доходили до ушей коменданта, но послѣднему и безъ того было слишкомъ ясно, что матросы рѣшили оказывать пассивное сопротивление. „Ага, вы не желаете повиноваться: я вамъ покажу! Виновники отъ меня не уйдуть!“ *) Пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ онъ отдалъ приказъ вызвать караулъ. Среди матросовъ началось общее движеніе.

---

*) Показанія Шестидесятаго, члена революціоннаго комитета; замѣтки Матющенко и пр.

„Безполезно упорствовать“, — замѣтили нѣкоторые. „Выйдемъ изъ рядовъ и пойдемъ всѣ въ сторону башни“, сказалъ Матюшенко и одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ башнѣ, окружавшей двѣнадцатидоймовыя орудія. Всѣ послѣдовали его примѣру. Съ лѣвой стороны уже не оставалось никого; на правой сторонѣ было еще человѣкъ 20-30 изъ заднихъ рядовъ, не успѣвшихъ присоединиться къ товарищамъ. Но, въ этотъ моментъ, произошло событіе, съ котораго начинается третья фаза конфликта. Старшій офицеръ Гиляровскій, наблюдавшій внимательно, стоя рядомъ съ Голиковымъ, вдругъ отдалъ приказъ отставшимъ матросамъ не трогаться съ мѣста. „Нѣтъ, уже достаточно, оставайтесь здѣсь!“ кричалъ онъ, и чтобы приказъ его былъ исполненъ, онъ, вмѣстѣ съ вахтеннымъ офицеромъ Левенцовымъ, заградилъ имъ дорогу. Гиляровскій, вѣроятно, дѣйствовалъ по приказу командира, но онъ могъ такъ поступить и по собственной инициативѣ. Вернувшись, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, съ Дальняго Востока, гдѣ онъ участвовалъ въ сраженіи при Чемульпо, Гиляровскій, за кратковременное пребываніе на броненосцѣ, обнаружилъ грубость, властолюбіе и крайнее честолюбіе. Онъ арестовалъ на три дня матроса, донесшаго на своего товарища Фурсаева, (исторія съ прокламаціей) за то, какъ мы говорили матросы, — что онъ сдѣлалъ доносъ прямо командиру, а не ему, старшему офицеру *). Въ разговорахъ съ офицерами онъ, однако, либеральничалъ, браня „неспособныхъ“, доведшихъ Россію до полнаго разстройства. Онъ даже обѣщалъ, послѣ окончанія войны и пораженія японцевъ, самому отправиться въ Петербургъ, съ топоромъ въ рукахъ**), чтобы наказать министровъ. Либерализмъ его былъ чисто показнымъ; въ своихъ отношеніяхъ къ матросамъ онъ былъ офицеръ, требующій отъ подчиненныхъ слѣпого, безпрекословнаго повиновенія, безъ всякихъ разсужденій. Поэтому, весьма вѣроятно, что Гиляровскій, по собственной инициативѣ,

*) Показаніе Ръзниченко, члена революц. ком.

**) Слова, переданныя офицеромъ-механикомъ Коваленко.

задержалъ 30 оставшихся матросовъ, желая превзойти усердіемъ самого командира. Какъ-бы то ни было, послѣдній помогаль ему въ охотѣ за матросами. Когда нѣкоторые изъ нихъ хотѣли убѣжать черезъ люкъ, ведущій въ адмиральскую каюту, находящейся вблизи того мѣста, гдѣ происходила сцена, Голиковъ, сталь возлѣ люка, не пропуская никого, и кричалъ: „Назадъ, этотъ входъ не для васъ!“ *) Нужно прибавить, наконецъ, что, какъ Голиковъ, такъ и Гиляровскій, руководствовались вполне опредѣленнымъ мотивомъ, дѣйствуя такъ, а не иначе. Мотивомъ, объясняющимъ и ихъ дальнѣйшее поведеніе, было желаніе непреклонной строгостью искоренить духъ непокорности и мятежа, охватившій весь экипажъ. Эту идею настойчиво проводили оба офицера. Инцидентъ съ мясомъ являлся желаннымъ случаемъ; съ сожалѣніемъ охотника, у котораго изъ-подъ рукъ ускользаетъ добыча, они смотрѣли, какъ разбивается ихъ планъ о внезапную покорность матросовъ. Желая все-же дать поучительный примѣръ, они рѣшили случайно оставшихся матросовъ сдѣлать жертвой распатанной дисциплины.

Караулъ, состоящій изъ 27 матросовъ, уже былъ на ютѣ. „Окружите ихъ“, приказалъ Гиляровскій, указывая на кучку матросовъ. Понимая низкую роль, которую ему навязывали, караулъ подвигался нехотя. „Я повторяю, окружите ихъ!“ Приказанія возбужденнаго старшаго офицера звучали тревожно, зловѣще, точно порывы бури, несущіе дурныя предзнаменованія. „Порпорщикъ Левенцовъ, спросите ихъ имена!—Боцманъ, велите принести брезентъ!“ Еще мгновеніе, и бѣлый саванъ, которымъ на военныхъ судахъ покрываютъ приговоренныхъ къ смерти, закроетъ отъ матросовъ весь окружающій міръ.

Рѣшилъ-ли Гиляровскій идти до конца? Думаль-ли онъ сыграть комедію, чтобы напугать матросовъ и заставить ихъ выдать „зачинщиковъ“? Этотъ секретъ онъ унесъ съ собой въ могилу. Матросы не имѣли времени изслѣдовать, что было на душѣ этого безум-

*) Показаніе Денисенко.

наго человѣка. Вдали отъ всякаго человѣческаго общества, куда они могли бы апеллировать; одинокіе среди огромной водной пустыни, они могли ожидать всего отъ начальства, которому варварскіе законы давали полную власть распоряжаться жизнью подчиненныхъ. И смерть, ужасная, близкая смерть, встала передъ ихъ испуганнымъ взоромъ. Еще минута и поднимутся ружья, раздастся сухой трескъ; они будутъ разстрѣляны и выброшены за бортъ, въ море, неизвѣстно куда. На суднѣ, какъ и въ воздухѣ, царила гробовая тишина; это продолжалось секунду. „Братья, отчего вы насъ покидаете?“—крикъ отчаянья, вырвавшійся у матроса Вакулинчука, пробудилъ матросовъ, собравшихся вокругъ башни, изъ ихъ оцѣпенѣнія; воздухъ наполнился ропотомъ, протестами, восклицаніями. „Они хотятъ ихъ разстрѣлять! Но мы не должны этого допустить! Довольно терпѣть!“ Нѣсколько матросовъ скрылись черезъ входъ въ центральную баттарею.

Бунтъ только начинался. Гиляровский, желая, быть можетъ, его предупредить, приказалъ стрѣлять. Здѣсь произошелъ фактъ, рѣшившій едва начатую борьбу въ пользу революціонеровъ. Карауль отказался стрѣлять. Матросы не хотѣли поднять руку на товарищей, съ которыми ихъ соединяло чувство солидарности и съ которыми они, до сихъ поръ, дѣлили и радости и горе. Трагическая судьба приговоренныхъ къ смерти товарищей могла вѣдь постигнуть и ихъ самихъ. Мятежный духъ, охватившій весь экипажъ, заразилъ и ихъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: „не стрѣляйте, это ваши братья! Не стрѣляйте!“ Громче всѣхъ кричалъ матросъ артиллеристъ Вакулинчукъ, стоявшій во главѣ окруженной группы. Григорій Вакулинчукъ—старшій унтеръ офицеръ—былъ въ глазахъ начальства „негодяемъ“. Нѣсколько разъ онъ былъ наказанъ за смѣлые отвѣты на замѣчанія начальства. За нѣсколько дней до снятія съ якоря судна, между нимъ и Гиляровскимъ произошелъ горячій споръ, въ пылу котораго онъ угрожающе произнесъ: „О, это скоро окончится!“ Вакулинчукъ, конечно, имѣлъ въ виду возстаніе.*) Гнѣвъ

*) Показанія Шестидесятаго.

Гиляровскаго достигъ высшей точки, когда онъ увидѣлъ передъ собой того самаго Вакулинчука, обращавшагося къ матросамъ возлѣ башни, съ явнымъ призывомъ къ оружію.

— Ага, ты тоже не хочешь супа?

— Развѣ можно ѣсть такую гадость?

Два человѣка пронизывали другъ друга взглядомъ, измѣряя всю глубину взаимной ненависти.

— Стрѣляйте,—скомандовалъ еще разъ Гиляровскій.

— Не стрѣляйте, мы—братья,—произнесъ Вакулинчукъ, дѣлая движеніе головой *).

Караулъ стоялъ, не поднимая ружей.

При новомъ отказѣ, ожесточеніе Гиляровскаго превратилось въ безуміе. Онъ бросается на ближайшаго матроса караула, Горчака, и отнимаетъ у него ружье.

Послѣдній, на минуту уступивъ передъ стремительнымъ и неожиданнымъ набѣгомъ старшаго офицера, беретъ снова назадъ свое ружье. Гиляровскій дѣлаетъ видъ, что вынимаетъ револьверъ изъ кармана, затѣмъ, снова бросается къ караулу, и опять безуспѣшно; опять берется за револьверъ, котораго, вѣроятно, у него не было, или онъ былъ не заряженъ. Только въ третій разъ, Гиляровскому удается вырвать ружье изъ рукъ молодого новобранца. Вся сцена продолжалась лишь нѣсколько минутъ, но Вакулинчукъ успѣлъ рѣшиться на крайній шагъ. Со словами, произнесенными на малороссійскомъ нарѣчій: „До какихъ же поръ мы будемъ рабами!“ онъ хватается ружье одного изъ караульныхъ и исчезаетъ позади орудійной башни. Гиляровскій бѣжитъ за нимъ. Но прежде, чѣмъ онъ его догналъ, до ушей офицеровъ, матросовъ и стражи долетаетъ ужасный шумъ, крикъ человѣческихъ голосовъ, стукъ прикладовъ объ полъ. „Кто мутитъ тамъ матросовъ?“—кричитъ комендантъ Голиковъ. „Я знаю, это—каналья Матющенко!“ отвѣчаетъ Гиляровскій, и исчезаетъ за башней, преслѣдуя Вакулинчука.

Бунтъ въ полномъ разгарѣ. Наступаетъ четвертый, рѣшающій актъ Тендровской драмы. Онъ начинается

*) Показаніе матроса кочегара Рыжова.

одновременно—на ютъ, гдѣ Вакулинчукъ, первый, беретъ въ руки оружіе, — и въ центральной батарее. Что же происходило въ послѣдней?

Въ то время, когда Вакулинчукъ крикнулъ матросамъ, стоявшимъ близъ башни, „почему вы насъ покидаете“, нѣсколько человекъ, съ Матюшенкой во главѣ, вошла въ центральную батарею, гдѣ находились пирамиды съ ружьями. При возгласахъ: „Къ оружію! Довольно терпѣнія! Нашихъ братьевъ разстрѣливаютъ! Долой тирановъ! Да здравствуетъ свобода!“ часть матросовъ разобрала ружья, другая пошла ломать двери въ патронные погреба, чтобы достать патроны. Матюшенко, съ ружьемъ въ рукахъ, выходитъ на ютъ, но, не имѣя еще патроновъ, онъ останавливается, при входѣ въ центральную батарею. Офицеры еще надѣялись подавить бунтъ. Полковникъ артиллеріи Неупокоевъ ходилъ, съ одного конца юта на другой, и кричалъ: „Всѣхъ ихъ подь судъ, всѣхъ!“ Командиръ Голиковъ приказалъ маленькой группѣ безразличныхъ матросовъ, которые оставались на ютъ, заявлять свои имена вахтенному офицеру Левенцову, „чтобы не смѣшать ихъ съ бунтовщиками“. Затѣмъ, онъ направился, съ другими офицерами, ко входу въ центральную батарею, чтобы разсѣять матросовъ. Здѣсь онъ сталкивается съ Матюшенко, который съ ружьемъ въ рукахъ охранялъ входъ, ожидая патроновъ. „Чего ты хочешь, сумасшедшій? Брось винтовку!“ крикнулъ командиръ. „Никогда, пока я живъ.“ — „Бросай оружіе, я приказываю!“ — „Убирайтесь, броненосецъ уже не вашъ; онъ принадлежитъ намъ, онъ принадлежитъ народу.“ И Матюшенко, съ размаху, бросаетъ въ командира снятымъ съ винтовки штыкомъ. Пролетѣвъ мимо, штыкъ вонзается въ полъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Голикова. Тогда, Матюшенко, ударомъ приклада, хочетъ убить своего врага; послѣдній дѣлаетъ быстрое движеніе; ружье падаетъ на полъ и съ шумомъ ломается. Взять другое ружье въ центральной батарее и возвратиться снова на ютъ было для Матюшенко дѣломъ одной минуты. Вдругъ, поднимаясь по адмиральской лѣстницѣ, появляется привидѣніе, одѣтое въ черное. Это попъ Пармень, держащій въ рукахъ се-

ребряный крестъ и поднимающій его къ небу. „Миръ съ тобою, мой сынъ.“ — „Убирайся, халдей, убирайся, пьяница!“ и Матюшенко слегка дотрагивается прикладомъ ружья до церковно-служителя. Попъ бросаетъ крестъ и, торопясь убѣжать, падаетъ на полъ.

Получивъ патроны, Матюшенко заряжаетъ ружье и первымъ выстрѣломъ убиваетъ старшаго артиллерійскаго офицера Неупокоева, возлѣ адмиральскаго люка. Его тотчасъ же выбросили въ море *).

Неупокоевъ былъ убитъ первымъ изъ офицеровъ, но онъ былъ не первой жертвой этой печальной драмы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, лежалъ смертельно раненый Григорій Вакулинчукъ.

Старшій офицеръ Гиляровскій догналъ Вакулинчука позади башни, въ лѣвой части судна. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ защититься, пуля попала ему прямо въ грудь. Раненый, истекая кровью, онъ бросается на Гиляровскаго, вырываетъ у него ружье. Но силы его оставляютъ; шатаясь, онъ падаетъ. Но онъ еще не умеръ. Желая избѣжать второй пули, а можетъ быть, и подъ вліяніемъ боли, онъ дѣлаетъ сверхчеловѣческія усилія, доползаетъ до борта и бросается въ воду**).

Матросъ Валобуевъ быстро спустился по лѣстницѣ въ воду и вытащилъ своего товарища***).

Матюшенко встрѣчаетъ Гиляровскаго въ тотъ самый моментъ, когда онъ, выстрѣливши въ Вакулинчука, снова вернулся на ютъ. Не теряя времени, онъ прицѣливается въ него; ударъ промахнулся. Также безуспѣшно Гиляровскій стрѣляетъ въ Матюшенко; видя свою неудачу, онъ обращается къ стражѣ у лѣстницы, слѣва, и кричитъ: „застрѣли мнѣ эту каналю“. Испуганный матросъ бросаетъ ружье и убѣгаетъ. Гиляровскій поднимаетъ заряженное ружье и, забывая на минуту своего главнаго врага, стрѣляетъ въ стражу. Прежде чѣмъ раздался выстрѣлъ, пуля ударяетъ его

*) Записки Матюшенко. Въ новомъ разсказѣ М. объ этой сценѣ онъ дополнилъ свои первыя воспоминанія.

***) Показаніе Сергѣя Головлицкаго, матроса находившагося на миноносцѣ № 267, откуда можно было видѣть всю сцену.

****) Показаніе Валобуева.

въ спину и, смертельно раненый, Гиляровскій, шатаясь, падаетъ на полъ. Думая, быть можетъ, что рана не опасна и рассчитывая, что, выстрѣливъ, матросъ постарается убѣжать, не встрѣтивъ сочувствія въ остальныхъ матросахъ; или, просто, по привычкѣ офицеровъ дѣйствовать угрозами, хотя бы и безсмысленными, Гиляровскій обратился къ Матющенко съ слѣдующими предсмертными словами: „Ага, я тебя знаю, каналья! Ты убѣжишь теперь на сушу, но я сумѣю тебя найти!“ Матющенко возразилъ: „Ты не успѣешь болванъ! Я отправлю тебя юнгой къ Макарову“ *). Подобно Неупокоеву, Гиляровскаго выбросили за бортъ.

Убѣжденіе Гиляровскаго, высказавшееся въ его послѣднихъ словахъ, что къ этому самоуправству нѣсколькихъ матросовъ остальные не посмѣютъ присоединиться, раздѣлялось, очевидно, всѣми офицерами. Въ то время, какъ происходила, возлѣ башни, вышеописанная сцена, вахтенный Левенцовъ, старшій врачъ Смирновъ и другіе, съ револьверами наготовѣ, подходили къ каждой группѣ матросовъ, къ каждому матросу изъ караула и грозили убить, если кто тронется съ мѣста. Въ этотъ моментъ, раздался ружейный залпъ со спардека, куда успѣло подняться человекъ 20 вооруженныхъ матросовъ: ясно, что движеніе разрослось.

Тогда офицеры, кондуктора, унтеръ-офицеры, часть матросовъ и караульные бросились, не взирая на опасность, по адмиральской лѣстницѣ, черезъ пушечныя амбразуры, чтобы спастись въ нижней части броненосца. Другіе, схвативъ спасательные круги, прямо бросились въ море. Самые смѣлые, наконецъ, взяли изъ козелъ оружіе и присоединились къ возставшимъ товарищамъ. Секунду спустя, ящики съ патронами были на ютѣ. Съ неистовствомъ, матросы бросились къ нимъ, и ножами, штыками и просто руками,—у Фурсаева руки были въ крови и ободраны о желѣзо ящичковъ съ патронами,—отрывали жестяныя крышки. Черезъ нѣсколько минутъ, бунтъ охватилъ всѣ части су-

*) Адмиралъ Макаровъ, погибшій на броненосцѣ „Петропавловскъ“ у Порть-Артура.

дна; страшный, неудержимый ураганъ, грозящій все поломать и все унести на своемъ пути. Революціонные возгласы сливались съ криками мести. На ряду съ возгласами: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ раздавалось: „Бей ихъ, хамовъ! Всѣхъ!“ по адресу офицеровъ. Всѣ страданія и униженія; все, что довело матросовъ до этого взрыва; всѣ чувства, съ трудомъ скрываемаыя въ тайникахъ души: ненависть, злоба и презрѣніе къ своимъ офицерамъ, — которые и въ этотъ моментъ сдѣлали все, чтобы ихъ довести до отчаянія,—все теперь вырвалось въ дикихъ, кровожадныхъ крикахъ, взывающихъ о мести. Вопли наполнили воздухъ и среди нихъ, изрѣдка, раздавались глухіе звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Стрѣляли по всѣмъ направленіямъ, но больше всего въ воду, куда бросилось много офицеровъ и матросовъ, стараясь спастись на миноносецъ, или на деревянный шитъ. „Офицеры, гдѣ офицеры!? Подайте намъ офицеровъ!“ кричали со всѣхъ сторонъ, и матросы, небольшими группами, ходили разыскивать начальство.

„Не нужно мстить въ одиночку!“ кричали болѣе вліятельные, „нужно вывести офицеровъ на ютъ и судить ихъ въ присутствіи всего экипажа“.

Среди этого шума появляется поручикъ Вильгельмъ Тонъ. „Въ воду его, въ воду!“ кричатъ матросы. Но офицеръ дѣлаетъ знакъ, что онъ хочетъ говорить, и бушующая толпа внезапно утихаетъ. Тонъ считался офицеромъ умнымъ, энергичнымъ, справедливымъ, хотя и строгимъ, и былъ уважаемъ большею частью матросовъ. Матросы замолкли и стали его слушать. „Я съ тобой хочу говорить“, обратился онъ къ Матющенко, который подвинулся къ нему. Но потому ли,—что онъ не вѣрилъ добрымъ намѣреніямъ Матющенко, державшаго въ рукахъ свое ружье, или потому, что считалъ его главаремъ движенія, съ устраненіемъ котораго мятежъ прекратится и матросы покорятся,—только вмѣсто того, чтобы говорить, Тонъ поднимаетъ револьверъ и стрѣляетъ два раза въ Матющенко. Первая пуля пролетѣла мимо и ранила въ руку другого матроса;

вторая оцарапала високъ Матющенко.*) Матросъ механикъ, Шестидесятый, выхватилъ револьверъ офицера, но выстрѣлъ изъ ружья сдѣлалъ предосторожность излишней. Тонъ былъ убить и выброшенъ за бортъ, какъ Гиляровский и Неупокоевъ...

„Гдѣ комендантъ? Намъ нужно Голикова!“ слышались новые крики.

До сихъ поръ, совершенныя казни носили характеръ случайный. Хотя тѣла трехъ офицеровъ лежали уже надѣморскомъ,—но истинный виновникъ, представитель гнуснаго режима, противъ котораго возстали матросы, тотъ, который обращался съ ними, какъ съ дикими звѣрями, и не далѣе, какъ утромъ, грозилъ имъ висѣлицей, былъ еще живъ. Казнь Голикова представлялась матросамъ, среди которыхъ онъ возбудилъ жестокою ненавистью, торжествомъ справедливости и символомъ ихъ побѣды. Въ его лицѣ они думали казнить весь режимъ. Вооруженные матросы разсѣялись кучками въ поискахъ за офицерами и, въ частности, Голиковымъ. Нѣсколько минутъ спустя, звонъ разбитыхъ стеколъ, грохотъ взломанныхъ дверей, крики: „Долой драконовъ! Да здравствуетъ свобода!“— раздавались изъ коридора, гдѣ въ два ряда были расположены офицерскія каюты. Офицеровъ въ нихъ уже не было; имъ удалось спрятаться въ другихъ мѣстахъ. Только старшій врачъ Смирновъ еще оставался въ каютѣ и былъ убитъ здѣсь выстрѣломъ въ окно, матовое стекло котораго было сломано. Эта казнь, нарушившая постановленіе не убивать офицеровъ, безъ суда надъ ними, долго оставалась неизвѣстной главарямъ движенія *).

Въ то время, когда многіе изъ матросовъ разыскивали начальство, раздались одинъ за другимъ три взрыва, отъ которыхъ затрясся весь броненосецъ; долгое время, ихъ зловѣщее эхо еще повторялось въ горныхъ высотахъ пустыннаго острова. Это гремѣла 47 миллиметровая пушка, направивъ свой гнѣвъ въ миноносецъ № 267.

Близость его къ возставшему судну была опасна.

*) Замѣтки Матющенко.

Какъ сказано выше, миноносецъ былъ прикомандированъ къ „Потемкину“, на время плаванія. Революціонерамъ не извѣстны были его намѣренія. Такъ какъ ни командиръ, ни экипажъ не были знакомы, была возможна атака съ его стороны. Недовѣріе еще увеличилось, когда замѣтили, что кто-то—должно быть офицеръ, спасшійся, вплавъ, съ „Потемкина“—былъ принять на бортъ миноносца и послѣдній тотчасъ-же началъ удаляться отъ броненосца. Какъ послѣ узнали, комендантъ мотивировалъ передъ матросами отплытіе желаніемъ, быть подальше отъ пулъ взбунтовавшагося судна. Матросы-революціонеры, не безъ основанія, объясняли отъѣздъ намѣреніемъ командира извѣстить скорѣе о случившемся въ Одессѣ и Севастополѣ. Они рѣшили нѣсколькими выстрѣлами изъ пушки остановить миноносецъ. Необходимые снаряды находились въ спеціальному складѣ; его быстро взломали, и матросъ принесъ 5 снарядовъ, изъ которыхъ 3-мя бомбардировали миноносецъ. Желая лишь напугать его, выстрѣлъ направили дальше, чѣмъ находился миноносецъ. Послѣдній, тотчасъ-же, послѣдовалъ приказанію броненосца и, повернувъ острый конецъ, гдѣ находились мины, къ сушѣ (въ знакъ миролюбивыхъ намѣреній), началъ приближаться къ броненосцу.

Въ это время, группа матросовъ вела переговоры у дверей адмиральской каюты, куда скрылись Голиковъ и прапорщикъ Алексѣевъ. Несмотря на настойчивое требованіе матросовъ, они не хотѣли впустить ихъ, и только, когда начали ломать двери, Голиковъ сдался, видя бесполезность сопротивленія. Обоихъ офицеровъ нашли совершенно раздѣтыми, готовыми броситься въ море. Кортѣжъ побѣдоносныхъ матросовъ, ведя плѣнныхъ офицеровъ, направился, по адмиральской лѣстницѣ, на ютъ. Командиръ Голиковъ предчувствовалъ свою судьбу; онъ читалъ ее въ словахъ и на лицахъ матросовъ, пришедшихъ за нимъ,—и, передъ ожидавшей его смертью, совершенно потерялъ присутствіе духа. Высокомѣрный, жестокой начальникъ умолялъ теперь тѣхъ самыхъ матросовъ, которыхъ онъ, сегодня утромъ, хотѣлъ разстрѣлять. «Старый дуракъ, что ты сдѣлалъ со своими

матросами!» говорилъ онъ вслухъ. Увидѣвъ Матющенко, онъ бросается къ нему на шею и сквозь слезы просить пощады: «Я согрѣшилъ передъ всѣмъ экипажемъ; прости меня, братъ мой...»—«Я лично ничего противъ тебя не имѣю», отвѣчаетъ тотъ, «какъ матросы рѣшать».—«На нокъ командира, на нокъ, которымъ онъ грозилъ намъ сегодня утромъ!»—кричали матросы, а онъ продолжалъ умолять. Видъ дрожащаго, жалкаго старика не успокоилъ матросовъ... Толпа осыпала его упреками и бранью. Каждый перечислялъ рядъ страданій, наказаній, несправедливостей, униженій, нанесенныхъ ему Голиковымъ. Но крики: «довольно, довольно ждать! Всадить ему пулю, которую онъ заслужилъ!» положили конецъ картинѣ народнаго суда. Командира отвели на нѣсколько шаговъ дальше; раздался залпъ. Трупъ Голикова выбросили въ море

«Пощадите меня, братья; я такой-же матросъ, какъ и вы; у меня жена и дѣти!» такъ умолялъ матросовъ прапорщикъ Алексѣевъ.—«Мы не тронемъ тебя, но обѣщай привести насъ въ Одессу!» Алексѣевъ сейчасъ же согласился быть командиромъ судна. Но, и безъ этого обстоятельства, матросы не убили-бы его; его любили за товарищеское отношеніе. Служивши раньше простымъ матросомъ, онъ хорошо зналъ ихъ жизнь; ставши офицеромъ, онъ выражалъ чувства солидарности къ матросамъ. Пощадили также двухъ наиболѣе ненавистныхъ кондукторовъ, Лѣсового и Бурдюкова, извѣстныхъ злостью и грубостью. Матросы хотѣли казнить ихъ, какъ Голикова, но оба кондуктора начали плакать. Прося у матросовъ прощенія за «свои грѣхи», они обѣщали полное повиновеніе, если имъ оставить жизнь. «Пусть меня не зовутъ больше Лѣсовымъ, если я не буду во всемъ васъ слушаться. Спасите мнѣ жизнь, и я клянусь женой и дѣтьми, что буду исполнять всѣ ваши приказанія!» говорилъ одинъ изъ нихъ. Бурдюковъ также умолялъ. «Оставимъ ихъ», посоветовали нѣсколько матросовъ: «у насъ всегда будетъ время наказать ихъ, если они намъ измѣнятъ!» Обоихъ пощадили. Послѣ, однако, матросамъ пришлось раскаиваться въ своемъ великодушіи, такъ какъ оба конду-

ктора, преимущественно, Бурдюковъ, стали во главѣ контръ-революціи.

Миноносецъ подошелъ къ броненосцу. Черезъ минуту, два офицера, бывшіе на немъ—лейтенантъ баронъ Клодтъ, комендантъ миноносца, и лейтенантъ Макаровъ, убѣжавшій съ Потемкина, были на палубѣ броненосца. Ихъ сопровождало нѣсколько матросовъ; желая спасти жизнь своему командиру, барону Клодту, они представили его, какъ очень добраго и мягкаго начальника. Нужно замѣтить, что на миноносцахъ покупкой провіанта завѣдывали сами матросы. Этимъ объясняется, что пища у нихъ была лучше и мясо хорошаго качества.

Матросы на миноносцѣ, стоявшемъ всего въ десяти метрахъ налѣво отъ Потемкина, видѣли всю драму, происшедшую на немъ. Они слышали приказаніе Голикова относительно караула. „Вотъ до чего дѣло дошло съ такими начальниками“, сказалъ по этому поводу баронъ Клодтъ: „Что-же дѣлать теперь съ матросами: арестовать ихъ, разстрѣлять?“ Офицеры и матросы еще разсуждали объ этомъ, когда услышали ясный и отчетливый крикъ: „не стрѣляйте, они наши братья!“ Они увидѣли, что событія принимаютъ серьезный оборотъ. Передъ ихъ глазами разыгрывалась кровавая трагедія. Не знали, что дѣлать. Черезъ нѣсколько минутъ, они увидѣли человѣка, плывущаго къ миноносцу. Это былъ офицеръ Макаровъ. „Снимите съ меня мундиръ“, просилъ онъ, когда очутился на миноносцѣ. Нѣсколько матросовъ раздѣли его и дали свою блузу, такъ какъ подъ мундиромъ не оказалось ничего. Затѣмъ, Макаровъ вынимаетъ изъ мундира пачку вымокшихъ банковыхъ билетовъ и принимается ихъ сушить *). Что было дальше, читатели уже знаютъ: миноносецъ хотѣлъ уѣхать и его остановили.

Заступничество матросовъ спасло жизнь ихъ командиру, но оно не помогло Макарову. „Въ воду лейтенанта Макарова, въ воду!“ кричали со всѣхъ сторонъ. „Довольно крови! Народу не нужно столько крови!“

*) Показаніе Сергѣя Головицкаго.

слышались болѣе благоразумные голоса, и начался споръ. Въ первый моментъ борьбы, подѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ жестокости офицеровъ и приготовленій къ разстрѣлу окруженныхъ матросовъ, всѣми революціонерами овладѣла ненасытная жажда мести, бѣшенство и кровожадность. Даже штундисты, эти поборники мира, которые на всѣ увѣщанія Голикова отвѣчали, что никогда не будутъ убивать себѣ подобныхъ, были охвачены общимъ вихремъ и стрѣляли, не считая пули. Но казнь Голикова вызвала, такъ сказать, реакцію. Несознательные матросы, видѣвшіе въ бунтѣ только актъ личной мести, вѣроятно, продолжали-бы еще, но были-же и матросы сознательные, руководимые общей политической идеей. Они не думали, конечно, о личной отвѣтственности, потерявшей всякое значеніе при такихъ обстоятельствахъ; они думали объ отвѣтственности передъ дѣломъ, за которое хотѣли бороться. Для этого дѣла, теперь, когда броненосецъ въ ихъ рукахъ, когда главный преступникъ, Голиковъ, казненъ, кровопролитіе становилось бесполезнымъ и даже вреднымъ. Вѣдь это революція, а не мятежъ! „Дѣло народа больше не нуждается въ крови!“ Крикъ былъ услышанъ. Казни прекратились, жизнь Макарова была пощажена. Удовлетворились арестомъ обоихъ въ офицерской каютѣ, лишивъ ихъ знаковъ отличія. Также рѣшено было поступить съ прочими офицерами.

Часть матросовъ пошла мыть палубу горячей водой, а другіе продолжали разыскивать остальное начальство. Куда оно спряталось?

Здѣсь, намъ приходится возвращаться къ началу драмы. Офицеры сидѣли уже за столомъ, когда старшій офицеръ Гиляровскій пришелъ доложить коменданту, что матросы не хотятъ ѣсть супа. По этому поводу старшій врачъ повторилъ то, что сказалъ уже утромъ, прибавляя, что это „простой капризъ“ со стороны матросовъ, если они отказываются отъ такого мяса, что „присутствіе червей не указываетъ вовсе на его дурное качество“ *).

*) Показаніе офицера механика Коваленко, отбывавшаго воинскую повинность.

Голиковъ и Гиляровскій вышли вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, матросъ, по приказанію коменданта, позвалъ на палубу двухъ врачей. При сигналѣ къ общему сбору, другіе офицеры, исключая механиковъ и офицеровъ, прибывшихъ изъ Петербурга, ушли изъ-за стола. Звукъ выстрѣла и паденіе тѣла скоро возвѣстили оставшимся, что наверху происходятъ серьезныя событія.

Раздавшіеся крики: „ихъ всѣхъ нужно убить“, указывали, что ихъ жизнь въ опасности. Быстро раздѣваясь, они начали бросаться въ воду; впереди офицеръ Коваленко. Его примѣру послѣдовало два инженера Заушкевичъ и Харкевичъ и лейтенантъ артиллеріи Григорьевъ, командированный военнымъ министерствомъ. Всѣ четверо поплыли по направленію къ деревянному щиту, находившемуся въ 100 метрахъ направо отъ судна. Ружейный залпъ, раздавшійся съ палубы, показалъ офицерамъ, что ихъ бѣгство замѣчено. Лейтенантъ Григорьевъ, пораженный нѣсколькими пулями, умираетъ, рядомъ съ Коваленко. Онъ и двое другихъ товарищей благополучно добрались до щита. Что дѣлать? Отдохнувши нѣсколько минутъ, они рѣшили взять доску со щита и, съ ея помощью, добраться до отдаленнаго берега. „Механикъ Коваленко, механикъ Коваленко!“—слышится крикъ съ броненосца. Коваленко встаетъ на щитъ и отвѣчаетъ, что онъ здѣсь. „Вернитесь, вамъ ничего не сдѣлаютъ!“ Онъ направляется обратно къ судну. Ему велятъ подождать; и два матроса въ лодкѣ подѣзжаютъ къ щиту и забираютъ офицеровъ. Имъ говорятъ, что имъ нечего бояться. Коваленко не только любилъ среди машинной команды, но считали даже своимъ. Многіе изъ нихъ знали его передовые взгляды, не разъ получая отъ него либеральныя прокламаціи. Участвуя въ „союзѣ офицеровъ—друзей народа“ въ Севастополѣ, который, отчасти, онъ самъ основалъ, Коваленко думалъ служить дѣлу матросовъ.

Когда всѣ прибыли на судно, имъ объявили, что бояться имъ нечего, что никакого насилія надъ ними совершено не будетъ, и что до окончательнаго рѣше-

нія матросовъ, они будутъ находиться подъ арестомъ, въ офицерской каютѣ. Ихъ просили снять свои знаки отличія: на революціонномъ суднѣ не должно быть ни начальниковъ, ни подчиненныхъ; всѣ равны другъ другу.

Понемногу и другіе офицеры присоединились къ нимъ: младшій врачъ Голенко, найденный подъ судовой цистерной; полковникъ, представитель Обуховскаго завода, спрятавшійся въ уборной; полковникъ Цвѣтковъ— въ машинномъ отдѣленіи; мичманъ Ястребцевъ, инженеръ Калужный, лейтенантъ Назаровъ, спрятавшіеся по разнымъ угламъ. Находясь внѣ опасности, офицеры могли хладнокровнѣе обсудить дѣйствія матросовъ; всѣ согласились, что виновники не матросы, а само правительство *). Впрочемъ, они не вполне правильно оцѣнивали моментъ. Они думали, что это—простой мятежъ и предполагали, что матросы сдадутся какому-нибудь иностранному правительству, напримѣръ, Турціи, оставляя офицеровъ и броненосецъ на произволъ судьбы.

Въ это самое время, квартирмейстеръ 1-й статьи Матющенко, выдвинутый событіями, объяснялъ товарищамъ, собравшимся на ютѣ, всю важность революціоннаго момента, въ который они начали борьбу за освобожденіе русскаго народа. Благодаря своей смѣлости, рѣшительности и хладнокровію, Матющенко уже пріобрѣлъ то сильное вліяніе на матросовъ, которое онъ сумѣлъ удержать до конца. Его рѣчь и рѣчи другихъ матросовъ, членовъ революціоннаго комитета: Никишкина, Звенигородскаго, Рѣзниченко, развертывали передъ матросами планъ возстанія. Товарищи высказывали увѣренность, что ихъ выступленіе не будетъ единственнымъ, что за ними послѣдуетъ вся эскадра. Рѣчи встрѣчались криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ Пока произносились рѣчи, группа матросовъ расправлялась со старшимъ врачомъ Смирновымъ, бросая его за бортъ. На его просьбы дать ему спокойно умереть, отвѣчали: „А ты хотѣлъ сегодня утромъ заставить насъ ѣсть гнилое мясо!“—

*) Показанія Коваленко.

„Я не виноватъ“,—говорилъ врачъ,—„я принужденъ былъ такъ поступать“. На Смирновъ тяготѣло еще другое обвиненіе. Говорили, что онъ изъ револьвера убилъ караульнаго за неповиновеніе приказаніямъ Гиляровскаго *).

Послѣ Гиляровскаго, Неупокоева, Голикова, Тона, командированнаго военнымъ министерствомъ Григорьева, Смирновъ былъ шестымъ. Послѣдовала еще седьмая жертва, мичманъ Левенцовъ, который, вѣроятно, убитъ былъ въ водѣ. Упомянемъ еще о мичманѣ Вахтинѣ, который былъ только раненъ. Онъ находился въ офицерской каютѣ, когда матросъ хотѣлъ пройти мимо, за снарядами, для бомбардировки миноносца. Боясь, вѣроятно, быть убитымъ, Вахтинъ не пропустилъ матроса, заперевъ дверь. Матросъ положилъ свою ношу, высадилъ дверь и запустилъ стуломъ въ офицера. Раненый въ голову, офицеръ упалъ подъ столъ, его послѣ вытащили и отправили въ лазаретъ, гдѣ лежалъ уже смертельно раненый Григорій Вакулинчукъ. Число матросовъ, случайно убитыхъ въ теченіе этой драмы, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ, боясь взрыва на суднѣ,—распространился слухъ, что офицеръ Тонъ находится въ помѣщеніи подъ 305 миллиметр. пушками и намѣревается взорвать броненосецъ—бросились въ море и утонули, не умѣя плавать. Другіе были убиты залпами. Многіе попрятались, по примѣру начальства, и показались только тогда, когда все было кончено.

Въ четыре часа пополудни, матросы, принявшіе команду различныхъ частей, заранѣе назначенныхъ имъ планомъ возстанія, объявили, что все готово къ отплытію.

Отъ матросовъ миноносца узнали о событіяхъ, происходившихъ въ это время на улицахъ Одессы. Первой мыслью свободныхъ матросовъ было отправиться на помощь братьямъ-рабочимъ, поддержать ихъ въ борьбѣ за свободу.

*) Матросъ Головковъ, фельдфебель артиллеріи, удостовѣряетъ этотъ фактъ. Другими показаніями мы не имѣли возможности его подтвердить.

ГЛАВА II.

Событія въ Одессѣ.

Одесса наканунѣ появленія „Потемкина“.—Кровопротііе на „Пересыпи“.—Революціонное движеніе среди каменоломщиковъ.—Неудачная попытка возстанія среди пригородныхъ крестьянъ.— Появленіе „Потемкина“ передъ Одессой.

Послѣ убійства своего командира и части офицеровъ въ „Тендровской бухтѣ“, взбунтовавшійся броненосецъ пришелъ въ Одессу и вся его послѣдующая дѣятельность находилась въ неразрывной связи съ „іюньскими кровавыми днями“, пережитыми одесскими гражданами. Поэтому, прежде чѣмъ приступить въ своихъ запискахъ къ описанію одиннадцати-дневной революціонной исторіи „Потемкина“, я считаю необходимымъ, хотя бы вкратцѣ, коснуться, какъ тѣхъ событій въ самой Одессѣ, которыя предшествовали появленію этого броненосца, такъ и тѣхъ, которыя обусловливались, въ дальнѣйшемъ, его прибытіемъ въ одесскій рейдъ.

Одесская жизнь, еще съ первыхъ чиселъ мая мѣсяца, стала какъ то выходить изъ своей обычной колеи. „Забастовка“, этотъ всероссійскій недугъ, распространившійся, съ момента раззорительной японской войны, почти по всѣмъ городамъ и промышленнымъ центрамъ Россіи, захватила своей волной и Одессу. Первые стачки возникли здѣсь среди городскихъ ремесленниковъ—портныхъ, сапожниковъ и другихъ. Всѣ они единодуш-

но добивались улучшения своего тяжелого материального положения и невыносимых условий труда. Ничтожная сдѣльная плата, чрезмерно продолжительный рабочий день, доходящий до 14—16 часовъ въ сутки, антигигиеническая обстановка, грубое унижительное обращеніе и отсутствіе даже той крупницы фабричнаго законодательства, которое, такъ или иначе, все-таки охраняло отъ беззастѣнчивой эксплуатаціи рабочихъ крупныхъ заводовъ, дѣлали существованіе одесскихъ ремесленниковъ, прямо-таки, нечеловѣческимъ. Ни досуга, ни отдыха, ни разумныхъ здоровыхъ развлеченій, которыя скрашивали бы ихъ беспросвѣтную жизнь. И все это при полномъ политическомъ безправіи.

Поэтому, естественно, что вслѣдствіе общаго ухудшенія въ положеніи наемнаго труда, благодаря вызванному войной экономическому застою страны и отраженію его на мѣстной торговлѣ и промышленности, городскіе ремесленники, первые не выдержали усугубленія своей нищеты и вступили въ борьбу со своими хозяевами, устроивъ цѣлый рядъ стачекъ. Стачка, начавшись въ одной отрасли труда, быстро заражала своимъ вліяніемъ рабочихъ и другихъ ремеслъ, положеніе которыхъ было одинаково плохо и тягостно. Такимъ образомъ, прекратившись у портныхъ, забастовка возникла, сейчасъ же, у сапожниковъ, а за сапожниками, поднимались пекаря и т. д.

Такъ были вовлечены въ общее стачечное движеніе почти всѣ мѣстныя отрасли производства, за самыми незначительными исключениями. Черезъ недѣлю, или двѣ, послѣ возникновенія первой стачки, въ городѣ уже были охвачены забастовкою почти всѣ крупныя фабрики и заводы. Однако, забастовка далеко еще не была всеобщей, а скорѣе носила характеръ пароксизмовъ перемежающейся лихорадки. Протекала она пока мирно, безъ всякихъ бурныхъ проявленій. Но при нашихъ самодержавно-полицейскихъ порядкахъ, когда на рабочаго привыкли смотрѣть, только какъ на безгласную, вьючную скотину, никакая мирная борьба совершенно невозможна. Уже самый фактъ проявленія человѣческаго достоинства и предьявленія самыхъ элементар-

ныхъ требованій со стороны трудящагося человѣка считается по основнымъ законамъ русскаго деспотизма уголовнымъ преступленіемъ. Поэтому, не удивительно, что всякое массовое выступленіе рабочихъ, начавшееся въ экономической области, заканчивается, почти всегда, стихійнымъ политическимъ взрывомъ и кровавыми жертвами. Такъ было и въ данномъ случаѣ и создалось слѣдующимъ образомъ.

Рабочіе-стачечники, вырвавшись теперь изъ душныхъ мастерскихъ и свободные цѣлыми сутками отъ работъ, собирались почти постоянно большими толпами на перекресткахъ улицъ и по чайнымъ трактирамъ. Живое обсужденіе насущныхъ дѣлъ борьбы, чтеніе газетъ, разговоры о войнѣ и связанныхъ съ нею социальнополитическихъ событіяхъ, вносили въ среду рабочихъ небывалое дотолѣ одушевленіе и интересъ ко всему, совершавшемуся на нашей родинѣ. Нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ и охотой слушали они своихъ передовыхъ болѣе интеллигентныхъ товарищей, являвшихся, въ большинствѣ случаевъ, какъ главными руководителями стачки, такъ, вообще, и идейными вожаками мѣстныхъ рабочихъ.

Нужно замѣтить, что въ Одессѣ существуютъ какъ русская, такъ и еврейская, социаль-демократическія организациі, которыя, въ этотъ періодъ общаго социальнополитическаго пробужденія широкихъ рабочихъ массъ, проявили самую энергичную дѣятельность. Устраивались ежедневно митинги, собранія; прямо на улицахъ произносились рѣчи на политическія и революціонныя темы и распространялись въ громадномъ количествѣ всевозможныя воззванія, прокламаціи и пр. Все это дѣлалось, конечно, вопреки полицейскимъ запрещеніямъ и при полномъ отсутствіи какой-либо гражданской свободы.

Социаль-демократическая агитація обостряла классовый антагонизмъ рабочихъ массъ; будила ихъ политическую мысль, указывая на ихъ рѣшающую общественно-политическую роль въ дѣлахъ всей родины; поднимала ихъ самихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и усиливала всѣмъ этимъ и до того приподнятое и возбужденное настроеніе.

Среди других слоев городского населения, выведенных также стачкой из своего обычного образа жизни, господствовало не менее раздраженное и нервное настроение. И скрытое недовольство российскими неурядицами тлело почти повсюду.

Если к этому прибавить еще настроение ежедневной печати, переполненной свѣдѣніями о стачкахъ, демонстраціяхъ и кровавыхъ событіяхъ другихъ городовъ; если прибавить сюда сенсационное сообщеніе о позорномъ Цусимскомъ пораженіи и тысячѣ погибшихъ въ морѣ родныхъ людей, совпавшее съ началомъ этого момента, то, мнѣ кажется, станетъ вполне понятной та напряженная общественная атмосфера, которая создавалась въ то время въ Одессѣ. Естественно, что среди широкихъ рабочихъ массъ не замедлило обнаружиться сильное революціонное броженіе.

Съ другой стороны, многіе фабриканты и заводчики, раздосадованные забастовкой рабочихъ въ то время, когда ихъ предпринимательская прибыль и безъ того сильно страдала отъ общаго застоя въ торговлѣ и промышленности, просто не хотѣли и слушать о какихъ-либо уступкахъ стачечникамъ. Даже такія, напримѣръ, требованія, какъ „вѣжливое обращеніе“ съ рабочими, нѣкоторые изъ хозяевъ не считали возможнымъ удовлетворить.

Само собой разумѣется, что это еще больше обостряло борьбу, бессмысленно затягивало ее и страшно озлобляло рабочихъ. Гоненія же полиціи и всякія препятствія съ ея стороны къ свободному собиранію рабочихъ и совмѣстному обсужденію ими своихъ дѣлъ окончательно переполнили чашу крайняго напряженія, которое вскорѣ и разразилось кровавыми ужасами.

Но тутъ, я перейду къ конкретному описанію фактовъ—пусть сами они скажутъ за себя.

Наиболѣе развитымъ средоточіемъ фабричной и заводской промышленности въ Одессѣ является предмѣстье, подъ названіемъ „Пересыпь“. Отдѣленная отъ города дугообразной, высокой желѣзнодорожной насыпью, „Пересыпь“, непосредственно, примыкаетъ продольной своей стороною къ морю и къ сѣверной части

корабельнаго порта. Двѣ широкихъ прямыхъ улицы, начинаясь мостами подѣ желѣзнодорожной насыпью, идутъ параллельно съ берегомъ. Улицы эти, почти на всемъ своемъ протяженіи, застроены фабриками, машиностроительными заводами, мукомольными мельницами, громадными портовыми мастерскими и всякими промышленными заведеніями. На выѣздѣ, уже совсѣмъ въ степи, виднѣется цѣлый рядъ высокихъ трубъ отъ обжигательныхъ печей многочисленныхъ кирпичныхъ заводовъ. Наиболѣе оживленная улица этого предмѣстья—Московская. По ней, то и дѣло, проѣзжаютъ конки, движутся съ дѣловымъ видомъ рабочіе, снуютъ всякіе продавцы и газетчики. На ней же расположено большинство лавокъ и магазиновъ и всякія мѣстные общественныя учрежденія. Густо скученное пересыпское населеніе состоитъ исключительно изъ рабочихъ. Бѣдность и многочисленная дѣтвора, бѣгающая и ползающая около своихъ домовъ,—типичныя явленія этой части города.

Вотъ, въ этомъ-то предмѣстьѣ, стачка и имѣла наиболѣе яркое свое проявленіе, завершившись, въ концѣ концовъ, дикой вооруженной расправой казаковъ съ беззащитными забастовщиками.

Дѣло происходило такъ.

Еще въ самомъ началѣ стачки, рабочіе мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ выбрали изъ своей среды товарищей-руководителей. Эти „уполномоченные“ собирались почти ежедневно, конечно, тайкомъ отъ полиціи, и обсуждали всѣ текущія дѣла. Они вырабатывали общія требованія, объединяли средства борьбы, завѣдывали сборомъ стачечныхъ средствъ и ихъ распредѣленіемъ, вступали въ переговоры съ предпринимателями и административными властями, вели сношенія съ социаль-демократической организаціей, руководившей идейно и матеріально поддерживавшей мѣстныхъ рабочихъ. И, благодаря этому, стачка была самой упорной и приняла скоро весьма острый оборотъ.

Нѣкоторые бастовали четыре и больше недѣли. Рабочіе проѣли всѣ свои ничтожныя сбереженія, заложили и продали все, что можно было продать, стачечныхъ

средствъ не хватило и многія семьи начали уже прямо таки голодать. Упорству же предпринимателей не видно было и конца, и многіе изъ нихъ готовы были даже съ легкимъ сердцемъ закрыть свои фабрики, вслѣдствіе малой доходности ихъ. Это вносило нетерпѣніе, ожесточеніе и возбужденіе въ самые широкіе слои изголодавшагося пролетаріата.

Миѣ, какъ социаль-демократу и члену мѣстной организаци, приходилось не только наблюдать эти явленія, но и принимать во всемъ происходившемъ самое непосредственное участіе вмѣстѣ съ другими товарищами. На моихъ глазахъ измѣнялось первоначально мирное настроеніе рабочихъ массъ и, взамѣнъ его, скрыто назрѣвало революціонное возбужденіе. Даже самые недалновидные изъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ безрезультатная стачка затягивалась, начинали понимать, что упорство предпринимателей черпаетъ свою силу въ невозможности уступить, когда производство стало почти убыточнымъ, благодаря всероссійскому экономическому застою. Они стали понимать, что въ основѣ всѣхъ ихъ теперешнихъ бѣдствій лежитъ раззорительная война и преступная политика самодержавнаго русскаго правительства. Социаль-демократы, конечно, вполне сознательно развивали и доказывали то, что стихійно уже назрѣвало въ головахъ самихъ рабочихъ. Горячія политическія рѣчи на ежедневныхъ громадныхъ митингахъ рабочихъ передъ забастовавшими фабриками и заводами, цѣлыя тысячи летучихъ революціонныхъ листовъ и прокламацій, издаваемыхъ и распространяемыхъ нашими организаціями, призывавшихъ рабочихъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ и со всѣмъ капиталистическимъ строемъ, толкали ихъ перенести центр тяжести своей борьбы изъ узкой экономической области повседневныхъ интересовъ на широкую политическую арену. Да и сама окружающая общественно-политическая жизнь неумолимо вела къ тому же.

Къ срединѣ іюня, настроеніе было уже настолько напряженное, а атмосфера была уже настолько наэлектризована всѣмъ предшествующимъ, что достаточно было малѣйшаго повода, чтобы вспыхнулъ бурный

революціонный взрывъ. Полиція же, чувствуя возникающій народный пожаръ, принялась его тушить, подливая, по своему обыкновению, только масла въ огонь, и ускорила этимъ самымъ надвигающуюся кровавую развязку.

Числа 10-го іюня, утромъ, „уполномоченные“ были вдругъ арестованы и заперты въ полицейскій участокъ. Наши догадливыя власти думали этимъ, вѣроятно, сразу положить конецъ волненіямъ, но результатъ получился какъ разъ обратный. Лишь только вѣсть объ арестѣ „уполномоченныхъ“ распространилась по „Пересыпи“, какъ, почти моментально, передъ полицейскимъ управленіемъ, гдѣ сидѣли арестованные, собралась толпа рабочихъ въ нѣсколько сотъ человекъ и стала требовать освобожденія своихъ выборныхъ-товарищей, или же настаивала посадить подъ арестъ и всѣхъ ихъ.

Толпа была настроена рѣшительно и грозила разгромить весь полицейскій участокъ въ случаѣ промедленія удовлетворенія ея требованія. Часть ея начала было разламывать перила у палисадника участка; но полиція перетрусила отъ этого неожиданнаго взрыва негодованія со стороны рабочихъ и благоразумно поспѣшила освободить арестованныхъ ею уполномоченныхъ. При видѣ выходящихъ на свободу товарищей, толпа подняла ихъ восторженно на „ура“ и вмѣстѣ съ ними, двинулась по Московской улицѣ. По пути были сняты съ работы грузчики, и толпа, увеличившись до 1000 человекъ, направилась дальше.

Одушевленно запѣли революціонную пѣсню, пропѣли одну, потомъ другую и такъ, съ демонстративнымъ пѣніемъ, прошли дружной громадной толпой почти всю Московскую улицу. На концѣ ея остановились и разобравъ на расхватъ кѣмъ то принесенныя, случайно, прокламаціи, стали расходиться по домамъ, разнося съ собой по всей „Пересыпи“ возбужденные возгласы.— „Долой полицію!“ „Долой правительство!“ „Да здравствуетъ всеобщая забастовка!“

Нужно замѣтить, что все это произошло безъ всякаго вмѣшательства и организационнаго участія мѣст-

ныхъ революціонныхъ группъ и было для нихъ даже неожиданностью.

Тѣмъ болѣе, этотъ стихійно назрѣвшій въ массахъ взрывъ, могъ служить вѣрнымъ показателемъ надвигающихся политическихъ событій.

Вскорѣ, они и не замедлили своимъ проявленіемъ.

12-го іюня, вечеромъ, выборные отъ рабочихъ и заводовъ, въ числѣ 20-30 чел., собрались опять для рѣшенія вопроса о томъ, какъ выйти изъ неприятнаго положенія затянувшейся стачки.

Рабочіе, выросшіе въ своихъ собственныхъ глазахъ за этотъ, почти мѣсячный, періодъ борьбы, почувствовавшіе въ себѣ человѣческое достоинство и перенесшіе уже много нужды и лишеній, не хотѣли теперь ни за что приступить къ работѣ на прежнихъ унижительныхъ условіяхъ. Съ другой стороны, и многіе изъ фабрикантовъ также не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ рабочимъ. Такимъ образомъ, экономическая борьба, какъ-бы зашла въ тупой уголъ, такъ какъ мирныя средства были уже всѣ использованы и для большинства заводовъ не дали никакихъ положительныхъ результатовъ.

Какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія? Что предпринять дальше? Какъ отнестись къ репрессіямъ властей и полиціи? Вотъ, для обсужденія этихъ-то и многихъ другихъ вопросовъ, выборные отъ рабочихъ и рѣшили собраться, пригласивъ къ участію въ своихъ совѣщаніяхъ также и представителей нашей соц.-дем. организациі. Собраніе должно было происходить за городомъ, на берегу моря, около одной дачи. Но, лишь только рабочіе начали сходиться туда и не успѣли еще открыть своихъ засѣданій, какъ ихъ окружили солдаты и полиція. Почти всѣхъ ихъ арестовали и развезли по различнымъ участкамъ и тюрьмамъ. На слѣдующее утро, 13-го іюня, уже вся „Пересыпь“ знала о второмъ арестѣ уполномоченныхъ и съ ранняго утра была охвачена необычайнымъ волненіемъ. Я лично ничего еще не зналъ о происшедшемъ, такъ какъ былъ эту ночь далеко отъ города въ каменоломняхъ и, возвращаясь оттуда въ 7 часовъ утра, случайно проходилъ по Московской улицѣ. Меня поразило крайнее оживленіе и

движеніе на ней въ этотъ ранній часъ. То и дѣло, навстрѣчу попадались группы рабочихъ, возбужденно обсуждающихъ нахальное поведеніе полиціи и властей. Отборныя, крѣпкія выраженія такъ и сыпались по ихъ адресу. У воротъ домовъ и на перекресткахъ улицъ скопились уже значительныя толпы. Я сталъ разспрашивать, въ чемъ дѣло, и одинъ изъ рабочихъ, съ негодованіемъ въ голосъ и нервно жестикулируя руками, разсказалъ мнѣ о новой выходкѣ административныхъ властей и о томъ, что всѣ они собираются теперь, чтобы идти сейчасъ же освободить своихъ арестованныхъ товарищей. Узнавъ все это и убѣдившись, что настроеніе среди массъ, дѣйствительно, крайне серьезно, я поспѣшилъ въ городъ, чтобы предупредить товарищей по организаціи о надвигавшейся грозѣ.

Шныряющіе полицейскіе почуяли тоже, очевидно, приближеніе опасности и видно что-то замышляли, шушукаясь съ околодочными и приставами.

Въ городѣ я никого изъ товарищей не могъ отыскать и поторопился вернуться на „Пересыпь“.

Былъ въ началѣ десятый часъ, когда я подѣхалъ на конкѣ къ мосту, отъ котораго начинается Московская улица. Мнѣ, сразу же, бросилось въ глаза царившее на ней какое то смятеніе. Вагоны конокъ стояли безъ лошадей. Лавки и магазины были заперты. Трогуары были переполнены людьми, взволнованно снующими туда и сюда. Съ нахальнымъ видомъ разѣзжали по улицѣ конные полицейскіе, мимо прошла рота солдатъ съ барабаннымъ боемъ. Женщины плакали, громко проклиная правительство, торопясь увести своихъ дѣтей съ улицы. Кругомъ стояли раздраженные крики и стоялъ невообразимый шумъ. Меня невольно охватило предчувствіе уже совершившейся драмы. Я быстро направился по Московской, думая встрѣтить кого-либо изъ знакомыхъ. Въ концѣ этой улицы, на одной изъ ея сторонъ, стояли спѣшившіеся казаки, слѣзшіе съ лошадей и раскуривающіе „цыгарки“. Тутъ же, неподалеку, расположились бивуакомъ солдаты передъ сложенными въ козла ружьями и мирно бесѣдовали съ окружающими ихъ рабочими. На самой же улицѣ, попе-

рекъ ея, валялись перевернутые на бокъ вагоны конки, телѣги и плошки всякаго дерева.

Вдругъ меня кто то схватилъ за плечо. Я обернулся и увидѣлъ своего товарища по организаци. Онъ былъ страшно блѣденъ и нервная дрожь передергивала ему все лицо.

— Уже разстрѣляли. Федоръ тоже убить,—глухо, съ рыданіемъ въ голосъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Кого разстрѣляли?—невольно вздрогнувъ, спросилъ я товарища, все еще не догадываясь о происшедшемъ.

Тутъ, онъ вкратцѣ, страшно волнуясь, разсказалъ все о случившемся. Онъ самъ принималъ участіе въ этомъ событіи, а потому я, съ его словъ, и передамъ самый фактъ.

Рабочіе, узнавъ утромъ о вчерашнемъ арестѣ полиціей своихъ уполномоченныхъ, стали толпами стекаться къ машиностроительному заводу Гена, находящемуся въ концѣ Московской улицы. Сюда же пришла и часть оставшихся выборныхъ, уцѣлѣвшихъ случайно отъ ареста. Собралось человѣкъ 800 и, расположившись плотнымъ кругомъ, стали ожидать прибытія товарищей съ другихъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ должны были сейчасъ же произойти выборы новыхъ уполномоченныхъ, взамѣнъ арестованныхъ.

Такъ, они пока мирно стояли и обсуждали свои дѣла, ничего не подозрѣвая о кровавыхъ замыслахъ полиціи. Но вдругъ, передъ заводомъ явился неожиданно приставъ, съ полусотней верховыхъ казаковъ, и сталъ грубо требовать, чтобы рабочіе или разошлись, или же вошли во дворъ завода.

Не желая попадать въ ловушку, рабочіе отвѣтили ему, что во дворъ они не пойдутъ, такъ какъ имъ здѣсь удобнѣе и добавили, что расходиться по домамъ они тоже не будутъ, ибо собрались обсудить свои неотложныя дѣла. Приставъ началъ рѣзко и нахально настаивать на своемъ, угрожая разогнать ихъ плетми. Въ отвѣтъ на это, рабочіе, и безъ того ожесточенные противъ полиціи арестомъ своихъ товарищей, начали оглушительно „шикать“ и свистать; приставъ отъ-

ѣхаль съ казаками въ сторону, а рабочіе, думая, что онъ уже отвязался отъ нихъ совсѣмъ, успокоились и снова мирно усѣлись на землѣ.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ казаки, очевидно, по данному знаку пристава, выхватили свои нагайки и, бросившись во весь опоръ на сидящихъ на землѣ рабочихъ, начали ихъ нещадно бить направо и налево и топтать лошадьми. Толпа, въ паническомъ страхѣ, бросилась, было, сначала бѣжать, но кто-то изъ товарищей крикнулъ:— „Камнями ихъ, мерзавцевъ!“ И въ мигъ, въ казаконъ полетѣли тысячи камней, лежавшихъ тутъ же, цѣлыми кучами, по случаю ремонта улицъ.

Первый камень полетѣлъ въ голову офицера, и онъ упалъ съ лошади съ раздробленнымъ черепомъ. Жаркая схватка продолжалась минутъ пять. Полусотня башибузуковъ не выдержала дружнаго натиска разъяренной толпы и ударилась въ бѣгство. Рабочіе, одушевленные побѣдой, бросились съ криками и гиками за ними, осыпая удиравшихъ казаконъ цѣлымъ дождемъ камней. Толпа преслѣдующихъ все увеличивалась и увеличивалась присоединявшимися группами съ тротуаровъ.

Но вотъ, бѣглецы дали карьеръ и скрылись въ переулокъ. Почти въ это же время, передъ рабочими, какъ изъ подъ земли, выступила, откуда-то, изъ боковой улицы, уже цѣлая сотня казаконъ. Толпа остановилась и попятилась назадъ...

Раздался предательскій залгъ безъ всякаго предупрежденія, и пули засвистали цѣлымъ роемъ.

Всѣ бросились въ паническое бѣгство, давъ другъ друга. Двое рабочихъ было убито на мѣстѣ и нѣсколько ранено. Первымъ изъ убитыхъ оказался нашъ товарищъ социаль-демократъ, Николай Медвѣдевъ, онъ же Федоръ *). Пуля попала ему въ самое сердце и онъ моментально скончался.

---

*) Товарищъ рабочій изъ нашей организаціи соц. демокр. Это былъ матросъ черноморскаго флота съ броненосца „Екатерина“, бѣжавшій со службы послѣ ноябрьскаго бунта во флотскихъ казармахъ въ Севастополѣ и проживавшій рабочимъ въ

Рабочіе подхватили трупъ этого честнаго пролетарскаго борца и внесли его въ ограду завода Гена, окруживъ товарищеской охраной.

Другая часть рабочихъ смѣльчаковъ начала сейчасъ же строить баррикаду, переворачивая поперекъ улицы вагоны конокъ и проѣзжія телѣги.

Казачи же, совершивъ свое кровавое дѣло, отошли къ одной сторонѣ улицы и расположились тамъ бивуакомъ.

Вотъ краткое описаніе факта, послужившаго какъ бы сигналомъ ко всей послѣдующей одесской драмѣ.

* * *

Дальше событія развивались уже съ неумолимой логикой и головокружительной быстротой.

„Пересыпь“ обратилась, буквально, въ революціонное предмѣстье, куда цѣлыми толпами устремлялись, какъ городскіе рабочіе, такъ и прочая публика.

Самые забитые и темные въ политическомъ отношеніи слои рабочихъ, послѣ этой жестокой расправы съ ними, открыто кричали—„Оружія дайте намъ, оружія!“

„Гдѣ же бомбы?“—въ возбужденіи вопрошали другіе. А женщины неистово плакали во всѣ голоса.

Даже дряхлые старики, казалось бы, сжившіеся уже за свою долгую жизнь, со старыми порядками, и тѣ, кричали:

„Вотъ оно, правительство, до чего доводить! Убить ихъ всѣхъ, мерзавцевъ, за это мало“.

По улицамъ все новыя и новыя войска, провожаемая вслѣдъ злобными взглядами рабочихъ. Надъ всѣмъ этимъ зловѣще раздавался ревъ гудковъ останавливаемыхъ фабрикъ и заводовъ, которые кое гдѣ еще работали до этого.

Около часу дня, въ началѣ Московской улицы, на мосту и полотнѣ желѣзной дороги образовалась снова громадная толпа рабочихъ. Внизу, съ обѣихъ сторонъ

Одессѣ, на кирпичномъ заводѣ, подъ именемъ Николая Медвѣдева. Товарищи по организаціи звали его Федоромъ. По своей сознательности и глубоко революціонной натурѣ—онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ товарищей.

моста, собралось также очень много народа и число собравшихся все увеличивалось непрерывно прибывающими рабочими и прохожими изъ публики. Движеніе поѣздовъ, конечно, прекратилось, такъ какъ толпа не пропускала ихъ.

Наверху насыпи, поодаль отъ моста, стоялъ неподвижно паровозъ, изъ котораго забастовщиками были выпущены пары. Машинистъ былъ прогнанъ и мальчуганы-подростки то и дѣло заскакивали въ него, дергали за ручку свистка и оглушительно свистали остатками пара.

Со стороны „Пересыпи“ подѣхала и остановилась внизу, около собравшихся, сотня казаковъ, съ двумя офицерами впереди. Толпа окружила ихъ и стала стыдить за невинную рабочую кровь, пролитую ихъ братьями. Офицеръ, видимо, сконфузился и началъ увѣрять, что онъ никогда не будетъ ни стрѣлять въ народъ, ни избивать его нагайками. Напротивъ того, онъ даже подалъ, будто бы, своему начальству заявленіе объ отказѣ своемъ отъ участія въ дѣлахъ полиціи.

Тогда рабочіе стали настаивать, чтобы онъ уѣзжалъ отсюда со своими казаками.

Офицеръ, дѣйствительно, отдалъ команду, и сотня казаковъ, повернувшись кругомъ, уѣхала въ правый переулочекъ, гдѣ слѣзли съ лошадей и мирно расположились на мостовой.

Въ это время, на мосту, начали выступать ораторы соц.-дем. и другіе, и все многочисленное собраніе превратилось въ бурный, возбужденный митингъ.

Уже было далеко за полночь, а толпа все стояла и слушала рѣчи.

Что происходило дальше, я самъ видѣть уже не могъ, такъ какъ отправился въ пригородныя деревни, чтобы тамъ попытаться организовать среди каменоломщиковъ поддержку возставшимъ городскимъ рабочимъ.

Слышалъ я послѣ, что въ эту ночь опять стрѣляли по рабочимъ, когда они хотѣли было остановить городскую электрическую станцію. Были ли при этомъ убитые и раненые, я не знаю.

На слѣдующій же день, 14-го іюня, волненія, воз-

никшія на „Пересыпи“, распространились и охватили собою, буквально, весь городъ. Вотъ какъ описываютъ ихъ товарищи, принимавшіе въ нихъ самое живое участіе.

Точно молнія, пронесся по городу слухъ объ арестѣ и убійствѣ рабочихъ, и многіе съ понедѣльника побросали работу и звали рабочихъ на улицу. Къ вечеру, по Преображенской и Базарной, собралась довольно внушительная толпа, устроившая манифестацію...

Съ этого момента начинаются событія въ городѣ.

На слѣдующее утро, къ девяти часамъ, на углу Ришельевской и Греческой, собралось около ста рабочихъ, ожидавшихъ листовъ съ призывомъ къ всеобщей политической забастовкѣ. Здѣсь же, на мѣстѣ, рѣшено было подѣлиться на отряды для того, чтобы снимать съ работы еще не забастовавшихъ. Въ это время, мимо насъ прошелъ надзиратель и предложилъ разойтись. Рабочіе двинулись по Ришельевской; часть отдѣлилась по направленію къ Полицейской. За этой то частью и пошелъ надзиратель. Не прошло и пяти минутъ, какъ два товарища были арестованы и посажены на дрожки, „подъ конвоемъ“ городского. Въ этотъ моментъ, одинъ изъ товарищей побѣжалъ за извозчикомъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Лошадь испугалась и замедлила ходъ. Раздался второй выстрѣлъ, затѣмъ дуло револьвера направилось въ упоръ городовому. Городовой соскочилъ съ извозчика и удралъ... Арестованные скрылись.

Въ это же время, на углу Успенской и Пушкинской, наши организованные товарищи, вмѣстѣ съ товарищами изъ „Бунда“, снимали съ работы рабочихъ типографіи Диклера и „Прогрессъ“. Снимавшихъ было около ста человекъ. Вмѣстѣ со снятыми, они образовали значительную толпу и направились вверхъ по Успенской, къ чайной фабрикѣ Высоцкаго.

На углу Успенской и Канатной, точно изъ подъ земли, выскочилъ околочный. Настроение у всѣхъ было настолько повышенное, что никто не подумалъ о возможности появленія полицейскихъ. Увидѣвъ околочка, толпа, на минуту, замедлила ходъ, но сейчасъ же двинулась впередъ. Блюститель порядка, бѣгая отъ

дома къ дому, сталъ сзывать дворниковъ, которые почему то не появлялись. Толпа продолжала свое дѣло; тогда околודокъ, схватившись за саблю, хотѣлъ преградить ей дорогу, но, побоявшись угрозъ, блѣдный, сталъ обходить толпу по Канатной улицѣ, направляясь къ воротамъ фабрики Высоцкаго. Здѣсь, онъ снова пытался остановить рабочихъ. Раздался выстрѣлъ и околудокъ побѣжалъ, безъ оглядки, въ участокъ.

Рабочіе предоставили околудку собирать полицейскихъ, а сами въ это время вызывали рабочихъ съ фабрики. Вышедшіе изъ фабрики 500 человекъ присоединились къ толпѣ и вмѣстѣ направились по Канатной улицѣ къ типографіи Левенсона. Рабочіе послѣдней быстро бросили работы и присоединились къ съемщикамъ. Толпа достигала до 800 чел.

На углу Канатной и Еврейской рабочіе остановились. Предстояло идти на Ново-рыбную, гдѣ находится много мастерскихъ. Прежде чѣмъ направиться въ одинъ изъ указанныхъ пунктовъ, ораторъ собирается произнести рѣчь, но со стороны Троицкой появляется нарядъ полиціи. Рабочіе остановились и медленно стали подаваться назадъ. Со стороны Карантиннаго переулка появился новый нарядъ полиціи, среди котораго были и хулиганы. Объединившись, они стали избивать всѣхъ безъ разбора. Это было, поистинѣ, звѣрское избиеніе.

Здѣсь, съ обѣихъ сторонъ, собралась большая толпа рабочихъ, среди которыхъ было больше половины дѣвочекъ-подростковъ съ чайной фабрики Высоцкаго. Дѣвочекъ только что сняли съ работъ. Радостныя, страшно возбужденныя, онѣ шли съ толпой взрослыхъ рабочихъ, съ фабрики Левенсона. Вся толпа, съ громкими криками, страшно возбужденная, двигалась навстрѣчу быстро приближавшемуся отряду городовыхъ. Раздалась частая револьверная пальба, отчаянные крики растерявшихся дѣвушекъ (были отъ 13—14 лѣтъ), а въ это время шашками рубили отдѣльныя кучки свалившихся дѣвушекъ, мужчинъ. Рубили жестоко, звѣрски. Въ результатѣ—множество избитыхъ и до десятка сильно изрубленныхъ шашками. Одну дѣвушку изрубили на смерть.

Разбѣжавшаяся толпа быстро вновь собралась и стала останавливать и другія мастерскія. Въ это время залпы раздалась съ Преображенской улицы. Здѣсь полиція стрѣляла цѣлый день, съ промежутками въ два—три часа. Несмотря на это, толпы собирались каждый разъ и плотными массами двигались взадъ и впередъ. Преобладала рабочая молодежь и множество совсѣмъ молодыхъ мальчиковъ, которые всюду являлись застрѣльщиками.

Сколько было залповъ на Преображенской улицѣ—установить нельзя было, ибо стрѣляли безпорядочно, такъ что получалась картина непрерывной стрѣльбы.

Въ этотъ же день стали закрываться магазины, банки и т. п. Войскъ было пока мало. Дѣйствовала, главнымъ образомъ, полиція. Городовые мчались по улицѣ, размахивая, въ одной рукѣ, револьверомъ, въ другой—шашкой; однако, большинство выстрѣловъ были холостые—иначе трудно себѣ объяснить поразительно малое число жертвъ при почти непрерывной стрѣльбѣ. А стрѣльба была во множествѣ пунктовъ. Масса металась съ улицы на улицу, ни разу не разсѣваясь, хотя бы болѣе чѣмъ на 15 минутъ.

Въ пяти, шести пунктахъ воздвигали баррикады, валили конки, возы, таскали доски, но при первыхъ выстрѣлахъ, сейчасъ же разбѣгались, хотя были и отдѣльные случаи геройской борьбы. Такъ, на одной изъ баррикадъ, упорно защищался четырнадцати-лѣтній юноша гимназистъ, отстрѣливаясь изъ револьвера отъ цѣлой своры полицейскихъ. Спустя много дней, родители съ трудомъ отыскали его въ одной больницѣ. Онъ былъ тяжело раненъ пулей въ грудь, и голова была разсѣчена саблей.

При постройкѣ баррикадъ выдающуюся роль играли дѣти. Съ поразительнымъ безстрашіемъ кучка мальчугановъ окружала конку, высаживала пассажировъ и мгновенно валила вагонъ на самые рельсы.

Съ полудня, движеніе по нѣкоторымъ линіямъ пріостановилось. Къ этому времени были пріостановлены работы почти во всемъ городѣ и отчасти на окраинахъ. Остановка работъ всюду сопровождалась избіеніемъ

залпами... Масса была безоружна, и гдѣ были подъ рукою камни, они пускались въ ходъ, не причиняя ка-закамъ особаго вреда.

Въ теченіе дня раздавались въ различныхъ пунктахъ выстрѣлы изъ толпы; нѣкоторыми изъ нихъ были ранены городовые, околоточные надзиратели, помощникъ пристава, казаки и т. п.

Отдѣльныя нападенія толпы на городовыхъ происходили довольно часто. Стрѣляли по свирѣпствующимъ казакамъ и полици изъ оконъ многихъ домовъ. Къ вечеру же насчитывалось нѣсколько убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, и нѣсколько десятковъ раненыхъ. Часамъ къ десяти, была брошена бомба на Соборной площади въ одного полицейскаго, который гнался, по указанію шпіона, за рабочимъ, несшимъ ее. Полицейскаго разорвало въ мелкіе куски, а бросившій бомбу скончался во время спора между персоналомъ „Скорой помощи“ и полиціей, насчетъ того, куда увезти „преступника“.

Къ вечеру, большинство магазиновъ было закрыто и толпы народа стали еще гуще. Послѣ взрыва бомбы, публику уже начали гнать казаки, и къ 11 часамъ улицы города были пусты.

На „Пересыпи“, въ этотъ день опять шли открытыя собранія, у завода Гана. На нихъ было рѣшено идти въ городъ останавливать всѣ заводы и устроить всеобщую забастовку въ знакъ траура по убитымъ товарищамъ. Принявши это рѣшеніе, рабочіе въ числѣ 1500—2000 человекъ, двинулись въ путь окольной дорогой къ водокачкѣ, избѣгая столкновенія съ войсками. Толпа растянулась почти на 3—4 квартала, захватывая и увлекая за собой всѣхъ рабочихъ, которые попадались по дорогѣ.

Вооруженнаго народа не было; не было рѣшительно никакого оружія. Всѣ чувствовали, что при первомъ натискѣ непріятеля, вся масса обратится въ бѣгство.

Раньше всего, остановили водокачку. Долгій и протяжный гудокъ извѣстилъ всѣхъ, что передовой отрядъ остановилъ уже водопроводную станцію. Гудки продолжались уже съ полъ-часа и масса успѣла подойти къ

станцій. Рѣшено было идти на заводъ Шполянскаго, на которомъ работаетъ около 600 человѣкъ.

Но... вдругъ показался пассажирскій поѣздъ и небольшая часть товарищей бросилась останавливать. Поѣздъ былъ остановленъ. Нужно было видѣть испугъ буржуазной публики, бывшей въ поѣздѣ, когда одному рабочему пришла мысль пригласить всѣхъ пассажировъ присоединиться къ толпѣ. Умоляющими голосами просили они у насъ не тревожить ихъ, увѣряли въ своемъ сочувствіи и т. д.

Не желая терять времени, мы двинулись дальше. Вскорѣ, мы очутились у завода Шполянскаго и остановили его. Рабочіе привѣтствовали насъ и охотно присоединились. Около завода была произнесена небольшая рѣчь. Масса достигала уже 3000 человѣкъ. Всѣ направились къ заводу. Тамъ мы освободили задержанныхъ изъ числа съемщиковъ 18 товарищей, остановили заводъ, перерѣзали телефонъ и отправились на слободку Романовку, къ заводу Арбаса.

По огромной полянѣ тянулись пролетаріи и производили глубокое впечатлѣніе на всѣхъ встрѣчныхъ. Изъ ближнихъ домовъ и улицъ высыпалъ народъ, чтобы подивиться этому оригинальному походу рабочаго класса. Настроеніе было повышенное. Но тѣхъ, кто велъ за собою эту массу, сильно угнетало отсутствіе какого бы то ни было оружія и организованности.

Къ часу дня, мы были на слободкѣ Романовкѣ и двинулись по направленію къ городскимъ прачешнымъ. Здѣсь наше шествіе закончилось траги-комической развязкой. На площади насъ встрѣтилъ полицейскій нарядъ, съ приставомъ во главѣ. Между нимъ и рабочими завязалась драка. Полиція начала стрѣлять и масса бросилась въ разсыпную. Иного исхода нельзя было ожидать. Больно и досадно было сознавать свое безсиліе. Трудно передать пережитое въ этотъ моментъ.

Къ ночи все улеглось и можно было изъ всѣхъ происшедшихъ событій сдѣлать пока слѣдующіе краткіе выводы:

1. Завтра забастовка станетъ всеобщей.

2. Настроение находящихся на улицах рабочих крайне революционно. Въ острой формѣ требуютъ оружія.

3. На улицахъ, преимущественно, рабочая интеллигентная молодежь всѣхъ возрастовъ, до мальчиковъ и дѣвочекъ 13—14 лѣтъ включительно.

4. Власти страшно растеряны, войскъ нѣтъ. Полиція стрѣляетъ безъ всякаго предупрежденія. Значительный процентъ выстрѣловъ холостыхъ.

5. Завтра будутъ войска, будутъ залпы, прольется больше крови.

6. Нужно поддержать настроеніе толпы, снимать еще работающихъ, ждать развитія революціонныхъ событій.

А въ окрестностяхъ города происходила въ это время тоже попытка революціоннаго возстанія. Поэтому, для полноты всей картины „іюньскихъ дней“ въ Одессѣ, я перейду теперь къ описанію этихъ событій.

Верстахъ въ 12 отъ Одессы, по берегу Хаджибейскаго лимана, расположено нѣсколько селъ и деревень—Куяльникъ, Усатово, Фоминское, Нарубаевское, Холодная балка и др.

Населеніе этихъ деревень, большею частью, пригородные мѣщане-пролетаріи, добывающіе свой кусокъ хлѣба почти исключительно работой въ каменоломняхъ. Очень рѣдкіе изъ нихъ удержали въ своемъ пользованіи нищенскія земельныя угодья; большинство же раззорено безповоротно и, кромѣ своихъ мозолистыхъ рукъ, никакихъ другихъ источниковъ существованія не имѣетъ.

Не буду сейчасъ подробно останавливаться на описаніи ихъ быта и экономическаго положенія; скажу кратко, что всеобщій кризисъ и безработица въ городѣ вызвали застой и пріостановку работъ въ каменоломняхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, вслѣдствіе отсутствія спроса на камень и обезцѣненія его, закрылись чуть ли не съ половины мая, тѣ же, которыя продолжали свою работу, давали самый ничтожный заработокъ, недостаточный даже для дневнаго пропитанія рабочаго и его семьи. Положеніе день ото дня становилось невыносимѣе. Многіе буквально не имѣли куска хлѣба. Я самъ зналъ нѣсколько семей рабочихъ, которыя сидѣли

по двое сутокъ безъ всякой пищи, раздобывая только кое-какія крохи для своихъ маленькихъ, голодныхъ дѣтей.

Само собой разумѣется, что все это не могло не создать среди каменоломщиковъ атмосферу всеобщаго озлобленія и остраго недовольства, толкающихъ сознание рабочихъ къ отысканію корня пролетарскихъ бѣдствій.

Исканіе правды и справедливости охватываетъ въ такіе моменты самая широкая, самая сѣрняя массы. И каменоломщики собирались цѣлыми толпами на сходки, чтобы послушать отъ своихъ сознательныхъ товарищей горячія рѣчи о „рабочей правдѣ“ и о томъ, какъ ея нужно добиваться.

Слушая съ жаднымъ вниманіемъ объясненія развитыхъ и сознательныхъ товарищей, они все больше и больше убѣждались, что причины ихняго невыносимаго положенія, какъ и всѣхъ рабочихъ вообще, лежатъ въ самомъ строѣ современной жизни и въ полномъ безправіи, которое не даетъ имъ возможности бороться за лучшую долю.

Настроеніе отъ всего этого становилось съ каждымъ днемъ нетерпѣливѣе и возбужденнѣе и передъ началомъ событій достигло, кажется, своего крайняго напряженія. И я увѣренъ, что еслибъ революціонное движеніе не началось въ городѣ, оно неизбѣжно вспыхнуло бы здѣсь, въ деревняхъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ описанію самихъ событій, я сдѣлаю небольшое отступленіе и вкратцѣ коснусь той революціонной работы, которая велась до этого времени среди каменоломщиковъ. Кружковая пропаганда началась среди нихъ еще года четыре тому назадъ и продолжалась почти все время съ небольшими перерывами. Полицейскія условія работы были очень благоприятны, такъ какъ ни одинъ изъ „духовъ“ *) не рѣшался показать своего носа въ подземелья шахтъ, гдѣ постоянно и происходили собранія.

Слушателями на этихъ собраніяхъ бывали чаще

---

*) Такъ называли каменоломщики полицію.

всего рабочіе изъ штундистовъ, которымъ евангельское ученіе не давало уже исчерпывающихъ объясненій всѣхъ вопросовъ и явленій окружающей ихъ повседневной жизни. Съ глубокимъ, чисто религіознымъ вниманіемъ, слушали они неизвѣстную имъ раньше социалистическую проповѣдь. Съ мистическимъ одушевленіемъ разучивали они и пѣли новые для нихъ „псалмы“ революціоннаго пролетаріата. И темныя, угрюмыя подземелья скалистыхъ шахтъ, оглашались не разъ могучими мотивами „Варшавянки“, „Марсельезы“ и др. рабочихъ гимновъ, такъ какъ ими, обыкновенно, каменоломщики начинали и кончали каждое свое собесѣдованіе. Такую привычку, какъ и всѣ конспиративныя приемы, они сохранили еще отъ своихъ штундистскихъ собраній.

Пропагандистскія занятія велись интенсивно, литература распространялась въ изобиліи и читалась на расхватъ.

„Соц.-революціонеры“, „Махаевцы“ и Соц.-дем.— всѣ наперерывъ спѣшили использовать такую благопріятную почву.

Но „штунда“, очевидно, оказалась наиболѣе воспріимчивой только къ социаль-демократическому ученію, такъ какъ большинство изъ ея среды сдѣлалось его продуманными послѣдователями. И меня не разъ поражала у многихъ изъ сознательныхъ каменоломщиковъ та глубина и осмысленность, съ которой они усвоили самую суть и духъ всемірнаго пролетарскаго ученія. Нужно было только удивляться, какъ легко и свободно они разбирались въ сложной окружающей жизни, освѣщая каждое явленіе съ широкой классовой точки зрѣнія; соц.-дем. міровоззрѣніе стало для нихъ какъ бы новымъ евангеліемъ.

Вся остальная масса также выгодно отличалась своей освѣдомленностью и революціонной зрѣлостью.

Однако, къ нимъ приходили только съ проповѣдью ученія и очень мало обращали вниманія на выработку среди нихъ духа активности и какой либо самостоятельной дѣятельности. Это былъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ предшествующей работы товарищей. И

когда я, въ срединѣ мая, познакомился съ каменоломщиками, я не нашелъ среди нихъ никакой организованности. Были кружки пассивныхъ слушателей и только. Поэтому, нужно было громадное усиленіе съ моей стороны, чтобы поднять настроеніе и возбудить активный интересъ среди нихъ къ дѣятельной организаціонной жизни.

Но время наступало горячее. Въ городѣ забастовка, какъ эпидемія, переходила съ одной фабрики, на другую, съ завода, на заводъ, съ мастерской въ мастерскую. Живительная струя борьбы проникала всюду, и это много способствовало успѣху предпринятой мною организаціи каменоломщиковъ. Жизнь шла быстрымъ темпомъ и надо было торопиться успѣвать за ней, напрягая всѣ силы, какъ физическія такъ и моральныя. Я былъ одинъ и, чтобы справиться со всей работой, приходилось не спать порой по двѣ noci сряду и дѣлать пѣшкомъ, при страшной жарѣ, переходы по 30—40 верстъ въ сутки. Необходимо было поспѣвать на собранія къ рабочимъ въ разныхъ каменоломняхъ, разбросанныхъ по всей степи.

А тутъ еще начинались волненія среди крестьянъ Севериновки, Курисово-Покровской, Розальевки, Гниляковой и другихъ прилегающихъ деревень, и надо было понавѣдаться хоть въ нѣкоторыя изъ нихъ. Случалось временами такъ утомляться, что, выбившись изъ силъ, свалишься, бывало, и заснешь тутъ же на пути. Ночевать сплошь и рядомъ приходилось за какимъ-нибудь заборомъ чужого сада; а то, во время дождя, какъ бродяга заберешься, бывало, въ чью-нибудь пустую баню и спишь себѣ, похрапывая самымъ „неконспиративнымъ“ образомъ.

Но дѣло подвигалось довольно быстро и всѣ эти трудности только подбадривали. Недѣли черезъ три, почти уже всѣ окрестныя каменоломни были организованы. На каждой изъ нихъ составилъ, такъ называемый, „отвѣтственный кружокъ“ изъ 10—15-ти старыхъ, сознательныхъ товарищей, который и завѣдывалъ всѣми дѣлами данной каменоломни. Дальнѣйшая организація, распространеніе литературы, первоначаль-

ная агитація, созывъ массовокъ и пр.—все это лежало на его обязанности.

Каждый изъ этихъ кружковъ, путемъ прямой и тайной баллотировки, выбиралъ одного или двухъ товарищей, которые, всѣ вмѣстѣ, образовали центральный рабочій комитетъ хаджибейскаго района. Послѣдній объединялъ какъ-бы всю работу, распредѣляя и регулируя ее; заводилъ связи съ окружающими деревнями и поддерживалъ сношеніе съ Одесской группой соц.-демократовъ. Рабочій комитетъ разъ въ недѣлю имѣлъ обязательное собраніе, рѣшенія котораго сейчасъ же передавались въ рабочіе кружки. Всѣхъ участниковъ, сознательныхъ рабочихъ, какъ въ „комитетѣ“, такъ и въ „ответственныхъ кружкахъ“ насчитывалось на первыхъ порахъ человекъ 80, интеллигентовъ пока не было ни одного, но имѣлось въ виду ввести ихъ въ организацію впоследствии.

Такъ возникла самостоятельная рабочая организація, которая имѣла много шансовъ развиться и окрѣпнуть въ будущемъ. Но жизнь судила иначе.

Въ это время, въ Одессѣ, 13-го іюня, произошла кровавая схватка городскихъ рабочихъ съ казаками. Возбужденіе создалось страшное и 14-го ожидалась всеобщая забастовка, которая, судя по приготовлениямъ мѣстныхъ „опричниковъ“ и настроенію въ массахъ, неминуемо должна была вылиться въ форму открытаго политическаго возстанія.

14-го, ночью, экстренно собрался нашъ „хаджибейскій комитетъ“, чтобы обсудить свое отношеніе къ разыгрывающимся событіямъ.

Вечеромъ этого дня въ городѣ шли уже на нѣкоторыхъ улицахъ баррикадная схватка съ полиціей и казаками, и было уже не мало убитыхъ и искалѣченныхъ братьевъ рабочихъ.

Въ виду серьезности положенія въ городѣ, „комитетомъ“ рѣшено было сейчасъ же созвать всѣхъ сознательныхъ рабочихъ со всѣхъ шести каменоломенъ. И часамъ къ одиннадцати ночи собралось человекъ 40; остальныхъ товарищей не удалось собрать, потому что нѣкоторые были уже въ городѣ, а другихъ трудно

было разыскать ночью и своевременно извѣстить за дальностью разстоянія.

Но надвигающіяся событія почти всѣми были признаны таковыми, что отказываться отъ участія въ нихъ никто не находилъ возможнымъ.

Что же, однако, мы могли предпринять съ такимъ ничтожнымъ количествомъ собравшихся товарищей?

Одни говорили, что необходимо сейчасъ же мобилизовать всѣ свои силы, вооружиться чѣмъ только возможно и завтра, чуть свѣтъ, явиться въ городъ. Причемъ говорилось, что если намъ удастся собрать хоть нѣскольکو сотъ человѣкъ дѣятельныхъ и смѣлыхъ товарищей, то мы сразу же должны принять не оборонительный или выжидательный образъ дѣйствій, а наступательный. Придя въ городъ, мы начали бы разоружать всѣхъ встрѣчныхъ полицейскихъ и солдатскіе патрули, а затѣмъ, если бы намъ удалось, такимъ образомъ, серьезно вооружиться и присоединить къ себѣ толпы городскихъ рабочихъ, мы двинулись бы немедленно къ городскому арсеналу, чтобы разбить его и дать возможность всѣмъ желающимъ пользоваться имъ, чтобы разбить навсегда вѣковыя оковы народнаго безправія.

Противъ этого возражали многіе изъ товарищей, что у насъ нѣтъ достаточнаго количества оружія даже для первоначальнаго открытаго нападенія на полицію и что мы, навѣрняка, потерпимъ пораженіе при первомъ же столкновеніи съ ней или казаками.

Нужно замѣтить, что у товарищей оказалось всего лишь штукъ 6—7 револьверовъ, но досадно, что даже и къ нимъ не было ни одного патрона.

Когда же мы, еще вечеромъ, послали въ городъ въ организацію одинъ изъ револьверовъ, чтобы по нему намъ достали патроновъ, то тамъ, лишь только увидели его, какъ вырвали изъ рукъ нашего посланнаго и, зарядивши, куда-то убѣжали съ нимъ, говоря, что на „баррикады“. Не знаю былъ-ли сдѣланъ изъ него хоть одинъ выстрѣлъ, но фактъ тотъ, что мы остались и безъ револьвера и безъ патроновъ. Когда послан-

ный вернулся къ намъ ночью и разсказалъ о своемъ столь неудачномъ хожденіи въ организацію за патронами и за оружіемъ, то, само собою разумѣется, это подбѣствовало на всѣхъ присутствующихъ самымъ расхолаживающимъ образомъ.

Но въ это время вдругъ раздался страшный гулъ, который несся волнами по направленію изъ города и былъ ясно слышенъ намъ, хотя мы и находились верстахъ въ 12 отъ Одессы.

Потомъ, какъ мы узнали, это былъ взрывъ бомбы на Соборной площади.

Гуль напомнилъ намъ, что въ городѣ насъ ждутъ, можетъ быть, умирающіе на баррикадахъ товарищи и заставилъ насъ поторопиться своимъ рѣшеніемъ.

Мы поспѣшили принять другое рѣшеніе, которое казалось болѣе осуществимымъ, даже съ тѣмъ количествомъ оружія, которое оказалось въ наличности.

Рѣшено было сейчасъ же идти въ ближайшую деревню, гдѣ, какъ мы знали, не было пока ни войска, ни казаковъ. По прибытіи туда, мы предполагали ударить въ набатъ, созвать сельскій сходъ, оборвать телефонъ и телеграфъ и испортить желѣзную дорогу, по которой везли въ это время солдатъ изъ Тирасполя и другихъ городовъ въ Одессу. Передъ сходомъ долженъ былъ выступить рядъ нашихъ товарищей съ рѣчами и, объяснивши то, что происходитъ теперь въ Одессѣ, призвать всѣхъ крестьянъ присоединиться къ борьбѣ рабочихъ за общее освобожденіе всего народа. Затѣмъ, думали изгнать изъ деревни всѣхъ властей и двинуться къ ближайшему помѣщику въ усадьбу.

Управляющій этого помѣщика только что, нѣсколько дней тому назадъ, убилъ малолѣтняго крестьянскаго сына за самовольный покосъ клочка травы, а поэтому имѣлось въ виду предать его и помѣщика народному суду за его звѣрское самоуправство, да, кстати, расчитаться съ нимъ и за всѣ вѣковые грѣхи противъ крестьянъ, конфисковавъ у него землю, передать ее на усмотрѣніе „крестьянскаго“, а не „барскаго“ комитета.

Послѣ этого думали направиться всей массой или

въ уѣздъ, по деревнямъ, гдѣ уже аграрное волненіе было въ полномъ разгарѣ, или же повернуть на каменоломни и, пройдя черезъ нихъ, присоединить всѣхъ тамошнихъ рабочихъ (8000 чел.) и затѣмъ многотысячной толпой двинуться въ городъ, на помощь тамошнимъ товарищамъ рабочимъ.

Таковъ былъ планъ дѣйствій. Для каждаго было ясно, что это уже настоящее возстаніе, что это уже начало революціи. И, первое время, духъ былъ самый боевой, все горе заключалось только въ томъ, что въ наличности у насъ оказалось всего лишь три револьвера—одинъ „Браунингъ“ со 100 патронами и два маленькихъ „Смитта и Вессона“ съ 14 патронами. Перспективы же достать оружіе гдѣ-нибудь въ деревнѣ были самыя безнадежныя.

Очевидно, что такой грандіозный планъ и съ такими негодными средствами заранѣе долженъ былъ быть обреченъ на неудачу.

И, дѣйствительно, при первомъ же критическомъ моментѣ, это прежде всего, отозвалось на боевомъ настроеніи и рѣшимости всѣхъ насъ, погубивъ все дѣло.

Однако, сидѣть, въ то время, сложа руки, и ждать у моря погоды не приходилось.

А поэтому, взявши съ собой знамена, (одно красное: „Хлѣба, земли и свободы, Р. С.-Д. Р. П.“, а другое черное: „Смерть тиранамъ, слава павшимъ въ бою за свободу! Р. С.-Д. Р. П.“) мы, съ пѣніемъ „марсельезы“, двинулись въ путь.

Было около часа ночи. Фантастическое зрѣлище представляло наше шествіе. Глухая полночь. На небѣ ярко мерцають звѣзды. Необъятная, молчаливая степь, засѣянная хлѣбами, тихо спитъ. Кругомъ ни души, ни звука, лишь только по бокамъ дороги шуршатъ хлѣба между собою, какъ бы перешоптываясь таинственно о необычномъ ночномъ видѣніи.

Вдругъ, одинъ изъ товарищей запѣлъ сильнымъ, чистымъ голосомъ:—„Отречемся отъ стараго міра“... Мы дружно подхватили, и звуки грозной рабочей

пѣсни волнами полились по мертвой степи. Степь дрогнула и ожила.

Такъ, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, мы незамѣтно подошли къ селу.

Было еще темно, а поэтому, не доходя до околицы, мы расположились на приваль, пославши предварительно извѣстить о нашемъ прибытіи мѣстныхъ товарищей. Часа въ 4 утра мы вступили въ село, гдѣ насъ встрѣтило человѣкъ 50 мѣстныхъ крестьянъ и рабочихъ.—Послѣ одушевленныхъ взаимныхъ привѣтствій, мы устроили совѣщаніе о томъ, что здѣсь возможно предпринять. Разговоръ былъ чисто дѣлового характера и рѣчей никакихъ не произносилось.

Крестьяне настаивали на томъ, чтобы всѣмъ намъ сейчасъ же отправиться къ помѣщику и выкосить у него половину хлѣба.

— „Ну, а потомъ что?“, спрашивали мы.

— „Въ городъ, братецъ ты мой, намъ не съ руки сейчасъ идти и вообще, много расхаживать теперь не время. Хлѣбъ обсыпается, нужно торопиться его убирать. Вотъ ужъ, уберется, тогда можно будетъ идти и воевать съ кѣмъ угодно“.

Мы не соглашались съ этимъ предложеніемъ, объясняя имъ, что раздѣлъ помѣщичьяго хлѣба вовсе не избавитъ насъ отъ всѣхъ вѣковыхъ бѣдствій и золь, что теперь настало время не хлѣбъ запасать на зиму, а пора свергнуть всѣхъ угнетателей, терзающихъ всю нашу трудовую братію и что такое всенародное дѣло одни мы выполнить не можемъ. Необходимо это сдѣлать всѣмъ „міромъ“ и рука объ руку съ городскимъ рабочимъ.

„Такъ давайте же бить въ набать, и созовемъ сельскій сходъ, пусть онъ рѣшитъ, какъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ самимъ себѣ и какъ выручить разстрѣливаемыхъ въ городѣ борцовъ-рабочихъ.“

„Ударить въ набать, созвать сходъ“—рѣшили всѣ единодушно, и мы двинулись въ село на площадь.—Большинство крестьянъ только что начинало еще просыпаться. Съ пѣніемъ и знаменами пошли мы по улицамъ села. Собаки неистово залаяли, и поднялся нево-

образимый шумъ. Изъ домовъ начали показываться старухи, женщины, дѣти, и, видя такую необычную процессию, въ ужасѣ начали выть на всѣ голоса и пронзительно причитать, что началось уже „свѣтопреставленіе“:

Мы, однако, двигались дальше, не обращая на это вниманія.

Прошли на площадь и расположились на ней въ ожиданіи, когда одинъ изъ посланныхъ товарищей ударить въ набатъ, а другіе начнутъ созывать сходъ. Пока же, оборвали на всякій случай телефонъ. Замѣтили только, что въ деревнѣ народъ всполошился, начинаетъ вставать и растерянно какъ-то суетится по дворамъ.

Но, наконецъ, прибѣжалъ одинъ изъ посланныхъ нами крестьянъ и заявилъ, что въ деревнѣ паника и что всѣ „наши“ перетрусили, а поэтому не хотятъ ни въ набатъ бить, ни схода собирать.

Насъ всѣхъ это страшно возмутило. „Къ черту ихъ, прохвостовъ! идемъ же, братцы, лучше къ своимъ, въ каменоломни, пока насъ всѣхъ не перевязали!“

Всѣ мы дружно поднялись и пошли изъ деревни. Такъ какъ насъ было очень мало, а оружія, какъ я говорилъ раньше, почти совсѣмъ не было, то не было бы ничего мудренаго, если бы здѣсь, въ чужой деревнѣ, насъ всѣхъ перевязали, или же, попросту, вздули бы всякимъ дреколемъ.

Итакъ, мы предупредительно вышли сами изъ деревни, гдѣ къ намъ присоединилось человекъ 15—20 крестьянъ—лучшихъ товарищей и мы всѣ вмѣстѣ отправились опять по степи.

Солнце поднялось надъ горизонтомъ и высоко надъ нами раздавалось уже серебристое утреннее гѣніе жаворонковъ.

Мы шли молча, тяжело волоча по пыльной дорогѣ уставшія ноги. Вдругъ, на горизонтѣ показался верховой стражникъ и началъ въ отдаленіи гарцовать на своей лошади, наблюдая издали наше шествіе. Послышались шутки, остроты и это на время приподняло упавшее было настроеніе. Но стражникъ скоро отретировался за горизонтъ и у насъ опять все смолкло.

Часамъ къ 6 утра, утомленные и разбитые безсонной ночью, мы дотащились, наконецъ, до первой каменоломни.

Рабочихъ въ каменоломнѣ оказалось только 25 человекъ, которыхъ сейчасъ же мы сняли съ работы.

Но что было предпринять теперь дальше? Мы были утомлены большимъ переходомъ, безсонной ночью и, по правдѣ сказать, сильно обезкуражены первой неудачей.

Нѣкоторые товарищи усаживались отдыхать и тутъ же отъ переутомленія засыпали. Кромѣ того, всѣхъ насъ смущалъ вопросъ о полной нашей безоружности и всѣмъ теперь, когда первый пылъ прошелъ, казалось абсурдомъ поднимать возстаніе съ голыми руками. Отъ всего этого рѣшимость угасла даже у самыхъ горячихъ изъ насъ и мы согласились, пока что, разойтись и лечь спать, хотя бы часа на два, на три, а затѣмъ собраться всѣмъ „кружковымъ“ на условленномъ мѣстѣ въ городѣ и тамъ попытаться достать оружія, не оставиваясь ни передъ чѣмъ.

И если намъ удастся достать хотя десятка два револьверовъ, то тогда можно было бы или возобновить попытку возстанія по деревнямъ, или же примкнуть къ сражающимся рабочимъ въ городѣ.

Послѣ всего этого, какъ я ни былъ самъ утомленъ, я отправился пѣшкомъ въ городъ.

Послѣдующія событія увлекли меня своей волной и мнѣ не пришлось больше увидѣться съ товарищами каменоломщиками и я не знаю поэтому, удалось ли имъ достать въ городѣ оружіе и повторить свою революціонную попытку.

Часовъ въ 8 утра дотащился я до города.

Разбитый и усталый отъ безсонной ночи, я съ трудомъ передвигалъ ноги по каменнымъ мостовымъ, мечтая о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до какогонибудь товарища, чтобы у него прилечь и хоть немного отдохнуть. Мысли въ головѣ роились самыя мрачныя и безотрадныя. Послѣ всѣхъ предшествующихъ неудачъ было ясно, что до тѣхъ поръ, пока массы безоружны, пока военная сила служить слѣ-

пымъ орудіемъ въ рукахъ варварскаго правительства, трудно разсчитывать на скорое осуществленіе полной побѣды трудящагося люда надъ своими поработителями. Много пролетарской крови, потоки крови, можетъ быть, еще прольются и сегодня и завтра, и все это будетъ только жертвой для отдаленнаго будущаго. Горько и обидно становилось на душѣ отъ этихъ мрачныхъ перспективъ...

Но, вотъ я и передъ знакомой квартирой. Дверь съ шумомъ отворилась, лишь только я позвонилъ, и навстрѣчу мнѣ выбѣжалъ товарищъ, чуть не сшибивъ меня при этомъ съ ногъ. Путаясь и волнуясь, онъ быстро началъ рассказывать о томъ, что ночью въ портъ пришелъ какой-то броненосецъ, что на броненосцѣ перебиты всѣ офицеры и что команда сама управляетъ судномъ и готова встать на защиту рабочихъ и пр.

Весь этотъ потокъ свѣдѣній обдалъ меня жаромъ неопишуемаго воодушевленія. Сна и усталости какъ не бывало и я опрометью, вмѣстѣ съ товарищемъ, бросился въ портъ, чтобы лично узнать всѣ подробности о происшедшемъ.

На набережной то и дѣло попадались многочисленныя группы рабочихъ, горячо обсуждающія новое сенсационное событіе. Во всемъ городѣ тоже замѣтно было какое то необычайное волненіе, несмотря на ранній часъ. Встрѣчающаяся полиція, какъ то растерянно и стыдливо, прятала свои глаза, стараясь показать видъ, что ничего особеннаго не произошло.

Мы подошли къ одной изъ группъ собравшихся рабочихъ и стали спрашивать, въ чемъ дѣло. И намъ, наперерывъ, начали рассказывать о томъ, что броненосецъ, будто бы, былъ вызванъ властями города въ помощь войскамъ, но что матросы, узнавши еще въ пути, что ихъ хотятъ употребить для избіенія своего же брата рабочихъ, взбунтовались сами и перебили всѣхъ офицеровъ, бросавъ ихъ въ море.

Другіе же просто передавали каждому проходящему рабочему, выразительно указывая при этомъ на рейдъ: „Потемкинъ то, видишь... Начальство пришелъ усми-

рять. Теперь онъ имъ покажетъ, какъ зря обижать нашего брата“.

Свѣдѣнія эти, съ быстротой телеграфа, передавались изъ устъ въ уста и скоро облетѣли весь городъ. Народъ, цѣлыми толпами, началъ стекаться на набережную, въ портъ. Я поспѣшилъ извѣстить скорѣй своихъ товарищей, которые могли еще не знать обо всемъ случившемся, а отъ нихъ я прошелъ на набережную, около театра, думая оттуда спуститься въ портъ. Но здѣсь стояла уже рота солдатъ и никого не пропускала. Я остановился и взглянулъ на море.

Эта часть города высоко поднималась надъ гаванью. Въ совершенно отвѣсной стѣнѣ набережной былъ устроенъ красивый спускъ каменной лѣстницы. Отсюда открывалась живописная картина. Сотни огромныхъ парусовъ, русскихъ и иностранныхъ, масса всякихъ парусныхъ судовъ спокойно красовались у своихъ пристаней; безчисленныя трубы и мачты сливались въ сплошной лѣсъ. Громадныя портовые здания, таможенные склады, груды всякихъ товаровъ и угля, желѣзнодорожная эстакада, множество подъемныхъ крановъ и пр. заполняли собою все обширное пространство. Чугунныя рельсы подъѣздныхъ путей изрѣзываютъ собою вдоль и поперекъ весь портъ. Тутъ же, то и дѣло, свистятъ паровозы, передвигая за собою цѣлыя вереницы вагоновъ. А вдали, за волнорѣзомъ, тихая, безбрежная поверхность голубого моря. На ней, какъ на ладони, неподвижно и величаво красуется грозная плавучая крѣпость „Потемкинъ“.

Страшныя 12-ти дюймовыя орудія молча устали на городъ свои пасти изъ броневыхъ башенъ. Множество другихъ пушекъ сверкаютъ на солнцѣ своей темно-коричневой краской, высываясь изъ оконъ и амбразуръ, снизу и сверху.

На броненосцѣ и около него замѣтно оживленіе. Видно, какъ подъѣзжаютъ шлюпки, какъ плавно и быстро носятся паровыя катера съ матросами, то въ гавань, то изъ гавани. Тутъ же, неподалеку, дышетъ изъ своихъ трубъ и миноносецъ.

Простоявши такъ минуты 2—3 и видя, что здѣсь не

удастся проскользнуть мимо солдатъ, я пошелъ вдоль набережной, къ другому спуску.

Войскъ и полици въ этомъ мѣстѣ не было и сплошныя массы горожанъ безпрепятственно направлялись внизъ.

Городъ къ этому времени былъ уже весь на ногахъ. Улицы пустѣли, такъ какъ всѣ, въ буквальномъ смыслѣ, бѣжали въ гавань взглянуть на „взбунтовавшійся“ броненосецъ.

Бурную, негодующую стихію людскихъ страстей представлялъ собой въ этотъ моментъ портъ, переполненный тысячами народа. Лица у всѣхъ горѣли восторгомъ и одушевленіемъ. Отъ вчерашнихъ пережитыхъ ужасовъ не осталось и слѣда. Взоры всѣхъ, кто только что вынесъ такъ много страданій отъ звѣрствъ этой ночи, были обращены на грознаго гиганта и слились, казалось, въ общей надеждѣ—что онъ теперь не дастъ никого въ обиду и отомститъ за все народнымъ врагамъ. Въ этомъ всезахватывающемъ чувствѣ всѣ какъ бы стали близкими людьми. Всѣ подходили другъ къ другу и дѣлились нескрываемой радостью.

Старики, дѣти, женщины... всѣ, всѣ были охвачены какимъ то неопикуемымъ ликованіемъ, прославляя матросовъ и ихъ геройство.

Весь этотъ живой людской потокъ устремился къ концу мола, гдѣ, у самаго моря, возвышалась палатка, сдѣланная изъ парусовъ.

Въ ней лежалъ трупъ матроса Вакулинчука, свезеннаго на берегъ командой броненосца, для похоронъ. На груди у него, на скрещенныхъ рукахъ, лежала записка: „Господа Одесситы. Передъ вами лежитъ тѣло звѣрски убитаго матроса Григорія Вакулинчука, убитаго старшимъ офицеромъ эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврической“ за то, что Вакулинчукъ заявилъ, что борщъ не хорошъ. Осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ и скажемъ: „миръ праху его“. Отомстимъ кровожаднымъ вампирамъ. Смерть угнетателямъ. Смерть кровопійцамъ. Да здравствуетъ свобода. Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврической“.

Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного“.

Около входа въ палатку, стоялъ караулъ изъ матросовъ.

Здѣсь скопилась громадная толпа и кругомъ была страшная давка,—каждому хотѣлось взглянуть на убитаго, многіе подходили, снимали шапки, крестились и отдавали земной поклонъ жертвѣ дикаго произвола. Женщины плакали и цѣловали руки покойнаго народнаго борца. Слышались рыданія, видны были слезы на глазахъ у многихъ мужчинъ.

Тутъ же, около палатки, на грудѣ бочекъ и всякаго дерева выступали ораторы отъ различныхъ революціонныхъ группъ. Горячія, страстныя рѣчи лились изъ ихъ устъ передъ громаднымъ народнымъ собраніемъ.

Безпопадныя обличенія всѣхъ варварствъ и кровопролитій правительства, то и дѣло, заглушались бурей апплодисментовъ и революціонныхъ возгласовъ.

„Довольно терпѣть. Смерть тиранамъ. Умремъ за свободу“—сливалось въ общій оглушительный крикъ возбужденной толпы рабочихъ, окружавшихъ трибуну. Лица горѣли рѣшимостью, въ груди клокотало негодованіе и кругомъ царило захватывающее настроеніе немедленной готовности идти въ бой.

Я невольно поддался общему возбужденію и бросился на трибуну.

„Товарищи,—крикнулъ я—насъ здѣсь тысячи и всѣ мы не можемъ уже больше терпѣть рабства и угнетенія правительства. Давайте же, снимемъ сейчасъ же, еще всѣхъ рабочихъ съ судовъ и портовыхъ работъ и дружно, всѣ вмѣстѣ, двинемся въ городъ. Съ оружіемъ въ рукахъ, подъ охраной матросовъ и ихъ пушекъ, мы завоюемъ себѣ свободу, мы завоюемъ лучшую жизнь“...

Оглушительный ревъ не далъ мнѣ кончить. Вся толпа двинулась, какъ одинъ человекъ, по порту, мимо кораблей и пароходовъ. Началось сниманіе съ работъ и судовъ. Дико загудѣли сотни сиренъ, заглушая собою все. Толпа, какъ лава, двигалась изъ стороны въ сторону, все увлекая на своемъ пути.

Теперь необходимо было поѣхать сейчасъ же къ

матросамъ и обсудить съ ними немедленное совмѣстное наступленіе на городъ. Рабочіе единодушно уполномочили меня для этой цѣли и я, взявши шлюпку, отправился на броненосецъ. Они же рѣшили никуда не расходиться и ждать въ порту результатовъ переговоровъ.

Но мнѣ уже больше не пришлось вернуться съ броненосца и я провелъ на немъ одиннадцать сутокъ.

Теперь я перейду къ описанію событій на самомъ броненосцѣ, начиная съ момента прихода его въ Одессу

ГЛАВА Ш.

Броненосецъ „Князь Потемкинъ Таврической“ пришелъ въ Одессу 14-го іюня, около 10 час. вечера. Бросивъ якорь, онъ сталъ на внѣшнемъ рейдѣ.

Сознательная часть матросовъ-революціонеровъ, во власти которыхъ теперь находилось все судно, приказала сейчасъ-же спустить катера и поручила имъ, вмѣстѣ съ миноносцемъ, ночную охрану.

Затѣмъ, отдавъ еще кое-какія служебныя распоряженія, всѣ они собрались въ адмиральскую каюту, чтобы совмѣстно обсудить свое дальнѣйшее положеніе и порядокъ слѣдующаго дня. Бодрость и самодовольное чувство было написано на простыхъ, загорѣлыхъ лицахъ матросовъ, когда они съ комфортомъ расположились на мягкихъ креслахъ и диванахъ этого роскошнаго помѣщенія. Въ теченіи долгой службы, многіе изъ нихъ не только не переступали порога, но даже не осмѣливались и заглянуть въ это таинственное „святая святыхъ“, изъ котораго на нихъ такъ часто сыпались всякія кары и строгости.

Теперь же они сознавали себя хозяевами положенія. Слышались шутки и, вообще, видна была непринужденность.— „А вы, ваше превосходительство, изволите курить махорочку?“— смѣясь обратился одинъ матросъ къ своему товарищу, кочегару.— „Вѣдь этотъ табачекъ совсѣмъ не по носу генераламъ, особенно, по нонѣшнимъ временамъ“.

Народный „генераль“, грязный и съ испачканнымъ копотью лицомъ, развалившись въ креслѣ, сосредоточенно потягиваль „козью ножку“, сплевывая то и дѣло на полъ.

— „Сигару ему, братцы, заморскую дайте въ зубы, чтобы онъ зачихался на смерть отъ нея“,—острили другіе. Всѣ вторили этимъ шуткамъ дружнымъ, веселымъ смѣхомъ.

Однако, положеніе было серьезное и нужно было его успѣть до утра обсудить, поэтому шутки и остроты скоро смѣнились самыми дѣловыми разговорами. Въ концѣ этого совѣщанія были приняты слѣдующія рѣшенія:

1) Необходимо постараться завтра же принять полный грузъ угля (100,000 п.), прѣсной воды (2,000 тоннъ), запастись хлѣбомъ и вообще всякой провизіей. Это признано было необходимымъ на случай возможнаго плаванія или сраженія съ остальной частью эскадры.

2) Рѣшили дать знать обо всемъ случившемся Одесской Соц.-Демокр. Рабоч. организации и попросить у нея содѣйствія, а также о томъ, чтобы она немедленно извѣстила черезъ „Севастопольскій комитетъ С.-Дем. партіи“ всѣ остальные суда черноморскаго флота о „началѣ“ возстанія, предпринятаго уже „Потемкинымъ“. Сочувствующія суда должны были поспѣшить на соединеніе къ нему.

3) Признали необходимымъ составить подробный протоколъ событія, происшедшаго на Тендрѣ и снять по этому же поводу показанія съ офицеровъ, находящихся на суднѣ подъ арестомъ.

Протоколъ этотъ былъ составленъ самими матросами и содержаніе его приведено ниже.

Свидѣтельскія же показанія офицеровъ были, впоследствии, затеряны, какъ и многіе другіе документы.

4) Были тутъ же составлены прокламаціи къ казакамъ и арміи. Вотъ ихъ подлинное содержаніе:

„Матросы „Князя Потемкина“ обращаются къ вамъ, солдаты и казаки, складывайте свое оружіе и давайте всѣ—подъ общей кровлей—завоеуемъ свободу всему народу.

Мирныхъ же жителей г. Одессы просимъ выѣхать

подальше, такъ какъ въ случаѣ принятія противъ насъ насильственныхъ мѣръ, превратимъ Одессу въ груды камней“.

Организація матросовъ „Князя Потемкина“.

Отъ команды броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“:

„Просимъ немедленно всѣхъ казаковъ и армію положить оружіе и соединиться всѣмъ подъ одну крышу, на борьбу за свободу; пришелъ послѣдній часъ нашего страданія,—долой самодержавіе!

У насъ уже свобода, мы уже дѣйствуемъ самостоятельно, безъ начальства. Начальство истреблено. Если будетъ сопротивленіе противъ насъ, просимъ мирныхъ жителей выбраться изъ города. При сопротивленіи, городъ будетъ разрушенъ“.

Прокламаціи эти отпечатали на пишущей машинѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ и рѣшили завтра утромъ распространить на берегу.

Составили также письмо къ французскому консулу:

„Его Высокопревосходительству французскому консулу въ Одессѣ. *Отъ броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“.*

Почтеннѣйшая публика г. Одессы. Командой броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ сегодня, 15-го іюня, было съ корабля свезено мертвое тѣло, которое и было передано въ распоряженіе рабочей партіи, для преданія землѣ, по обычному обряду. Послѣ чего, пройдя нѣсколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертваго тѣла, казаки разогнали. Тѣло оставлено безъ надзора. Команда броненосца проситъ публику г. Одессы: 1. не дѣлать препятствія въ погребеніи матроса съ корабля; 2. учредить общее со стороны публики наблюденіе за правилами; 3. требовать отъ полиціи, а также и казаковъ, прекратить свои напрасные набѣги, почему это все бесполезно; 4. не противодѣйствовать доставленію необходимыхъ продуктовъ для команды броненосца рабочей партіей; 5. команда

просить публику города Одессы о выполнении всѣхъ перечисленныхъ выше требованій. Въ случаѣ, если во всемъ этомъ будетъ отказано, то команда должна будетъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣрамъ: будетъ произведена по городу орудейная стрѣльба изъ всѣхъ орудій. Почему команда предупреждаетъ публику и, въ случаѣ возникновенія стрѣльбы, просить удалиться изъ города тѣхъ, которые не желаютъ участвовать въ противодѣйствіи. Кромѣ того, намъ ожидается помощь изъ Севастополя для этой цѣли—нѣсколько броненосцевъ, и тогда будетъ хуже“.

Письмо это, въ сущности, предназначалось властямъ города и народу. Но въ виду того, что матросы не знали, какъ передать его губернатору или градоначальнику, не рискуя при этомъ быть арестованными, они и рѣшили направить его французскому консулу. Кромѣ того, они полагали, что франц. консулъ, какъ представитель свободной республиканской страны, прочтя ихъ письмо и узнавъ, что они борются за свободу, окажетъ имъ всевозможныя услуги и содѣйствіе.

Такъ объясняли мнѣ многіе изъ матросовъ значеніе этого письма.

5) На этомъ же совѣщаніи былъ обсуждаемъ вопросъ о дальнѣйшемъ поведеніи, причемъ пришли къ единодушному заключенію не вести, пока, наступательныхъ дѣйствій, а выждать прихода всей эскадры.

Товарищи-матросы, принимавшіе участіе въ соц.-дем. севастопольской организаціи, ознакомили всѣхъ присутствовавшихъ матросовъ съ тѣмъ, что во флотѣ существуетъ общій планъ возстанія, выработанный еще до начала компаніи, какъ ими, такъ и вообще сознательными матросами на другихъ судахъ. Поэтому, они были увѣрены, что при появленіи эскадры, многіе изъ броненосцевъ присоединятся къ „Потемкину“, и было рѣшено не начинать наступательныхъ дѣйствій до присоединенія къ нимъ другихъ судовъ.

6) Далѣе, рѣшили трупъ товарища Вакулинчука похоронить обязательно въ городѣ, а устройство похоронъ поручить одесскимъ рабочимъ.

7) Въ концѣ совѣщанія провѣрили судовую кассу.

Въ ней оказалось 27,000 руб. и пакетъ съ 4,600 руб. личныхъ денегъ инженеръ-механика Харькевича. (Деньги эти были отданы Харькевичу, когда его на слѣдующій день свозили на берегъ).

Обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ затянулось почти на всю ночь и когда товарищи, около 4-хъ часовъ утра, стали расходиться изъ адмиральской, уже свѣтало.

Ложиться спать было не время, и часть изъ нихъ стала собираться ѣхать въ городъ за провизіей; да кромѣ того, всѣ были такъ воодушевлены и взволнованы, такъ озабочены успѣхомъ предпринятаго дѣла, что усталость и сонъ, какъ бы, не чувствовались ими.

Что же касается всей остальной команды, то, по приходѣ въ Одессу, она напилась вечерняго чаю и тихо улеглась спать по своимъ мѣстамъ. Остались бодрствовать только вахтенные, да караульные и на броненосцѣ всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Но день наступалъ и нужно было приниматься за неотложныя дѣла.

Теперь, я перейду къ описанію дѣятельности броненосца за первый день его пребыванія въ Одессѣ, т. е. 15-го іюня.

Часовъ около 5 утра, тов. Бредихинъ, Ш. и Алексѣевъ (машинистъ) сѣли въ катеръ и отправились въ городъ. Они должны были закупить провизію, распространить по городу заготовленные ночью воззванія къ казакамъ и арміи и передать „письмо“ французскому консулу.

Въ городъ, они, прежде всего, направились въ ту пекарню, которая и раньше выполняла заказы для броненосца. Придя туда, матросы старались сдѣлать видъ, что они „артельщики“^{*)}, и дѣлаютъ закупку по приказанію своего судового начальства. Хозяинъ пекарни, очевидно, еще ничего не зналъ о происшедшемъ на „Потемкинѣ“ и легко согласился сейчасъ же доставить 50 пуд. хлѣба, а другіе 50 пуд. взять въ сосѣдней пекарнѣ.

*) Въ каждой ротѣ, какъ во флотѣ, такъ и въ другихъ частяхъ войскъ, назначаются солдаты, завѣдующіе пищевыми припасами—они называются артельщиками.

Итакъ, хлѣбъ былъ закупленъ. Осталось пріобрѣсти картошку и др. продукты. Для этой цѣли Бредихинъ и еще нѣсколько матросовъ, пошли къ торговцамъ-зеленщикамъ, а Ш. и Алексѣевъ пошли розыскивать знакомыхъ рабочихъ, которые могли бы свести ихъ къ представителямъ мѣстной соц.-дем. организаци.

Проходя, на своемъ пути, мимо фабрикъ и заводовъ, они разбрасывали захваченныя съ собою прокламаціи. Въ городѣ было еще все тихо и они безпрепятственно исполнили всѣ свои порученія, за исключеніемъ передачи письма французскому консулу. Ни у кого не оказалось въ карманахъ достаточнаго количества денегъ, чтобы нанять извозчика и поѣхать отыскивать консульство, а идти пѣшкомъ было бы долго и не безопасно, въ виду просыпающейся полиціи.

Вскорѣ, всяпровизія, въ нѣсколько сотъ пудовъ, была доставлена на подводахъ въ портъ, куда вернулись и всѣ товарищи, вмѣстѣ съ Бредихинымъ.

Теперь возникало затрудненіе, какъ всю эту массу продуктовъ доставить на броненосецъ. Шлюпокъ дать никто не хотѣлъ, да и перевозить на нихъ пришлось бы очень медленно. Тутъ стали собираться рабочіе, которые, узнавъ въ чемъ дѣло, сейчасъ же, силой забрали портовые катера и начали энергично грузить на нихъ всю провизию.

Съ броненосца также пріѣхали на катеръ Матюшенко съ матросами и стали быстро перевозить всѣ продукты на „Потемкинъ“. Туда же прибыли и продавцы этихъ продуктовъ, съ которыми обошлись весьма предупредительно и уплатили имъ не только за настоящій заказъ, но и за сдѣланный еще самимъ ревизоромъ Макаровымъ.

Я не могу не упомянуть здѣсь одного юмористическаго случая, происшедшаго въ это же время съ самоотверженными слугами абсолютизма.

Дѣло въ томъ, что когда подходили катера и шлюпки съ провизіей, подѣхалъ къ броненосцу также изъ города катеръ съ вооруженными жандармами. Замѣтивши это, матросы, съ любопытствомъ, столпились у трапа.— „Разрѣшите намъ взойти на корабль“ — обратился къ

матросамъ одинъ изъ жандармовъ заискивающимъ голосомъ.

— „А вы кто такіе?“ спрашиваютъ матросы.

— „Да мы—жандармы“.

— „Что же вамъ угодно на нашемъ броненосцѣ?“

— „Мы хотимъ снять допросъ о томъ, какъ у васъ все произошло“.

— „А, допросъ снять. Сейчасъ“. И одинъ изъ матросовъ громко отдалъ команду—„Карауль, на верхъ!“

Моментально передъ трапомъ явилось человекъ десять съ заряженными ружьями и направили дула винтовокъ на катеръ съ незванными гостями.

— „Эй, жандармы, бросай сабли въ воду, а то сейчасъ стрѣлять будемъ!“ крикнули матросы.

И эти всевластные чины, сильные лишь съ беззащитными и безправными гражданами на берегу, здѣсь, при первой же угрозѣ, оказались жалкими и ничтожными. Съ блѣдными, вытянутыми лицами, они молча, всѣ какъ одинъ, сняли съ себя сабли и бросили въ воду.

— „Бросай револьверы!“—раздалось опять. Жандармы швырнули и револьверы.

— „Бросай кобуры!“ *)

И кобуры полетѣли туда же.

— „Теперь поѣзжай домой!“

И катеръ, съ обезкураженными жандармами, помчался на всѣхъ парахъ обратно въ городъ при дружномъ, гомерическомъ хохотѣ всей команды броненосца.

* * *

На самомъ же броненосцѣ, утро этого дня началось приготовленіемъ тупа Вакулинчука къ перевозкѣ на берегъ. Онъ умеръ между 8—9 часами вечера еще вчера, когда „Потемкинъ“, приведя все въ порядокъ послѣ кровавой расправы съ офицерами, шелъ съ Тендра въ Одессу. Послѣднія его минуты присутствовавшіе при этомъ товарищи описываютъ такъ.

Когда старшій офицеръ ранилъ Вакулинчука и онъ

*) Кобуръ—чехоль для ношенія револьвера на поясѣ.

упалъ за бортъ, то его вытащили и положили въ больницу. Онъ былъ почти все время въ забытїи и лежалъ на кровати со страшными муками на лицѣ. Послѣ того, какъ на суднѣ водворился порядокъ и оно снялось съ якоря, нѣкоторые изъ товарищей подошли къ Вакулинчуку справиться о его здоровьи. Онъ открылъ глаза и тихо спросилъ:

— „Ну, что на суднѣ?“

Ему сейчасъ же рассказали, что часть офицеровъ перебита, а остальные арестованы.

— „Броненосецъ въ нашихъ рукахъ?“

— „Да“.

И мрачное, страдающее лицо Вакулинчука озарилось счастливой, радостной улыбкой.

— „А Гиляровский?“—спросилъ онъ опять, дѣлая усиліе.

— „Гиляровский тоже убить“—отвѣтили ему.

— „Ну, слава Богу... теперь..... я могу спо.....койно умереть. Только, братцы... не бросайте дѣла.“

— „Мы будемъ дѣйствовать, пока хоть одинъ изъ насъ останется въ живыхъ“—отвѣтили растроганные матросы.

— „Пожалуйста... пожалуйста... едва слышно прошепталъ Вакулинчукъ и при этихъ словахъ, радостно улыбаясь, отошелъ въ вѣчность.

Такъ не стало дорогого, самого сознательнаго и энергичнаго товарища.

Незадолго передъ этимъ, онъ призывалъ одного изъ рабочихъ, находящихся на броненосцѣ изъ Севастопольскаго дока и передалъ ему 80 руб. своихъ личныхъ денегъ. Половину изъ нихъ онъ просилъ отдать старику-отцу, а остальныя раздать бѣднымъ.

Послѣ смерти, трупъ Вакулинчука перенесли въ судовую церковь. Во время пути и всю ночь кругомъ него горѣли свѣчи и матросы попеременно читали надъ нимъ напутственныя молитвы. У многихъ изъ нихъ при этомъ слезы текли по щекамъ.

Было около 6 час. утра, когда матросы начали готовить трупъ своего товарища къ перевозкѣ на

берегъ. На него надѣли чистое бѣлье, новый тѣльникъ *) и форменку **) и положили на носилки, украшенныя флагами. На груди его прикрѣпили записку. (Содержаніе ея приводилось уже въ первой главѣ).

Носилки бережно снесли въ катеръ, куда сѣлъ и почетный караулъ изъ вооруженныхъ матросовъ, и отправились въ портъ. Лишь только трупъ былъ вынесенъ на берегъ, какъ нахлынулъ народъ и началъ разспрашивать, въ чемъ дѣло.

Матросы подробно рассказали исторію своего возстанія противъ начальства и заявили, что теперь они готовы съ оружіемъ въ рукахъ встать на защиту рабочихъ людей и помогутъ имъ прогнать прочь всѣхъ подлыхъ и жадныхъ вампировъ, сосущихъ кровь трудящагося люда. „Но мы нуждаемся въ углѣ, провіантѣ и водѣ, безъ которыхъ намъ невозможно вести войну“, заключили матросы свой рассказъ передъ собравшимся народомъ.

Послѣ этой рѣчи матросовъ, громадная толпа, вся, какъ одинъ человекъ, шумно начала кричать:

— „Да здравствуетъ свобода! Долой самодержавіе! Провизіи матросамъ! Угля! И нѣсколько сотъ человекъ бросились на близъ стоящій пароходъ съ углемъ, подняли съ него якорь и приготовились идти къ броненосцу.

Черезъ нѣкоторое время, подошелъ миноносецъ и отвелъ на буксирѣ пароходъ съ углемъ и рабочими къ „Потемкину“.

Часть рабочихъ изъ толпы на берегу принялась за устройство палатки изъ брезента надъ трупомъ Вакулинчука. Сюда непрерывно началъ стекаться народъ со всего города. Но вотъ, появились въ порту казаки и полиція. Думая, что передъ ними, по прежнему, беззащитная толпа, они бросились разгонять ее нагайками, намѣреваясь захватить и увезти съ собой трупъ Вакулинчука. Въ это время подняли какой-то красный флагъ на броненосцѣ. Караульные матросы, стоявшіе съ

*) Тѣльникъ—вязанная, бѣлая, съ поперечными синими полосами, рубашка. Она надѣвается подъ форменку.

**) Форменка—синяя, суконная, матросская верхняя рубашка.

ружьями у трупа, увидѣвши этотъ сигналъ, крикнули рабочимъ:

— „Товарищи, разбѣгайтесь подальше! Сейчасъ по казакамъ откроютъ огонь изъ пушекъ“.

Услыхавши это, храбрая кавалерія ударилась въ безпорядочное бѣгство, перегоняя и давя другъ-друга. А одинъ околоточный надзиратель до того перепугался этой угрозы, что бросился, съ размаху, головой въ кучу каменнаго угля и сталъ зарываться въ нее какъ можно глубже, умоляя окружающихъ полицейскихъ плотнѣе засыпать его.

Съ этого момента, казаки и полиція не осмѣливались больше показаться въ портъ и онъ на весь день очутился во власти рабочихъ. Что тутъ происходило послѣ этого я уже описывалъ въ первой главѣ, а поэтому, повторять не буду.

Не могу обойти здѣсь молчаніемъ еще одинъ комичный случай.

Когда миноноска вела на буксирѣ пароходъ съ углемъ, идя по направленію отъ „Пересыпи“ къ броненосцу, то впереди ея шелъ катеръ, гдѣ сидѣли матросы и между ними Матюшенко.

У миноноски былъ попорченъ руль и катеръ бралъ ее на буксиръ каждый разъ, какъ только ей нужно было развернуться и взять новое направленіе. Весь этотъ транспортъ былъ уже за волнорѣзомъ, когда, изъ за маяка, показался другой портовый катеръ, тоже направлявшійся къ броненосцу. На этомъ катерѣ сидѣлъ какой-то жандармскій офицеръ, прокуроръ, капитанъ порта и еще какое-то начальство въ мундирахъ и орденахъ.

Матюшенко, видя, что вся эта свора блестящихъ мундировъ ѣдетъ прямо къ „Потемкину“, началъ кричать имъ.

— „Куда вы ѣдете? Поворачивайте назадъ“.....— Но они, очевидно, не слушали и продолжали свой путь. Тогда онъ пустилъ свой катеръ полнымъ ходомъ на перерѣзъ ѣдущимъ мундирамъ, угрожая при этомъ винтовкой. Городской катеръ замедлилъ ходъ и остановился.

— „Заворачивайте назадъ!“—крикнулъ Матющенко, подѣхавъ къ борту.—„А то мы сейчасъ васъ утопимъ. Намъ начальства больше никакого не нужно. Мы свое, да и то въ воду побросали. Заворачивай!“

И шитое золотомъ начальство повернуло обратно въ городъ, а Матющенко поѣхалъ сзади нихъ. Когда они высадились въ порту на берегъ, Матющенко сталъ кричать толпившимся тутъ рабочимъ:

— „Смотрите, братцы! Вотъ они, кровопійцы-то наши!“

Рабочіе начали шикать, свистать и гикать на помертвѣвшихъ отъ страху всевластныхъ чиновниковъ, поспѣшившихъ, по добру по здорovu, убраться поскорѣе домой.

Матющенко же поѣхалъ вдоль порта, привѣтствуемый всюду несмолкаемыми криками „ура“. Въ одномъ мѣстѣ къ нему подѣхали на лодкахъ тов. Фельдманъ и другіе соц.-демократы мѣстной рабочей организаци. Первый вопросъ, какой имъ задалъ Матющенко, былъ— „Вы соц.-демократы?“—„Да“. „Изъ рабочей организаци?“ — „Да“. — И получивъ этотъ утвердительный отвѣтъ, онъ пересадилъ сейчасъ же къ себѣ въ катеръ тов. Фельдмана, бывшаго тогда въ студенческой формѣ, и повезъ его на броненосецъ. А остальныхъ товарищей онъ пригласилъ ѣхать слѣдомъ за нимъ въ своихъ шлюпкахъ. Прибывъ туда, тов. Фельдманъ и Борисъ выступили сейчасъ же съ горячими рѣчами передъ командой „Потемкина“. Они призывали ихъ къ дружной борьбѣ вмѣстѣ со всѣми рабочими за лучшее будущее и за новую, свободную жизнь. Страстная, талантливая рѣчь тов. Бориса произвела особенно глубокое впечатлѣніе на всѣхъ слушателей. И еще теперь, спустя уже много мѣсяцевъ, въ Румыніи, я часто слышалъ отъ матросовъ хорошія воспоминанія объ этомъ товарищѣ и его первой рѣчи. Остаться ему, однако, на броненосцѣ не пришлось, такъ какъ необходимо было немедленно ѣхать ему въ другой городъ съ какимъ-то важнымъ порученіемъ. Спустя послѣ этого нѣкоторое время, пріѣхалъ на „Потемкинъ“ и я съ однимъ изъ товарищей—бундовцевъ. Когда мы

подъѣзжали къ судну, съ лѣваго борта его стоялъ угольщикъ. Видно было на бакѣ и на шканцахъ много рабочихъ и вообще штатскихъ лицъ. Рабочіе и часть матросовъ энергично таскали уголь, ссыпая его въ угольные ямы. Мы подъѣхали къ трапу и взошли на бортъ. Къ намъ сейчасъ же подошли два какихъ-то матроса съ интеллигентными, симпатичными лицами. Узнавъ, что мы соц.-демокр. и выслушавъ мое заявленіе отъ имени портовыхъ рабочихъ, они насъ радушно привѣтствовали и горячо пожали намъ руки. Затѣмъ, попросивъ насъ побыть пока на суднѣ, они побѣжали куда-то внизъ, чтобы вызвать оттуда нашихъ товарищей по организации. Этимъ временемъ насъ окружили другіе матросы и стали спрашивать о томъ, что дѣлается въ городѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ матросовъ пригласилъ насъ лучше пройти на „бакъ“, гдѣ собралось много матросовъ, и рассказать тамъ всѣмъ о рабочихъ волненіяхъ въ Одессѣ.

Вызвали караульнаго начальника товарища Дымченко, безъ котораго невозможно было пройти черезъ батарейную палубу,—входъ въ нее охранялъ часовой. Дымченко приказалъ часовому пропустить и мы прошли на „бакъ“. Здѣсь, дѣйствительно, собралось довольно много матросовъ. Всѣ они тѣснились вокругъ ведра съ водкой, черпая каждый, поочередно, свою предобѣденную порцію.

Сюда же, слѣдомъ за нами, пришелъ и тов. Фельдманъ. Всѣхъ насъ сердечно начали угощать водкой.

— „Разступитесь! Дайте мѣсто гостямъ!“—говорили матросы, увидавъ насъ и отодвигаясь въ сторону. Тов. Фельдманъ, взявъ чарку, выступилъ съ рѣчью. Онъ говорилъ въ яркихъ выраженіяхъ о современной политической борьбѣ всего народа противъ деспотическаго правительства и той роли, какую играетъ въ этой борьбѣ рабочій классъ. Закончилъ онъ свою рѣчь возгласомъ—„Да здравствуетъ свобода! Долгой самодержавіе!“

Матросы такъ одушевленно подхватили эти возгласы, что оглушительное эхо раздалось, мнѣ кажется, не

только во всѣхъ концахъ броненосца, но долетѣло, вѣроятно, и до берега.

Вторымъ выступилъ тов. „бундовецъ“. Онъ какъ бы продолжилъ предшествующую рѣчь и говорилъ о томъ, чего мы должны добиваться въ этой борьбѣ. Говорилъ о политической свободѣ и объ отдаленномъ идеалѣ будущей братской жизни, на пути къ которой намъ необходимо побѣдить всѣхъ нашихъ враговъ. Трудно теперь подробно припомнить все, что говорилось тогда товарищами. Помню только, что матросы въ концѣ каждой рѣчи съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ кричали: „ура!“ „Смерть врагамъ!“ „Умремъ за свободу!“ и пр.

Послѣ „бундовца“ хотѣлъ говорить я, но засвистѣла дудка на обѣдъ *) и матросы отправились въ столовую, пригласивъ съ собою и насъ.

Намъ дали по деревянной ложкѣ и большому ломтю чернаго хлѣба. Такъ какъ мы съ утра ничего не ѣли и были очень голодны, то и принялись за солдатскія щи самымъ серьезнымъ образомъ.

Пообѣдавъ на скорую руку, я снова вышелъ на верхъ и, бесѣдуя съ группами матросовъ, наблюдалъ, что дѣлается на суднѣ. Масса рабочихъ, погрузившихъ уже уголь, прогуливалась по броненосцу, любуясь этой сложной, разрушительной машиной.

Особенную любознательность, какъ и всегда, проявляла молодежь. Она вертѣла пушки, трогала заряды, лазила на верхнія палубы и вообще вела себя непринужденно. Это хожденіе и лазанье вызвало, однако, нѣкоторую неприязнь и опасенія со стороны команды.

Хотя во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ и стоялъ карауль, но всетаки матросы чувствовали неувѣренность въ томъ, что кто-нибудь можетъ незамѣтно проскользнуть въ патронные погреба и надѣлать бѣды. Такое не гостеприимное настроеніе со стороны матросовъ къ рабочимъ было тѣмъ болѣе естественно, что прежняя дисциплина приучила ихъ строго слѣдить, чтобы никто

---

*) На военныхъ судахъ употребляются особые свистки, называемые „дудкой“. По этому свистку пьютъ чай, собираются къ обѣду, вызываютъ вахтенныхъ и пр.

изъ постороннихъ не смѣлъ даже всходить на военный корабль, такъ что теперь наплывъ „вольнаго люда“ представлялъ для нихъ крайне непривычное явленіе. Были, къ тому же, и такіе матросы, изъ забитой и темной части команды, которые питали скрытую надежду вернуться, послѣ всего совершеннаго, на путь раскаянья и смиренія передъ своимъ начальствомъ. Для нихъ присутствіе революціонныхъ рабочихъ на суднѣ, горячо увѣщававшихъ „Потемкинцевъ“ не класть оружія и отомстить за всѣ ихъ обиды, было нежелательно, такъ какъ создавало среди большинства матросовъ рѣшительное и боевое настроеніе.

Особенно не по сердцу было присутствіе „вольныхъ“ революціонеровъ кондукторамъ *), этимъ сверхсрочнымъ рабамъ своего начальства, и они скрытно, изъ подполья, напѣвали матросамъ на ухо о томъ, что „вольныхъ“ не нужно, что „они“—де, продадутъ матросовъ и пр.

Нашептывали они и о „вѣрности присягѣ“ о „святости службы“, а также и о томъ, что государь—де, молъ, невиновнаго никогда не повѣситъ, а поэтому лучше тому, кто не билъ офицеровъ, держаться въ сторонѣ и не давать на суднѣ никому дѣлать такихъ дѣлъ, за которыя впослѣдствіи отвѣтитъ вся команда.

Все это я узналъ отъ одного словоохотливаго матроса. Да присматриваясь внимательно къ различнымъ лицамъ, я видѣлъ и самъ, что на суднѣ есть часть матросовъ, далеко не обнаруживающихъ того энтузіазма, который написанъ на оживленныхъ лицахъ большинства „Потемкинцевъ“. Изъ разговора съ ними я понималъ, что внезапно разразившіяся событія на Гендрѣ какъ то запугали и пришибли ихъ своею неожиданностью. Съ одной стороны, они боялись революціонной части своихъ товарищей, такъ круто и быстро распра-

---

*) Кондукторъ—военный чиновникъ изъ старыхъ фельдфебелей или унтеръ-офицеровъ. Во флотѣ они очень распространены и являются специалистами-практиками, хорошо знающими свое дѣло. Они получаютъ жалованья отъ 50—70 руб. въ мѣсяцъ. Носятъ они почти такую же форму, какъ и остальные офицеры, только съ другими погонами на плечахъ.

вившихся, на ихъ глазахъ, со своими офицерами, съ другою стороны, они совершенно не понимали предпринятаго дѣла. Это были, въ большинствѣ случаевъ, новобранцы, только что взятые отъ сохи. Темные и запуганные, они желали только одного, какъ бы имъ спасти свою жизнь и какъ бы не попасть послѣ въ отвѣтъ передъ высшимъ начальствомъ. Ихъ трусливый и тревожный духъ успокаивался только смутной, наивной надеждой, что царь-де, молъ, никогда не согласится разстрѣлять 800 чел. народу изъ-за какихъ то семи офицеровъ. Хотя такихъ лицъ въ первый день было меньшинство всей команды, однако, они, все таки, оказывали замѣтное задерживающее вліяніе на общую рѣшимость и революціонный пылъ остальныхъ.

Такъ, переходя отъ группы къ группѣ, отъ матроса къ матросу, я спрашивалъ ихъ о положеніи дѣла на суднѣ, или же рассказывалъ самъ о томъ, какъ казаки, передъ ихъ приходомъ, избивали рабочихъ въ Одессѣ.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ караульнымъ начальникомъ Дымченкой, который подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что меня и другого товарища „бундовца“ просятъ въ комиссію, въ адмиральское помѣщеніе. Мы направились внизъ, спускаясь куда то въ люкъ.

Но здѣсь, я долженъ уклониться немного въ сторону отъ рассказа, чтобы подробнѣе ознакомить читателей съ возникновеніемъ на суднѣ такъ называемой „комиссіи“.

* * *

Съ ранняго утра, когда вся команда въ этотъ день уже встала и напилась чаю, матросы кучками слонялись по броненосцу, не зная, что дѣлать и за что приняться.

Проявлять собственную инициативу они не привыкли, а кричать и распоряжаться ими теперь было некому, такъ какъ ихъ строгое начальство находилось далеко, въ морской глубинѣ, и грубые окрики его не могли долетать до слуха матросовъ.

Видно было, что такимъ положеніемъ, когда никто

не знаетъ, кому какую службу и въ какое время исполнять, тяготились всѣ.

Безпорядокъ и суета были замѣтны повсюду и тяжело отзывались на самочувствіи и настроеніи всей команды.

Многіе изъ матросовъ революціонеровъ замѣтили этотъ дефектъ въ судовой жизни и принялись сейчасъ же за реорганизацію всего управленія на новыхъ, выборныхъ началахъ.

Особенно энергично принялись за осуществленіе этого машинисты Куликъ и Рѣзниченко. Они начали агитировать въ этомъ направленіи сначала въ средѣ своихъ товарищей, а затѣмъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ и среди всей команды.

Хотя разговоры объ управленіи судномъ и происходили еще вчера вечеромъ, но тотъ разладъ среди команды, который сталъ обнаруживаться сегодня съ утра, побудилъ немедленно приступить къ организаціи этого управленія.

Часовъ въ 9 утра велѣли ударить „сборъ“*). Вся команда собралась на „бакъ“. Товарищъ Куликъ выступилъ впередъ и сказалъ рѣчь, въ которой указывалъ на необходимость ввѣрить все управленіе судномъ выбраннымъ товарищамъ. Онъ говорилъ, что броненосцемъ, этой сложной и громадной машиной, не можетъ распоряжаться каждый и всякій по своему желанію. Поэтому, необходимо избрать изъ своей среды человекъ 20—25 надежныхъ и знающихъ товарищей и пусть они заботятся обо всемъ и командуютъ судномъ. Мы должны имъ повиноваться, потому что сами выбрали и будемъ, значить, вѣрить имъ во всемъ.

Послѣ, Кулика говорили на ту же тему еще и другіе товарищи. Команда, видимо, была довольна этимъ предложеніемъ и охотно приступила къ выборамъ. Въ выборахъ принимали участіе почти всѣ, за исключеніемъ матросовъ, находившихся въ то время въ караулѣ или на службѣ.

*) „Сборъ“—сигналъ на барабанѣ, по которому вся команда должна немедленно выходить и строиться на „бакъ“ или на „шканцахъ“.

Тов. Куликъ и Рѣзниченко встали на кнехтъ и начали выкликать фамилии матросовъ, спрашивая, желаютъ ли ихъ выбрать, или нѣтъ. Присутствующіе хоромъ отвѣчали „желаемъ“ и предложенный товарищ считался утвержденнымъ. Если же раздавались голоса „не желающихъ“, то кандидатъ проваливался и называли другого. Изъ команды, тоже, нѣкоторые называли фамилии матросовъ и ихъ также ставили на голосованіе.

Такъ, единогласно выбранными оказались слѣдующіе товарищи:

Рѣзниченко (машинистъ), Денисенко (машинистъ), Куриловъ (старшій комендоръ)*, Бредихинъ (матросъ изъ строевой команды)**, Савотченко (машинистъ), Родинъ (машинистъ), Ведермейеръ (старшій сигнальщикъ), Заволошинъ (техникъ), Самойленко (рулевой), Никишкинъ (кочегаръ), Дымченко (фельдфебель строевой команды), Сопрыкинъ (писарь), Скребневъ (машинистъ), Шестидесятый (машинистъ) и Матющенко (минный машинистъ).

(Непосредственного участія въ выборахъ Матющенко не принималъ; онъ былъ въ это время на берегу, у трупы Вакулинчука).

Были избраны еще и другіе, разныхъ специальностей, но фамилии ихъ теперь трудно припомнить. Всѣхъ оказалось человекъ 22—25. Они то и составили такъ называемую „комиссію“, обратившуюся, впоследствии, въ „вѣчно бодрствующій комитетъ“.

Къ концу выборовъ, къ броненосцу подошелъ угольщикъ съ рабочими и сталъ приставать къ борту. Почти въ это же время прибыли на судно и первые соц-демократы—Фельдманъ, Борисъ и др.

Дудка просвистѣла, „собраться комиссіи“ и „грузить уголь“***). Команда съ шумомъ разошлась, чтобы приняться за дѣло.

*) Комендоръ—артиллеристъ.

**) Строевая команда предназначена для несенія службы, не сопряженной со спеціальными знаніями, а также для десанта.

***) „Дудка просвистѣла собраться комиссіи“ и пр. Это значитъ слѣдующее: у каждаго вахтеннаго начальника имѣется особый свистокъ. Когда нужно передать какое-нибудь приказаніе

Теперь я возвращусь опять къ прерванному раньше разсказу.

Когда мы вошли въ „адмиральскую“, то тамъ, вокругъ большого, длиннаго стола, сидѣли и стояли чело-вѣкъ 25 матросовъ. Посреди нихъ, на стульяхъ и креслахъ, расположились наши товарищи изъ мѣстныхъ соц.-демократическихъ организацій. Многихъ изъ нихъ мы знали лично, а съ остальными насъ сейчасъ же познакомили.

Матросы радушно подали намъ кресла и пригласили принять участіе въ совѣщаніи.

Избрали предсѣдателемъ тов. Афанасія, изъ мѣстной соц.-демокр. организаціи, онъ всталъ и обратился съ рѣчью къ присутствующимъ.

Послѣ этой рѣчи, приступили къ обсужденію неотложныхъ вопросовъ.

Совѣщаніе это было посвящено, главнымъ образомъ, выработкѣ совмѣстнаго плана дѣйствій рабочихъ и матросовъ. Въ этомъ направленіи говорили всѣ товарищи и внесли различныя предложенія. Такъ какъ я только что прибылъ съ берега и оставилъ въ порту возбужденную тысячную толпу рабочихъ, готовую каждую минуту броситься въ бой, то я горячо сталъ настаивать на самыхъ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ.

Я предлагалъ сейчасъ же, или высадить десантъ матросовъ, или же вооружить рабочихъ имѣющимися ружьями и револьверами и повести съ ними, подъ предводительствомъ „потемкинцевъ“, наступленіе на городъ. При этомъ, броненосецъ долженъ былъ поддерживать наступающихъ орудійнымъ огнемъ съ моря. Далѣе, я указывалъ, что въ настоящее время „власти“ совершенно потеряли голову и мечутся, какъ угорѣлыя, по всему городу. Артиллеріи нѣтъ, войскъ очень мало и вообще, все благопріятствуетъ быстрому и неожиданному нападенію. И если мы этотъ моментъ упустимъ, то дадимъ этимъ самымъ одуматься и укрѣпиться нашимъ врагамъ.

то онъ сначала протяжно свиститъ, а затѣмъ громко кричитъ самое приказаніе—„собраться комиссіи“, „грузить уголь“ и т. п.

Настроение среди народа тогда упадетъ, и позднѣе, мы можемъ уже не встрѣтить съ его стороны той горячей революціонной рѣшимости, какая господствуетъ теперь среди самыхъ широкихъ массъ. Я указывалъ на то, что взятіемъ Одессы въ свои руки у насъ была бы обезпечена база для дальнѣйшихъ дѣйствій и мы легко бы могли продолжать сраженіе на берегу даже въ томъ случаѣ, если бы и были разбиты остальной эскадрой. Теперь же у насъ враги и съ тыла и съ моря.

Матросы, видимо, не находили никакихъ вѣскихъ возраженій по существу. Они говорили только, что десанта теперь же высадить не могутъ и что, вообще, для нихъ лучше всего обождать прибытія остальной эскадры, а тогда уже будетъ все ясно. Если она присоединится, то Одесса, все равно, немедленно будетъ взята, а если нѣтъ, то тогда видно станетъ, что дѣлать дальше. Замѣтно было, что товарищи-матросы колебались принять нашъ революціонный планъ нападенія, не ручаясь, очевидно, за соответствующее, единодушное настроеніе всей команды.

Какъ разъ въ это время, вошелъ какой-то матросъ и заявилъ, что команда волнуется и проситъ удалить съ судна всѣхъ „вольныхъ“.

На скорую руку рѣшено было остаться мнѣ, тов. Фельдману и Афанасію, а всѣ остальные сѣли въ шлюпку и собрались ѣхать обратно на берегъ.

Съ отъѣзжающими товарищами мы условились, что они обязаны поддерживать съ броненосцемъ непрерывное сообщеніе, давая знать намъ обо всемъ, что происходитъ въ городѣ. Кромѣ того, они, сейчасъ же, должны послать своего человѣка въ Севастополь, чтобы извѣстить тамошнихъ товарищей и флотъ о возстаніи „Потемкина“. Просили ихъ также прислать популярныхъ революціонныхъ брошюръ для матросовъ и нѣсколько экземпляровъ топографическаго плана Одессы. Установили съ ними и „пароль“ на случай ночного пріѣзда кого-нибудь изъ организациі. Послѣ этого, шлюпка отчалила отъ трапа и они поплыли въ портъ.

Рабочимъ, находящимся на суднѣ, было предложено матросами, въ виду всякихъ приготовленій и установленія

порядка, также поѣхать на берегъ. Всѣ они, сейчасъ же, собрались на угольщикъ, который и былъ отведенъ опять въ гавань. Здѣсь имъ, какъ я узналъ послѣ, была устроена шумная, восторженная овація многотысячной толпой народа, все еще заполнявшаго портъ.

Меня, собственно, поразило такое, немножко безцеремонное, выселеніе всѣхъ „постороннихъ“ съ революціоннаго судна. Тѣмъ болѣе, что рабочіе, проявившіе столько искренняго участія къ „потемкинцамъ“ и готовые на все, чтобы только снабдить ихъ углемъ и всѣмъ необходимымъ, едва ли могли быть для матросовъ „чужими“ и „посторонними“ людьми.

Я подошелъ къ одному изъ товарищей матросовъ, засѣдавшихъ передъ этимъ въ комиссіи и сталъ спрашивать его, чѣмъ объясняется такая перемѣна въ командѣ, настроенной раньше такъ восторженно и встрѣчавшей съ энтузіазмомъ каждую шлюпку съ рабочими.

На это онъ мнѣ вполне откровенно объяснилъ, что на суднѣ у нихъ есть такъ называемые „патріоты“, или попросту, шпіоны, подкупленные еще раньше Голиковымъ изъ среды самихъ же матросовъ, чтобы слѣдить за командой и доносить ему о тайной соц.-демок. пропагандѣ, ведшейся уже давно на „Потемкинѣ“. Такихъ патріотовъ, по словамъ товарища, было на броненосцѣ человѣкъ 30 и вотъ, они-то теперь, и настраивали всѣ темные и покорные элементы противъ „вольныхъ“ вообще и противъ революціонеровъ въ особенности.

Они усердно распространяли слухъ среди всей легкомысленной и трусливой части команды (а такихъ было около 300 челов.), что нужно ждать теперь какую то телеграмму. Царь-де, молъ, васъ обязательно помируетъ, если вы будете вести себя дальше тихо и не будете бунтовать народъ въ городѣ. „Шпіонамъ“, конечно, помогали въ этой разлагающей деморализаціи и нѣкоторые изъ кондукторовъ.

Вслѣдствіе этого, характеръ общаго настроенія всей команды былъ далеко не единодушнымъ, хотя большинство и проявляло себя въ высшей степени революціонно и увѣренно шло за своими вожаками.

„При такихъ условіяхъ, намъ пока нельзя принимать никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Если мы высадимъ десантъ изъ ненадежныхъ, то онъ разбѣжится на берегу и испортитъ все дѣло. Если же мы всѣ сами пойдемъ на берегъ, то оставшаяся дрянь можетъ увести „Потемкина“ въ Севастополь, вмѣсто того, чтобы поддержать насъ своими пушками. Поэтому, остается одно—ждать прихода всей эскадры. Я увѣренъ, что многіе суда обязательно присоединятся къ намъ и тогда духъ команды станетъ всеобщимъ и мы завоюемъ все Черное море“.

Такъ закончилъ свои объясненія товарищъ-матросъ. Къ этому нужно добавить еще и то, что въ самой комиссіи далеко не всѣ матросы обладали соотвѣтствующей политической зрѣлостью, такъ какъ въ основаніе ея выборовъ была положена идея технического управления судномъ, а не идея революціоннаго руководства предстоящей борьбой съ самодержавіемъ.

Такъ что въ ней, на ряду съ сознательными товарищами, принимали участіе и другіе матросы, часто даже не затронутые раньше революціонной пропагандой. Они были просто специалистами въ различныхъ областяхъ и хорошо знали свое дѣло, а поэтому ихъ и выбрали въ число управляющей коллегіи.

Вполнѣ опредѣленно политически настроенныхъ на суднѣ было человѣкъ 200. Въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, они принадлежали къ минной, машинной или кочегарной командѣ, т. е. болѣе интеллектуальнымъ профессіямъ на суднѣ и до службы были рабочими на фабрикахъ и заводахъ.

Ихъ поддерживала и къ нимъ примыкала часть матросовъ, человѣкъ въ 300, у которыхъ существовало уже смутное недовольство, какъ тяжелой службой, несправедливостями начальства, такъ и вообще царящими неурядицами въ Россіи. Особенно послѣдняя неудачная война и рядъ морскихъ пораженій пробудили въ нихъ духъ открытаго протеста. Къ тому же у нихъ было сильно развито чувство товарищества и они старались держаться своихъ руководителей. Это были, такъ сказать, колеблющіеся то вправо, то влево.

Всѣ остальные были какъ бы въ оппозиціи. Чаше всего оппозиція эта была скрытая и молчаливая, хотя въ критическія минуты она, конечно, выливалась сейчасъ же наружу. Въ этихъ рядахъ находилось большинство новобранцевъ, поступившихъ на службу въ началѣ текущаго года и состоявшихъ теперь въ строевой командѣ. Неграмотные и просидѣвшіе свою жизнь въ темныхъ углахъ отдаленныхъ деревень, они дико какъ то смотрѣли теперь на все совершающееся вокругъ нихъ. Они не въ состояніи были понять ни смысла, ни содержанія разыгрывающейся борьбы. Единственный инстинктъ, которымъ они все время руководились—это страхъ за цѣлость своей жизни и страхъ передъ „начальствомъ“. Въ этой то средѣ „кондуктора“ и „патріоты“ и думали создать контръ-революцію, дѣйствуя обманомъ и всякими наускиваньями на остальныхъ.

Позднѣе, я постараюсь болѣе подробно охарактеризовать различныя теченія среди команды „Потемкина“. Пока же, я думаю, будетъ достаточно и этого краткаго очерка моральнаго соотношенія силъ на броненосцѣ, чтобы уяснить себѣ тѣ или другія рѣшенія.

Теперь, я перейду опять къ изложенію дальнѣйшихъ событій этого дня.

Послѣ удаленія всѣхъ „постороннихъ“, „комиссія“ или „судовой комитетъ“, занялась установленіемъ новыхъ внутреннихъ порядковъ. Ею были назначены вахтенные начальники, караульные унтеръ-офицеры и другія должностныя лица. Боцманъ *) Мурзакъ былъ назначенъ на должность старшаго офицера; а прапорщикъ Алексѣевъ, попрежнему, оставленъ командиромъ броненосца. Погонь, нашивокъ и другихъ отличительныхъ знаковъ, конечно, ни у кого не было, такъ какъ ихъ сняли со всѣхъ еще на Тендрѣ.

Затѣмъ, чтобы объявить вновь назначенныхъ начальниковъ и ознакомить всѣхъ съ реорганизованными демократическими порядками, команду, по сигналу, собрали на „бакъ“; передъ собравшимися выступилъ цѣ-

---

*) Боцманъ-кондукторъ, управляющій движеніемъ судна по морю.

лый рядъ ораторовъ-матросовъ. Они объясняли товарищамъ, что теперь каждый изъ нихъ состоитъ не на подневольной службѣ, а на службѣ великому народному дѣлу, которое должно быть близко сердцу каждаго изъ нихъ. И каждый, кто понимаетъ это, пусть свято и добросовѣстно выполнить свой долгъ передъ русскимъ народомъ.

Хотя большинство присутствующихъ одушевленно слушало и привѣтствовало эти рѣчи, однако, со стороны, то и дѣло раздавались возгласы, что никто не хочетъ служить, что многіе игнорируютъ свои обязанности и не становятся ни на вахту, ни въ карауль.

Чтобы поднять сразу духъ дисциплины и водворить порядокъ, „комитетъ“ приказалъ ударить „боевую тревогу“.

Черезъ минуту заиграла труба и при первыхъ же звукахъ сигнала, вся команда бросилась по своимъ мѣстамъ и мигомъ каждый занялъ свой постъ по „боевому росписанію“*). Часть тов. изъ „комитета“ и новый „старшій офицеръ“ отправились производить учебную провѣрку.

Все оказалось въ образцовомъ порядкѣ и данъ былъ „отбой“. Матросы повеселѣли и видно было, что этотъ опытъ хорошо подѣйствовалъ на самочувствіе всѣхъ.

Пока у насъ шла установка новой внутренней жизни, къ судну, то и дѣло, подѣзжали шлюпки и лодченки, нагруженныя различной снѣдью. Табакъ, папиросы, фруктовый квасъ, всевозможныя лакомства, подвозились и передавались на каравль почти непрерывно весь этотъ день. Горожане, болѣе зажиточные, посылали цѣлыми ящиками дорогой табакъ, чай, сахаръ и пр. Рабочіе же привозили полныя лодки черного хлѣба, квасу, муки и др. болѣе дешевыхъ продуктовъ. Но имъ они стоили очень и очень дорого. Изголодавшись за нѣсколько дней тяжелой стачки, они тратили

*) По боевому росписанію, которое составляется на всякомъ суднѣ, каждому моряку указывается свое мѣсто, на случай сраженія—у каждой пушки, миннаго аппарата, электрическихъ звонковъ, всякихъ приборовъ. По сигналу или „тревогѣ“ всѣ должны быть моментально на своихъ мѣстахъ.

последніе, кровные гроши, чтобы выразить свое братское отношеніе къ матросамъ и снабдить ихъ хоть самымъ необходимымъ. Привозили также и водку, но матросы рѣшили ее не принимать, говоря, что теперь не время водку пить, а нужно дѣло дѣлать. Въ сущности же, матросы объясняли, что они потому не хотятъ принимать водку, что видятъ въ этомъ предательскій маневръ со стороны полиціи. „Это она—говорили они—посылаетъ чуть не ведрами, проклятое зелье, чтобы напоить насъ мертвецки пьяными, а потомъ всѣхъ перевязать и повѣсить на мачтахъ“.

Въ числѣ другихъ, подъѣзжали къ броненосцу и представители отъ мѣстнаго комитета партіи социалстовъ-революціонеровъ. Однако, на судно попасть имъ не удалось, такъ какъ въ это время, вообще, изъ „вольныхъ“ никого уже не принимали.

Приведу здѣсь еще одинъ въ высшей степени знаменательный фактъ.

Къ борту пристааетъ лодка и въ ней сидятъ два армейскихъ солдатика. Часовой у трапа спрашиваетъ ихъ что нужно. Армейцы отвѣчаютъ, что они посланы отъ своихъ частей для переговоровъ съ моряками. Послѣ такого отвѣта, ихъ сейчасъ же провели въ адмиральское помѣщеніе, гдѣ они передъ всѣмъ „комитетомъ“ заявили, что являются депутатами отъ одной армейской дивизіи, стоящей теперь въ городѣ.

„Мы уполномочены,—продолжали солдатика,—передать вамъ отъ своихъ товарищей самое горячее сочувствіе и сказать, что всѣ мы готовы поддержать васъ въ вашей великой борьбѣ за народное дѣло. У насъ хотя и не вся дивизія пойдетъ за вами, такъ какъ многіе еще рабски повинуются своему начальству, но есть много и такихъ, которые не останятся ни передъ чѣмъ и открыто стануть на вашу сторону,—вотъ, отъ нихъ-то, собственно, мы и пріѣхали передать вамъ братское сочувствіе“.

Солдаты говорили такъ искренно и горячо, что не было никакой возможности сомнѣваться въ искренности ихъ словъ.

Мы сейчасъ же созвали всю команду наверху и

попросили „депутатовъ“ передать ей самой все, что они сказали намъ. На кнехтъ всталъ одинъ изъ нихъ и обратился съ рѣчью.

Говорилъ онъ такъ просто, понятно и безыскусственно, съ такимъ задушевнымъ жаромъ, что моряки наши слушали затаивъ дыханіе.

„Мы вамъ, братцы, дадимъ поддержку на берегу. Намъ живется, можетъ, еще хуже и тяжелѣе, чѣмъ вамъ и терпѣть дальше у насъ тоже нѣтъ больше силы. Мы не станемъ больше убивать ни крестьянъ, ни рабочихъ, не будемъ стрѣлять и въ васъ, если вы придете забирать городъ, потому мы всѣ братья и всѣ должны дружно идти вмѣстѣ, а не бить другъ друга. Насъ обворовываетъ начальство, насъ утѣсняетъ правительство—вотъ ихъ то мы и должны уничтожить. Продолжайте же, братцы, начатое дѣло и мы вамъ непремѣнно дадимъ помощь. Мы тоже, вѣдь, не собаки и у насъ есть сердце...“

Волненіе слушателей достигло въ этомъ мѣстѣ такого напряженія, что они не выдержали и изъ сотни грудей вырвалось произвольное, оглушительное „ура“.

„Браво! Браво, армейцы! Качать ихъ!“ и пр. Воодушевленные возгласы носились, какъ буря, въ восьмисотенной толпѣ нашихъ моряковъ.

Трудно теперь вообще передать всю рѣчь „депутата“ и описать тотъ восторгъ, съ которымъ ее встрѣтили „потемкинцы“. Но подъемъ духа у всей команды сталъ прямо-таки необычайный и захватилъ собою буквально всѣ элементы, даже самые пессимистическіе и отсталые.

„Депутаты“ тоже были взволнованы общимъ возбужденіемъ и горячо, душевно простившись со всѣми, при крикахъ „ура“ сѣли въ свою лодку и направились обратно. Они торопились передать своимъ товарищамъ самую лучшія впечатлѣнія отъ радушнаго приѣма матросовъ.

Къ вечеру этого дня, когда у насъ всѣ были заняты уборкой и чисткой корабля, вдругъ на горизонтѣ показывается какое-то военное судно. Сначала всѣ заволновались и многіе побѣжали на верхнюю палубу.

Судно вышло изъ-за горизонта и направилось прямо къ намъ.

— Это „Вѣха“,—крикнулъ сверху сигнальщикъ, разсматривая непріятеля въ подзорную трубу.

Суденышко это было маленькое и для насъ совершенно безвредное. Оно занималось установкой маяковъ и вооруженія на немъ почти не было. Матросы успокоились и стали ждать, что будетъ дальше.

„Комитетъ“ же, посовѣтовавшись наскоро, что дѣлать, отдалъ распоряженіе не допускать близко „Вѣху“ и приказать ей немедленно стать на якорь.

„Вѣха“ остановилась. Отъ нея отплыла шестерка *), очевидно, со своимъ командиромъ.

— Арестовать его! Арестовать!—раздалось у насъ на суднѣ,—это онъ съ рапортомъ ѣдетъ.

И лишь только шестерка пристала къ нашему трапу, какъ его сейчасъ же окружили матросы.

Позвали прапорщика Алексѣева и ему поручили произвести арестъ командира „Вѣхи“, но Алексѣевъ, подойдя къ нему, началъ растерянно бормотать что-то непонятное. Видя небольшое замѣшательство, вперёдъ протолкались Рѣзниченко и Матющенко.

„Мы васъ арестуемъ“,—громко обратились они къ командиру „Вѣхи“, вынимая у него изъ ноженъ шпагу.

Въ орденахъ и парадной формѣ, капитанъ „Вѣхи“ думалъ встрѣтить своего начальника Голикова. Онъ былъ страшно изумленъ и не могъ произнести ни одного слова, видя столпившихся вокругъ матросовъ. Онъ испуганно только глядѣлъ вокругъ себя, не понимая въ чемъ дѣло.

„Пожалуйте въ адмиральскую“,—повторилъ настойчиво Рѣзниченко.

Командиръ видимо колебался и не зналъ, что дѣлать, но, замѣтивъ, что одинъ изъ матросовъ вынимаетъ револьверъ, онъ поспѣшилъ отправиться внизъ въ сопровожденіи матросовъ. Вслѣдъ за этимъ, по нашему же приказанію, явились съ „Вѣхи“ и всѣ остальные офицеры. Ихъ также арестовали и провели въ

*) Шестерка—шлюпка въ шесть весель.

адмиральскую, а „Вѣху“ подвели ближе и остановили у лѣваго борта броненосца, гдѣ въ это время стояла также баржа съ водой.

Офицеры были блѣдны, какъ полотно, и пугливо озирались на столпившихся матросовъ. Они сидѣли на предложенныхъ имъ стульяхъ около стола, а командиръ все время стоялъ и тяжело то вздыхалъ, то охалъ. Видъ у него былъ очень жалкій, особенно, при скрещенныхъ безпомощныхъ рукахъ, которыя онъ все время почему-то держалъ на своемъ кругломъ животѣ.

Принесли кассу, конфискованную на „Вѣхѣ“. Разбили ее и въ присутствіи офицеровъ сосчитали деньги. Ихъ оказалось 1.200 руб. Затѣмъ съ офицеровъ были сняты всѣ погоны, ордена, кортики и ихъ вкратцѣ ознакомили съ тѣмъ, что произошло на „Тендрѣ“. Прочитали имъ „протоколъ“ этихъ событій, на которомъ всѣ они и расписались.

„Нужно имъ денегъ дать на дорогу“,—замѣтилъ кто-то изъ матросовъ.

И имъ сейчасъ же роздали по 100 руб.

Всѣ офицеры охотно взяли деньги, хотя у многихъ изъ нихъ видны были въ кошелькахъ довольно значительныя суммы. Одинъ даже размѣнялъ тутъ же 300 р., но отъ предложенныхъ денегъ отказаться, очевидно, не хватило порядочности.

Не помню хорошенько кто, Рѣзниченко или Матющенко, вышелъ послѣ впередъ и объяснилъ офицерамъ, что „потемкинцы“ теперь открыто стали на сторону возставшаго народа и будутъ сражаться за него, насколько хватить силъ, со всѣми врагами и правительствомъ.

Въ концѣ обратились съ рѣчью я и тов. Фельдманъ. Приблизительно, мы сказали офицерамъ слѣдующее:

„Вы видите, господа, что это уже не бунтъ, а наступившая народная революція. Время безпорядковъ и бунтовъ смѣняется теперь открытой сознательной борьбой народа съ самодержавіемъ. И вамъ, вмѣстѣ съ снятыми орденами и погонами, придется сбросить также и всѣ старыя предразсудки. Вы провели вашу жизнь

въ погонѣ за чинами и карьерой, забывая о несчастіи тѣхъ, кому вы обязаны были своимъ успѣхомъ. Васъ окружала атмосфера довольства, пьянства, картежной игры и вы не видѣли въ этомъ чаду тѣхъ лишеній и невзгодъ, которыя переносить солдатъ. Напротивъ, вы усугубляли его положеніе, принижая его ежедневно зуботычинами и площадной бранью. Вы видѣли въ немъ только машину, только слѣпое орудіе вашихъ желаній. Но вы забывали при этомъ, что передъ вами стоитъ человѣкъ, тотъ самый человѣкъ, который ходитъ въ полѣ за плугомъ и стоитъ за фабричнымъ станкомъ, только одѣтый въ шутовской солдатскій нарядъ. Онъ васъ кормилъ, ткалъ вамъ блестящія сукна, онъ вамъ платилъ жалованье своими податями, а вы, прокучивая все въ одну ночь, на утро приходили въ казарму и тыкали ему за все его добро въ зубы кулаки. Среди царящей лжи и подобострастія, вамъ, можетъ быть, первый разъ приходится выслушивать правду прямо въ лицо. Вы смущены и растеряны.

Неужели же вы думали, что этотъ, забитый вами солдатъ будетъ и дальше нести васъ покорно на своей спинѣ и никогда не станетъ гражданиномъ. Неужели вы думали, что еще и дальше можно будетъ пожинать вамъ славу и почести на трупахъ этихъ людей? Нѣтъ! Довольно съ насъ и прежней тиранніи. Прочь паразиты съ нашего наболѣвшаго тѣла! Вы теперь намъ совершенно не нужны и можете убраться на всѣ четыре стороны. Смотрите, вся трудящаяся Россія возстаётъ почти повсюду, а съ ней поднимаемся и мы—ея дѣти—солдаты. Поѣзжайте же теперь на берегъ и прославляйте великодушіе возставшихъ моряковъ, дающихъ вамъ вашу жалкую, негодную жизнь“...

„На берегъ ихъ! На берегъ!—зашумѣли кругомъ матросы и окруженныхъ офицеровъ вывели къ трапу. Посадили въ катеръ и отвезли ихъ въ портъ.

Изъ числа ихъ задержали у себя только врача, такъ какъ у насъ было нѣсколько человѣкъ больныхъ.

Проводивъ офицеровъ, я отправился на Вѣху, чтобы объяснить тамъ новымъ матросамъ наше дѣло, наши цѣли и предстоящую борьбу. Съ большимъ интересомъ

слушали матросы мой рассказ. Многие из них прерывали меня, задавали вопросы и вообще отнеслись съ полной серьезностью къ своему новому положенію.

Сочувствіе къ „потемкинцамъ“ конечно было всеобщее и самое горячее. Побесѣдовалъ я съ ними такимъ образомъ часа два. Время было уже къ вечеру и на броненосцѣ барабанъ пробилъ „зорию“.*) Я поторопился вернуться къ себѣ. На „бакѣ“ стоялъ уже караулъ и толпилось много матросовъ. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе популярный, говорилъ передъ всѣми о томъ, что на кораблѣ мало порядку, что не назначены караулы и пр., что все это нужно сдѣлать сейчасъ же, нужно назначить всѣ тѣ же службы и работы, что и раньше.

Всѣ, молча, согласились и новый нарядъ вахтенныхъ и часовыхъ былъ произведенъ.

Горнисть заигралъ „на молитву“. Всѣ обнажили головы и одинъ изъ матросовъ громко прочелъ „Отче нашъ“.

Затѣмъ сигналъ „на молитву“ былъ данъ и въ нижней батареейной палубѣ, куда собралась вся команда передъ судовой иконой.

Прочли молитву и здѣсь, но расходиться не стали, такъ какъ пожелали послушать ораторовъ. Матросовъ было очень много. Они стояли тѣсно, другъ подлѣ друга. Въ срединѣ они разступились и очистили мѣсто. Первымъ говорилъ тов. Александръ. Такъ какъ масса была недовольна присутствіемъ „вольныхъ“, то онъ и посвятилъ свою рѣчь объясненію, кто мы, чего добиваемся, за что боремся и пр.

Послѣ него выступилъ тов. Фельдманъ. Онъ сказалъ блестящую, страшно горячую, сильную рѣчь, чисто политическаго характера. Началъ съ „борща“, показалъ, какъ тѣсно данный фактъ связанъ со всѣмъ существующимъ строемъ, охарактеризовалъ самодержавіе, рассказалъ о 9 января въ Петербургѣ и закончилъ призывомъ къ борьбѣ.

Въ низкомъ помѣщеніи было жарко и душно. Ма-

*) Зоря—особый сигналъ передъ вечернею молитвой.

тросы напряженно слушали горячую, часто трудно понятную для массы, рѣчь. Лица у всѣхъ были возбужденныя, потныя. У нѣкоторыхъ на глазахъ были слезы, когда товарищъ описывалъ ужасы 9 января.

Заключилъ онъ свои слова возгласомъ—„Да здравствуетъ свобода!“—который былъ подхваченъ матросами и долго оглашалъ собою все судно.

„Такъ какъ же, братцы,—оставимъ мы нашихъ товарищей—„вольныхъ?“—громко спросилъ одинъ изъ сознательныхъ матросовъ послѣ рѣчи Фельдмана.

„Оставимъ, оставимъ. Пусть будутъ съ нами. Всѣ будемъ вмѣстѣ“—закричала единодушно команда.

Что касается меня, то я въ это время не говорилъ передъ матросами. Возвратившись съ Вѣхи, я спустился въ адмиральскую каюту.

Я такъ утомился за сегодняшний день и предшествующія безсонныя сутки, что невольно опустился въ кресло, думая хоть немного отдохнуть.

Отъ непрерывныхъ рѣчей, произнесенныхъ сегодня, въ горлѣ чувствовались воспаление и сухость, голова шла кругомъ и болѣли виски, ноги ныли отъ чрезмѣрной усталости. Я сѣлъ и почти сейчасъ же задремалъ.

„Кириллъ! А, Кириллъ! Вставайте! Ха, ха ха!.. Онъ заснулъ“—раздалось вокругъ меня.

Я открылъ глаза и увидѣлъ собравшихся на совѣщаніе товарищей.

Засѣданіе это было непродолжительное. На немъ, главнымъ образомъ, обсуждался вопросъ о порядкѣ на суднѣ. Многіе товарищи жаловались на то, что на броненосцѣ есть много ненадежныхъ элементовъ, которые легко могутъ ночью устроить какую-нибудь пакость. Рѣшено было во всѣхъ важныхъ мѣстахъ поставить карауль изъ своихъ людей, да не спать эту ночь и самимъ.

Не знаю почему, но въ этотъ моментъ сильно бросалось въ глаза какое-то недовѣріе и подозрительность матросовъ. Они проявлялись не только по отношенію къ кондукторамъ, но проглядывали даже и въ отношеніяхъ къ вполне надежнымъ товарищамъ. Можетъ быть, подъ влияніемъ надвигающейся ночи и не-

объяснимаго страха, многіе склонны были предполагать вездѣ и всюду предательство. То опасались ночного дезертирства части команды, то не довѣряли добросовѣстности часовыхъ и за всѣмъ глядѣли сами, боясь измѣны.

Вахтеннымъ приказали строго слѣдить за Вѣхой и миноноской, чтобы они не вздумали удрать отъ насъ подъ покровомъ ночи.

Шлюпокъ распорядились также не подпускать близко къ броненосцу. Однимъ словомъ, предосторожности, какъ на суднѣ, такъ и вокругъ него, принимались самыя тщательныя.

Вслѣдъ за этимъ, поднялся вопросъ о возможной ночной атакѣ со стороны остальной эскадры или минной флотилии. Мѣры охраны и защиты отъ такого нападенія дебатировались самымъ подробнымъ образомъ. По связи съ этимъ возникла масса всякихъ техническихъ морскихъ вопросовъ. Обсуждали горячо и порой спорили другъ съ другомъ. Кто-то изъ матросовъ предложилъ пригласить офицеровъ и выслушать ихъ мнѣніе. — „А не лучше ли всѣхъ ихъ свезти на берегъ“, предложилъ другой.

„Нѣтъ, лучше пригласимъ самыхъ симпатичныхъ изъ нихъ на совѣщаніе, а остальные пусть себѣ сидятъ“, — посоветовалъ третій.

Съ этимъ предложеніемъ согласились почти всѣ. Тов. Матюшенко былъ посланъ къ офицерамъ и черезъ нѣсколько минутъ въ адмиральскую вошли инженеръ-механикъ Коваленко, докторъ Голенко и инженеръ-механикъ Калюжный.

Коваленко сейчасъ же заявилъ матросамъ, что онъ сочувствуетъ ихъ дѣлу и что вообще онъ еще во время своего студенчества былъ знакомъ съ революционнымъ движеніемъ въ Россіи и даже принималъ въ немъ кое-какое участіе.

Докторъ Голенко говорилъ, что онъ сынъ простого крестьянина, а поэтому, дѣло народа ему понятно и близко сердцу.

Инженеръ же Калюжный сидѣлъ все время молча.

Послѣ этой вступительной рекомендаціи, мы продолжали свои обсуждения.

„Пожаръ! Городъ горитъ! Портъ горитъ!“—Закричалъ вдругъ вбѣжавшій къ намъ запыхавшійся часовой. Мы опрометью выскочили всѣ наверхъ.

Дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ порта, прямо передъ нами, пылалъ громадный огненный языкъ. Онъ дико метался отъ вѣтра изъ стороны въ сторону и быстро разрастался на нашихъ глазахъ. Вдругъ, точно такое же пламя вспыхнуло еще въ трехъ различныхъ мѣстахъ и черезъ часъ весь портъ представлялъ изъ себя сплошное море огня. Свирѣпое пламя то выбрасывалось высоко вверхъ, то раздувалось въ стороны и безпощадно пожирало все на своемъ пути. Крики и страшный шумъ толпы неслись изъ гавани.

Мы стояли молча у борта и какъ бы оцѣпенѣли отъ этого зрѣлища.

Въ порту раздался страшный трескъ и гулъ прокатился по морю. За нимъ еще и еще...

Нашъ броненосецъ направилъ туда свои рефлекторы, но изъ-за густого дыма ничего невозможно было рассмотреть.

— Что бы это значило—думали мы, нервно напрягая свое зрѣніе.

— Неужели это рветъ резервуары съ нефтью, или же рушатся подгорѣлыя постройки?

Но вотъ, изъ темноты показывается лодка и приближается къ намъ. На ней сидятъ нѣсколько рабочихъ съ блѣдными лицами.

— „Братцы, родные, заступитесь! Насъ тамъ стрѣляютъ залпами казаки... Убиваютъ насъ цѣлыми сотнями и трупы лежатъ уже горами“,—простирая руки, съ рыданиями въ голосъ, обратились къ намъ рабочіе.

Дрожь пробѣжала у насъ по тѣлу при этомъ извѣстіи. Я и тов. Матющенко прыгнули въ свою шлюпку, чтобы сейчасъ же поѣхать въ портъ и самимъ собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія на случай немедленной бомбардировки. Злоба и чувство мести охватили всѣхъ насъ.

Подъѣзжая къ гавани, мы замѣтили, что на волно-

рѣзѣ, у самаго маяка, стоитъ какой то солдатъ и машетъ шапкой. Мы повернули къ нему и подѣхали.

— „Я къ вамъ, товарищи, на броненосецъ, отъ организации одного батальона.—Возьмите меня съ собой“—обратился солдатикъ къ матросамъ.

— „Отъ какой организации?“.

— „Отъ военной соц.-демократической, М-го батальона.“

— „Вашъ пароль?“—спросилъ я.

Онъ сказалъ, мы его посадили въ шлюпку и направились въ портъ.

На берегу и отъ солдата мы узнали, что въ порту происходитъ ужасная кровавая бойня.

Дѣло въ томъ, что къ вечеру набралось въ гавань очень много босяковъ, которые и начали грабить таможенные магазины. Главнымъ образомъ, они набросились на склады вина, а напившись, стали разбивать кабаки и перепились окончательно. Сколько рабочіе ихъ ни останавливали—ничего не помогло. Пьяные до потери сознанія, они бѣгали по порту и поджигали его въ разныхъ мѣстахъ.

Пожаръ охватилъ всю гавань и тысячныя толпы рабочихъ, обезумѣвшихъ отъ страха, стремились прорваться въ городъ, двигаясь сплошной массой вверхъ на набережную. Полиція и власти воспользовались этимъ, чтобы выместить на безоружныхъ рабочихъ всѣ событія этого дня и свой страхъ предъ могучимъ броненосцемъ.

Они натравливали на рабочихъ казаковъ и войска, говоря, что это босяки, грабители, „внутренніе враги“, японцы, что броненосецъ тоже японскій.

И залпы начали раздаваться за залпами.

На спускахъ и проходахъ лежали груды убитыхъ тѣлъ...

Прорваться въ городъ не было никакой возможности, такъ какъ всюду стояли густыя колонны войскъ, встрѣчавшія несчастныхъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Многіе бросались съ отчаянія въ пламя, сжигая себя заживо. Сколько дикой безчеловѣчности и непо-

нятнаго варварства было во всей этой кровавой вакханалии, разжигаемой полицией и властями!

Мы поспѣшно вернулись къ броненосцу и передали товарищу всѣ эти свѣдѣнія.

Весь судовой комитетъ былъ экстренно созванъ на засѣданіе. Изъ всѣхъ свѣдѣній выяснилось, что необходимо дать возможность рабочимъ прорваться въ городъ и этимъ спасти ихъ отъ поголовнаго истребленія.

Кромѣ того, депутатъ отъ М-го батальона заявилъ, что у нихъ есть довольно значительная организованная группа солдатъ, готовыхъ немедленно перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, разъ мы рѣшительно поддержимъ ихъ съ броненосца.

„Мы увлечемъ за собой половину всѣхъ войскъ!“ — горячо закончилъ онъ.

Въ виду всего этого, необходимо было, не теряя ни минуты, открыть бомбардировку набережной, гдѣ видны были намъ войска и командиру Алексѣеву дано было сейчасъ же приказаніе ударить боевую тревогу и открыть огонь изъ всѣхъ орудій. Мы вышли наверхъ и каждый поспѣшилъ на свое мѣсто.

Однако, проходитъ пять, десять минутъ, а боевой тревоги не слышно.

Послали узнать къ Алексѣеву, почему онъ медлитъ исполненіемъ нашего приказанія. Послѣдній отвѣтилъ, что онъ считаетъ безцѣльнымъ открывать теперь же стрѣльбу, такъ какъ на орудіяхъ не имѣется соответствующихъ электрическихъ приборовъ для ночного прицѣливанья и что установить ихъ можно только къ утру.

Мы не были специалистами въ этомъ дѣлѣ и повѣрили ему на слово. Но насъ одно это обстоятельство не удержало бы отъ стрѣльбы и безъ приборовъ, если бы у всѣхъ товарищей существовала полная увѣренность въ готовности и рѣшимости всей команды на этотъ активный, революціонный шагъ.

Въ виду тѣхъ отрицательныхъ проявленій отсутствія солидарности, которыя наблюдались за этотъ день среди матросовъ, многіе высказывали предположеніе,

что разбуженная команда едва ли согласится на бомбардировку города.

Изъ опасенія смуты и внутреннихъ неурядиць, мы принуждены были отложить наше рѣшеніе до слѣдующаго утра. Кромѣ того, мы надѣялись къ этому времени получить и изъ организаціи болѣе точныя свѣдѣнія и подробныя указанія.

Конечно, въ эту ночь изъ насъ никто не ложился спать. Всѣ мы нервно ходили по палубѣ, напряженно вглядываясь то въ зарево пылающаго пожара, то въ таинственную темноту моря.

Такъ тревожно прошла эта тяжелая ночь.

ГЛАВА IV.

Переговоры съ военными властями о похоронахъ Вакуличука.— Похороны Вакуличука.—Бомбардировка Одессы.—Ночная депутация къ командиру войсками.

Раннее утро. Въ порту все еще продолжается пожаръ и огонь долизываетъ остатки богатствъ порта. На суднѣ у насъ всѣ уже поднялись. Напившись чаю, команда стала поливать палубу, подметать соръ и вообще началась обычная внутренняя жизнь корабля. Фельдманъ побѣждалъ отыскивать матросскій костюмъ у какого нибудь товарища, чтобы переодѣться морякомъ.

Мы рѣшили послать депутацію къ командиру войсками и требовать отъ него разрѣшенія на немедленныя и открытыя похороны Вакуличука.

Въ числѣ другихъ матросовъ долженъ былъ пойти въ качествѣ переговорщика и товарищъ Фельдманъ.

Еще вчера ночью, да и сегодня утромъ, прїѣзжали рабочіе извѣстить насъ о томъ, что трупъ на берегу сталъ сильно портиться отъ жары и огня. Нужно, значить, было поспѣшить съ его похоронами.

Скоро товарищъ Фельдманъ вышелъ наверхъ и выглядѣлъ теперь настоящимъ морякомъ, перемѣнивъ свой студенческій костюмъ на матросскую рубашку и шапку съ ленточками.

Съ нимъ были машинистъ Куликъ и еще нѣсколько матросовъ. Мы ихъ проводили на катеръ и, пожелавъ всякаго успѣха, сами пошли въ адмиральскую. Къ этому времени сюда же стали собираться и другіе члены „комитета“.

Первымъ былъ поднять самый больной вопросъ. Констатировали тотъ фактъ, что, несмотря на многіе моменты вчерашняго дня, когда команда, казалось, была охвачена всеобщимъ одушевленіемъ, все-таки, среди нея не было достаточной солидарности. Это сказывалось и на боевой рѣшимости даже нѣкоторыхъ изъ участниковъ „комитета“.

Они говорили, что сначала необходимо объединить команду, а затѣмъ уже думать о какихъ-либо революціонныхъ дѣйствіяхъ.

Нѣкоторые изъ товарищей объясняли отсутствіе единодушія тѣмъ, что надъ нерѣшительной частью матросовъ все еще тяготѣетъ старый авторитетъ „начальства“, а поэтому необходимо всѣхъ офицеровъ убрать съ судна.

Раздавались также голоса за то, что офицеры, сидящіе подъ арестомъ, поддерживаютъ деморализацію среди команды и могутъ въ критическую минуту оказаться для насъ очень опасными.

Да и несеніе ежедневной караульной службы при нихъ ложилось лишь лишней тяжестью на насъ-же, какъ часовыхъ.

Обсудивъ, такимъ образомъ, этотъ вопросъ, всѣ пришли къ заключенію, что офицеровъ необходимо немедленно же свезти на берегъ, оставивъ только Коваленко, Голенко, Калюжнаго и Алексѣева.

Товарищъ Матющенко всталъ и пошелъ сейчасъ-же распорядиться объ этомъ. Намъ видно было изъ окна, какъ нѣсколько минутъ спустя, офицеры увозились на катерѣ въ городъ.

— „А кондукторовъ? Ихъ тоже слѣдуетъ вышвырнуть вонъ. Это самый продажный элементъ на суднѣ“—предложилъ одинъ изъ товарищей, когда Матющенко повезъ уже офицеровъ на берегъ.

По этому вопросу мнѣніе „комитета“ раздѣлилось.

Я, тов. Александръ и еще нѣсколько матросовъ стояли за немедленное ихъ удаленіе съ броненосца. Большинство же находило необходимымъ оставить ихъ на суднѣ. Они это мотивировали тѣмъ, что команда привыкла видѣть въ кондукторахъ специалистовъ, хорошо

знающихъ морское дѣло и техническое устройство судна.

„Если мы ихъ высадимъ, то команда, не довѣряя нашимъ способностямъ управлять судномъ, сильно упадетъ духомъ и тогда съ ней ничего нельзя будетъ предпринять. Лучше мы ихъ пока оставимъ и установимъ за ними самый строгій надзоръ“, такъ высказался одинъ изъ товарищей матросовъ. Къ его мнѣнію присоединилось большинство, хотя они и сознавали весь вредъ отъ присутствія на суднѣ этого „вѣрнопопданическаго элемента“.

На этомъ засѣданіи коснулись также и вчерашняго поведенія прапорщика Алексѣева. Его нерѣшительность, нераспорядительность и явное нежеланіе выступать отъ лица революціонной команды были замѣчены всѣми. Его вчерашній отказъ бомбардировать ночью городъ и ссылка на электрическіе приборы, безъ которыхъ можно было вполне стрѣлять изъ орудій на близкомъ разстояніи, служили яркимъ примѣромъ его колебаній и какихъ то скрытыхъ анти-революціонныхъ мыслей. Несмотря на все это, большинство товарищей изъ „комитета“ отнеслось къ нему весьма снисходительно и оправдывало его поведеніе тѣмъ, что онъ не освоился еще со своимъ новымъ положеніемъ. Принято было только передать ему, чтобы онъ съ этого дня не избѣгалъ команды, какъ вчера, не сидѣлъ бы у себя въ каютѣ, а чаще выступалъ бы передъ ней, поддерживалъ бы духъ солидарности и принималъ бы участіе въ нашихъ засѣданіяхъ.

Послали позвать его и на это совѣщаніе.

Для привлеченія же интереса всей команды къ общему дѣлу, постановлено было наши рѣшенія, планы и предположенія выносить на судъ всѣхъ матросовъ, собирая ихъ каждый разъ послѣ засѣданія на „бакъ“ или на „шканцахъ“. Да и самое мѣсто нашихъ собраній рѣшено было перенести въ каютъ-кампанію, какъ болѣе помѣстительную, чтобы дать возможность присутствовать всѣмъ интересующимся. Это, собственно, было вызвано различными нареканіями на насъ, будто мы предпринимаемъ что то тайно и помимо всей остальной

команды. Чтобы пресѣчь эту „подпольную“ агитацію противъ насъ, мы въ дальнѣйшемъ стали устраивать наши совѣщанія открыто и приглашали на нихъ присутствовать всѣхъ желающихъ. Этимъ и закончились вопросы нашего внутренняго быта.

Но мы ожидали съ часу на часъ появленія эскадры. Какъ вести себя по отношенію къ ней? Что предпринять въ случаѣ появленія минной флотиліи и атаки на насъ?

Вопросы эти въ то время сильно занимали всѣхъ и разбирались самымъ подробнымъ образомъ. Говорилось о „сѣточныхъ загражденіяхъ“, о дальнобойности нашихъ орудій и пр. Но больше всего тов.-матросы настаивали на томъ, что никакого нападенія на насъ быть не можетъ.

— „На всѣхъ судахъ есть наши товарищи и они ни за что не допустятъ стрѣлять по „Потемкину“. Если насъ вздумаютъ взорвать миноносцы, то они ихъ сами разстрѣляютъ прежде, чѣмъ тѣ успѣютъ пустить въ насъ мину“. Такая увѣренность была въ то время почти всеобщей у революціонной части матросовъ и они ее энергично распространили и среди всей остальной команды.

— „А у насъ, товарищи, мясо на суднѣ все вышло“, — замѣтилъ одинъ изъ матросовъ, когда вопросъ о появленіи эскадры былъ законченъ.

— „За мясомъ нужно послать миноноску къ городскимъ бойнямъ на Пересыпи. Если не позволятъ купить, то открыть стрѣльбу и взять силой нѣсколько быковъ“ — предложилъ тов. Дымченко.

— „Лучше сейчасъ послать на базаръ купить, а если ужъ не удастся, то будемъ добиваться силой“ — возражали другіе.

Съ этимъ пока всѣ и согласились.

Трое матросовъ изъ команды взяли денегъ и поѣхали сейчасъ же въ городъ за мясомъ, а мы стали расходиться.

Въ это время вошелъ прапорщикъ Алексѣевъ и сталъ просить чтобы ему тоже дали денегъ. „У меня господа, жена, дѣти... Я готовъ для васъ служить, но

они сидятъ теперь безъ куска хлѣба... У васъ въ касѣ очень много денегъ и для васъ ничего не составитъ дать мнѣ хотя бы тысячу рублей". Въ такихъ, приблизительно, словахъ онъ обратился къ намъ.

— „Дадимъ, братцы ему“. „Конечно, нужно дать“. У насъ хватитъ на все, можно тысьченку и удѣлить“, — заговорили чуть не всѣ сердобольные матросы.

— „Однако, товарищи, справедливо ли это?“ обратился я къ присутствующимъ, — вѣдь у насъ на суднѣ есть много матросовъ женатыхъ и даже многосемейныхъ. Ихъ дѣти голодаютъ, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ дѣти прапорщика Алексѣева. Почему же вы хотите дать только ему? И притомъ имѣемъ ли мы право, вообще, деньги, столь необходимы намъ теперь для нашей борьбы за народное дѣло, раздавать на личныя и семейныя нужды?“

— „Правильно, Кириллъ. Вѣрно, — согласились товарищи и постановили тутъ же ни на какія личныя дѣла не давать никому ни одной копѣйки.

Алексѣевъ видимо сконфузился отъ моихъ словъ и не настаивалъ больше на своей просьбѣ.

Наверху просвистѣла дудка „пить водку“ и собираться на обѣдъ. Мы вышли изъ адмиральской. Къ трапу подъѣхала лодка съ товарищами изъ организации. Они привезли намъ около дюжины плановъ гор. Одессы: однако, планы эти были безъ масштабовъ и весьма не точны. Распросили мы ихъ подробно о всѣхъ происшествіяхъ вчерашней ночи. Картины кроваваго избіенія толпы были прямо таки ужасны и не поддаются никакому описанію. Настроеніе рабочихъ на берегу послѣ всего этого было, по ихъ словамъ, крайне подавленное. — „Всѣ возлагаютъ теперь надежды только на матросовъ, и если вы себя ничѣмъ не проявите, то на берегу скоро будетъ все задавлено и терроризовано“, — говорили товарищи.

Мы условились еще съ ними объ устройствѣ сигнализации съ берега и о доставленіи намъ самыхъ подробныхъ свѣдѣній о расположеніи войскъ и артиллеріи въ городѣ. На случай же бомбардировки, мы попросили ихъ извѣстить всѣхъ мирныхъ жителей, чтобы

они, по первому же холостому выстрѣлу съ броненосца, сейчасъ же уходили на „Пересыпь“.

Распрострившись съ товарищами, я пошелъ отыскивать прапорщика Алексѣева, чтобы передать ему часть плановъ.

— „А знаете, Кирилль, какой мы придумали здѣсь исходъ на случай появленія эскадры?“—остановилъ меня въ кают-компаніи инженеръ Коваленко. „Я, докторъ Голенко и Алексѣевъ сейчасъ совѣщались по этому поводу,—продолжалъ онъ,—и у насъ мелькнула счастливая мысль. Вѣдь мы можемъ уйти въ Румынію или въ какой-либо другой иностранный портъ и легко избѣжать столкновенія съ эскадрой“.

Признаться, я былъ огорошенъ этой „счастливой мыслью“ Коваленко и горячо принялся доказывать ему, какой вредъ она можетъ принести всему нашему дѣлу.

— Наши стремленія направлены теперь на то, чтобы объединить всю команду и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Намъ это стоитъ громадныхъ усилій и труда, а вы сидите и думаете здѣсь, наоборотъ, какъ бы избѣжать того, что мы считаемъ неизбѣжнымъ и необходимымъ. Этимъ вы только дадите поводъ всѣмъ нерѣшительнымъ расколоть команду на двѣ части и погубить все дѣло“.

Тов. Коваленко, послѣ этихъ моихъ словъ, сталъ оправдываться, что онъ командѣ еще не сообщалъ своихъ предложеній, а только говорилъ объ этомъ между Голенко и Алексѣевымъ.

Позднѣе тов. Фельдманъ передавалъ, что у него съ Алексѣевымъ по этому поводу произошло также столкновение. На его вопросъ—„какъ вы думаете дѣйствовать въ случаѣ сраженія съ эскадрой“,—послѣдній грубо отвѣтилъ, что онъ самъ знаетъ, что дѣлать и его въ этомъ учить не приходится. Въ концѣ же онъ прибавилъ, что думать тутъ нечего, а слѣдуетъ заблаговременно уходить отъ эскадры въ Румынію. При этомъ былъ и тов. Александръ, который присоединился къ Фельдману и они вмѣстѣ напали на Алексѣева за его трусость и малодушіе.

Характерно то, что въ то время, когда въ нашихъ рукахъ была громадная сила, мы господствовали надъ портомъ, и городъ могъ каждую минуту очутиться въ нашей власти, господа офицеры изыскивали компромиссъ, чтобы избѣжать открытыхъ столкновений и заблаговременно отступить передъ задачей народнаго освобожденія. Тов. Коваленко, впоследствии, конечно, горячо раскаивался въ своей „счастливой мысли“, а докторъ Голенко и Алексѣевъ, напротивъ того, не теряли надежды сбить команду идти въ иностранный портъ.

Я отдалъ планы города командиру и пошелъ внизъ обѣдать. Многіе изъ матросовъ сидѣли уже за столами и аппетитно хлебали щи изъ общихъ „баковъ“. То тутъ, то тамъ, попадались группы матросовъ о чемъ-то тихонько перешептывающихся. При моемъ приближеніи, они замолкали или перемѣняли разговоръ. Я подошелъ къ одному столу и попросилъ принять меня въ артель. Мнѣ сейчасъ же любезно дали ложку, хлѣба и пододвинули чашку со щами.

— „Правда ли, товарищъ Кириллъ, что мы поѣдемъ въ Румынію?“—обратился ко мнѣ рядомъ сидящій матросикъ.

Я изумленно спросилъ его, откуда онъ эту ложь могъ почерпнуть.

— „Да вся команда поговариваетъ“,—отвѣтилъ онъ сконфузясь.

Было очевидно, что предательскіе планы Алексѣева стали уже достояніемъ кондукторовъ, а отъ нихъ распространились и по всей командѣ. Я наскоро пообѣдалъ и поспѣшилъ отыскать товарищей, чтобы передать имъ о новой „смутѣ“, пущенной въ среду матросовъ.

Въ адмиральской я повстрѣчался съ тов. Куликомъ и Фельдманомъ. Они вернулись отъ командующаго войсками и рассказывали о неудачѣ своего хожденія. Командующій войсками лично ихъ не принялъ, а передалъ черезъ своего адъютанта, что можетъ разрѣшить похороны Вакулинчука только ночью. Наши же депу-

таты настаивали, чтобы похороны были днем и при участіи народа.

Не обошлось, конечно, безъ приключеній. Вотъ какъ о нихъ рассказываетъ тов. Фельдманъ.

„На пути къ набережной намъ повстрѣчалось нѣсколько казачьихъ постовъ“.

„Покажите, пожалуйста, какъ тутъ пройти къ командующему войсками“, пробовали, было, мы неоднократно обращаться къ казакамъ, но они, замѣтивъ наше намѣреніе подойти къ нимъ, разбѣгались во всѣ стороны и не было никакой возможности ихъ остановить.

Однако, на набережной насъ окружили солдаты, арестовали и подъ конвоемъ довели до квартиры командующаго войсками. Мы думали, что больше не придется увидать намъ своего «Потемкина». Но послѣ переговоровъ, насъ съ миромъ отпустили назадъ. Начальство все струсило передъ нами и боялось арестовать депутатовъ грознаго броненосца“.

Дальше они передавали, что въ порту и на лѣстницахъ, ведущихъ на набережную, имъ приходилось все время осторожно пробираться между цѣлыми грудами труповъ убитыхъ ночью рабочихъ, чтобы какънибудь не наступить на нихъ.

— „А отецъ Халдей, братцы, удралъ отъ насъ сейчасъ же въ гостинницу“, — вмѣшался въ разговоръ товарищъ Куликъ.

— „Ишь хриstopродавецъ, унесъ таки свои долги полы“, — смѣясь замѣтили слушатели.

Отцемъ Халдеемъ матросы называли иронически своего судового священника Пименова. Когда наша депутація пошла хлопотать о похоронахъ, то онъ попросился съ ней тоже въ городъ. Онъ обѣщаль взять на себя отпѣваніе Вакулинчука и проводы его на кладбище, и получилъ за это впередъ 6 рублей изъ личныхъ денегъ тов. Кулика.

Теперь же, оказывается, онъ, выйдя на берегъ, убѣжалъ отъ нашей депутаціи, не позабывъ при этомъ захватить съ собой шесть рублей, данныхъ ему за похороны.

Товарищи-депутаты были голодны и мы ихъ же стали больше спрашивать и отпустили обѣдать.

* * *

Въ этотъ день, какъ и вчера, къ намъ довольно часто подъѣзжали лодки то съ рабочими, привозившими съѣстные припасы, а то просто, манифестируя, плавали вокругъ броненосца. Съ одной изъ такихъ лодокъ намъ сообщили, что матросы, которыхъ мы послали купить мяса, арестованы полицией. Мясо купить имъ хотя и удалось, но власти его конфисковали. Объ этомъ рассказывали такъ. Когда матросы привезли цѣлую тушу мяса въ гавань, то чтобы вызвать съ броненосца катеръ, они стали махать намъ шапками и платками. Но мы, занятые постоянными дѣлами внутри судна, очевидно, не обратили на это вниманія. Полиція же, замѣтивъ, что матросы съ берега что-то машутъ намъ, приняла это за сигнализацию и велѣла казакамъ всѣхъ ихъ арестовать. Казаки бросились на матросовъ. Одинъ изъ нихъ, желая спастись, прыгнулъ въ воду, но былъ убитъ изъ винтовки. Двухъ же другихъ арестовали и отвели въ тюрьму. Мясо конфисковали и положили въ какой-то сарай, уцѣлѣвшій еще отъ вчерашняго огня.

Этотъ рассказъ о выходкахъ полиціи и казаковъ взволновалъ и озлобилъ нашу команду.

„Что это за подлецы, даже мяса намъ не хотятъ пропустить“, слышалось отовсюду.

Часовъ около двухъ, изъ города на портовомъ катерѣ подѣхалъ къ намъ посланный отъ командующаго войсками. Онъ передалъ разрѣшеніе хоронить сейчасъ же Вакулинчука и гарантировалъ полную неприкосновенность матросамъ, которые пойдутъ провожать его на кладбище. Они должны были идти только безъ оружія. Условія эти мы приняли и человекъ двѣнадцать изъ нашей команды отправились въ гавань устраивать похороны. Немедленно былъ купленъ гробъ. Въ него положили трупъ товарища, поставили на носилки и процессія двинулась въ городъ. Вотъ какъ описываетъ эти похороны одинъ товарищъ очевидецъ.

„Торжественную картину представляли похороны убитого на броненосцѣ матроса Григорія Вакулинчука.

Послѣ объявленія города на военномъ положеніи, послѣ массовыхъ разстрѣловъ въ порту и на улицѣ, никто не предполагалъ, что администрація допустить похоронное шествіе черезъ весь городъ. Но, видно, слишкомъ была сильна боязнь администраціи передъ грознымъ пришельцемъ; такъ дрожали они при мысли о бомбардировкѣ города и дезорганизациі войскъ, что... согласились на эту опасную игру.

Въ 5 часовъ дня, по Преображенской и Почтовой улицамъ, за медленно двигающимся катафалкомъ шли 12 матросовъ, за ними шествовала толпа человекъ въ 500, 600 рабочихъ съ пѣвчими и священникомъ. Шествіе производило глубокое впечатлѣніе.

Напряженные, измученные за эти дни нервы не могли, казалось, не поддаться новому сильному впечатлѣнію. Мужчины и женщины, молодые и старые, рыдали...

За процессіей не слѣдовало никакой стражи, но вдоль почти всей Преображенской ул., отъ порта до Успенской церкви, выстроились въ ряды съ обѣихъ сторонъ войска. При прохожденіи процессіи солдаты отдавали честь, снимали шапки и крестились. Возлѣ Успенской церкви священникъ остановился служить литію. Какъ только катафалкъ двинулся, спѣшившаяся рота солдатъ, подъ командой пристава, врѣзалась въ процессію и отрѣзала всю толпу отъ гроба. Въ тотъ же моментъ рота повернулась лицомъ къ толпѣ, дала по приказу пристава, безъ всякаго предупрежденія, залпъ. Трудно описать тотъ безумный ужасъ, который овладѣлъ этой мирной толпой. Въ мгновеніе ока не осталось ни одного человека на мѣстѣ. Залпъ былъ холостой и не причинилъ никому вреда.

Катафалкъ остановился. Трое матросовъ отдѣлились и направились къ приставу, но онъ какъ звѣрь заревѣлъ: „идите, идите впередъ, а то буду стрѣлять“. Матросы, постоявъ съ минуту, двинулись впередъ. Немедленно съ боковыхъ улицъ стали стекаться все новыя и новыя толпы. Мы шли безпрепятственно до чум-

ной горы, и здѣсь, вмѣсто прежнихъ 500 человекъ, было уже 3.000. Подойдя къ водопроводной станціи, мы вновь увидѣли двѣ роты солдатъ.

Едва толпа миновала переулочъ, какъ стоявшая тамъ рота солдатъ, съ ружьями на перевѣсь, быстрымъ шагомъ выстроилась во всю ширину дороги.

У насъ, видѣвшихъ первую сцену, мелькнула мысль, что это повтореніе ея, съ той только разницею, что здѣсь намъ устроена засада, и что въ толпу будутъ стрѣлять сзади и справа. Немедленно трое изъ насъ подошли къ офицеру для переговоровъ. Онъ насъ успокоилъ, сказавъ, что рѣшительно ничего не хочетъ предпринимать, что ему приказано только подождать процессію и отдать ей честь... Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ тутъ же обратился къ офицеру второй роты и сказалъ: „Послушайте, кажется наша миссія кончилась и можно разойтись по домамъ“. „Ваша—да, но моя — нѣтъ, я долженъ охранять водопроводъ“, отвѣтилъ другой.

Процессія двинулась впередъ и минутъ черезъ 10 достигла кладбища.

Здѣсь толпа навзрыдъ рыдала. Самые сильные, закаленные нервы не могли бы выдержать...

Два оратора въ сильныхъ рѣчахъ указывали на значеніе пережитыхъ дней, они призывали къ борьбѣ, къ борьбѣ до побѣдоноснаго конца...

Могилу засыпали; грустное, тяжелое настроеніе смѣнилось бодрымъ, такимъ, съ какимъ идутъ люди, готовые умереть въ борьбѣ. Бодрые, настойчивые возгласы: „долой самодержавіе“, подхваченные всей толпой, звали къ новой, лучшей жизни.

Недоумѣвавшихъ ранѣе, казалось, пришибленныхъ, матросовъ трудно было узнать. „Никогда, никогда, говорили они, мы это не забудемъ... Сегодня же мы расскажемъ нашимъ товарищамъ, какую славной смертью умеръ погибшій нашъ товарищъ, какъ весь народъ стоитъ за насъ и съ нами“.

А матросъ Никишкинъ, бывший на похоронахъ отъ

насъ въ почетномъ караулѣ, передавалъ послѣ свои впечатлѣнія такъ *).

„Не могу я описать этой захватывающей картины, которая представилась моимъ глазамъ. Слава одесскимъ товарищамъ, которые такъ близко приняли къ сердцу нашу общую скорбь и печаль. Ни по какѣмъ, я думаю, въ мѣрѣ царѣ, ни королѣ, не лилось столько слезъ, какъ по этомъ дотолѣ безвѣстномъ матросѣ. Показныхъ слезъ, можетъ быть, лилось за кѣмъ нибудь и больше, но то были слезы купленные, а эти естественныя, искреннія, отъ чистаго сердца. Народъ шелъ сплошной стѣной по улицѣ. Впереди шли казаки и очищали дорогу. Прахъ несли большею частью студенты и молодая барышни. Можно было сказать, что за народомъ домовъ почти не видно было.

Въ каждомъ окошкѣ, на каждомъ балконѣ, у подъѣздовъ, стояли люди, при проходѣ процессіи падали на колѣни, поднимали руки къ небу и кричали: „Долой самодержавіе“.—„Да здравствуетъ свобода, равенство и братство“.

Правительство опять, вѣрно, скажетъ, что это кричали босяки и „жиды“, которые были пьяны... Нѣтъ, это кричала вся Одесса, какъ одинъ человекъ. Мальчишки—тѣ подъ ногами у большихъ бѣгали и кричали: „да здравствуетъ свобода и Потемкинъ“. По пути мы встрѣчали много военныхъ патрулей, которые выстраивались во фронтъ и отдавали тѣлу честь по военному.

Какъ опустили трупъ въ могилу, я не видѣлъ, потому что казачій полковникъ предложилъ намъ идти на корабль. Посадили насъ на извожиковъ и мы поѣхали въ портъ. По дорогѣ мы были остановлены ротой солдатъ, которые стояли на улицѣ. Офицеръ потребовалъ, чтобы мы шли гѣшкомъ. Не подозрѣвая измѣны, мы спѣшились. Но едва мы вошли въ середину фронта, какъ горнистъ заигралъ сигналъ: „Открыть огонь“, и по намъ дали залпъ. Мы были безоружны и потому бросились бѣжать вдоль улицы пока не скрылись за угломъ. Но, навѣрно, солдаты или не умѣли, или не

*) Изъ записокъ Матющенко.

хотѣли въ насъ стрѣлять, потому что убитыхъ я не видалъ, хотя былъ самый задній изъ бѣгущихъ, и у меня пулей порвало на колѣняхъ шаровары. Прибѣжало насъ на пристань только девять человѣкъ.

Въ это время раздался *залпъ* надъ нашими головами,—первый пушечный выстрѣлъ“.

* * *

На броненосцѣ же происходило слѣдующее.

Отправивши своихъ товарищей на похороны, мы опять сошлись всѣ въ адмиральской каютѣ. Послѣ кровавой бойни сегодняшней ночи, каждый изъ сознательныхъ матросовъ чувствовалъ, что онъ не можетъ больше оставаться безучастнымъ къ тѣмъ ужасамъ, которые постигли беззащитныхъ рабочихъ. Теперь, когда у насъ имѣлись уже подробныя свѣдѣнія о происшествіяхъ этой ночи въ порту, становилось неизбежнымъ показать себя братьями трудяшагося люда не только на словахъ, но и на дѣлѣ. И полная готовность отплатить озвѣрѣвшимъ служителямъ ненавистнаго абсолютизма за всѣ загубленныя ими невинныя жертвы, выражалась въ этомъ засѣданіи всѣми членами комитета. Я, тов. Фельдманъ и Александръ тоже горячо настаивали на немедленномъ переходѣ въ наступленіе. Наша выжидательная тактика могла насъ окончательно скомпрометировать въ глазахъ рабочихъ и вызвать въ нихъ сильный упадокъ духа и полную подавленность настроенія. Войска въ городѣ все прибывали и прибывали. По берегу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устанавливалась противъ насъ артиллерія. Значить и съ этой точки зрѣнія былъ прямой расчетъ не дать противнику укрѣпляться, а напасть на него пока онъ еще слабъ.

Съ этимъ моментомъ совпало сообщеніе, полученное отъ одной шлюпки рабочихъ, что въ городскомъ театрѣ происходитъ военный совѣтъ всѣхъ высшихъ властей Одессы.

Это сообщеніе подсказало какъ бы конкретный выходъ всеобщему чувству озлобленія и всѣ мы съ кри-

ками: „Смерть тиранамъ! Разбить театр! Взорвать ихъ всѣхъ!“—выбѣжали наверхъ.

Теперь оставалось только передать наше рѣшеніе всей командѣ и постараться также воодушевить и ее. Барабанъ забилъ „сборъ“ и команда быстро начала стекаться на „шканцы“, смутно угадывая о наступленіи чего то рѣшительнаго.

Сюда же пришли и всѣ офицеры.

Первымъ сталъ говорить тов. Фельдманъ. Въ своей рѣчи онъ указалъ матросамъ, что идти назадъ, послѣ совершенной уже расправы съ офицерами, имъ некуда. Всѣхъ ихъ ждетъ или висѣлица или жестокая каторга.

Выходъ у нихъ теперь только одинъ—идти впередъ къ свободѣ и благу всего народа. Добившись свободы для всѣхъ—они добьются ее вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя самихъ:—„впереди васъ ожидаетъ слава и почетъ борцовъ за народное дѣло, а назадъ—позорная петля отъ руки вашихъ прежнихъ палачей“.

Дальше его рѣчь обрисовывала яркую картину современной политической борьбы пролетаріата, крестьянства и всѣхъ свободлюбивыхъ слоевъ русскаго населенія со своимъ заклятымъ врагомъ самодержавіемъ. Онъ призывалъ матросовъ стать въ передніе ряды борцовъ и сегодня же ударить силою своихъ пушекъ на ненавистныхъ поработителей нашей родины. Но бомбардируя городъ, мы должны добиваться прежде всего освобожденія всѣхъ тѣхъ, кто уже пострадалъ за народное дѣло и сидитъ теперь въ заключеніи по тюрьмамъ и крѣпостямъ.

„Мы должны потребовать вывода всѣхъ войскъ изъ города и передачи его намъ. Мы потребуемъ открыть арсеналы, чтобы народъ могъ вооружиться и самъ защищать свои права. Такъ согласны ли добиваться всего этого?“—обратился тов. Фельдманъ въ концѣ своей рѣчи къ матросамъ.

„Согласны“—крикнули дружно сотни голосовъ...

Но вслѣдъ за тѣмъ, изъ заднихъ рядовъ вдругъ раздался громкій возгласъ: „мы не согласны“. Возгласъ этотъ подхватили въ другихъ концахъ толпы и крики: „Нельзя бомбардировать городъ“.—„Никто не согла-

сень". „Долой вольныхъ“ и пр. слились въ общій шумъ. Произошло замѣшательство. Гвалтъ все усиливался, такъ какъ съ другой стороны начали кричать: „Это подлецы не согласны. Это трусы мутять. Къ чорту ихъ съ судна“ и т. п.

Такой неожиданный финалъ горячей рѣчи тов. Фельдмана меня собственно не поразилъ. Стоя все время въ сторонѣ, я видѣлъ, какъ шушукались кондуктора и „патріоты“ и перебѣгали отъ одного человѣка къ другому. А такъ какъ товарищъ говорилъ довольно долго, то они успѣли за это время вооружить противъ его рѣчи значительное число матросовъ.

— „Кто, господа, не согласенъ съ нами,—обратился гов. Дымченко, вставъ на мѣсто Фельдмана,—тотъ пусть выйдетъ впередъ и объяснитъ намъ всѣмъ, почему онъ не согласенъ и что, по его мнѣнію, теперь надо дѣлать. А изъ за спины другихъ кричатъ только мерзавцы да трусы. Честный человѣкъ долженъ сказать прямо и открыто передъ всей командой“.

— „Выходи впередъ, кто кричалъ“.—„Ну что же всѣ молчатъ?“

— „Да выходи же кто-нибудь.“—зашумѣли опять кругомъ матросы, но никто и не думалъ выступать. Толкотня и замѣшательство охватили всѣхъ присутствующихъ. Въ эту минуту вскочилъ на кнехтъ тов. Матющенко.

— „Не шумите, дайте мнѣ сказать“—возбужденно крикнулъ онъ. Кругомъ все смолкло.

Всей его рѣчи я не могу теперь точно припомнить, но то, что онъ говорилъ, было какъ бы не звукомъ его голоса, а частью наболѣвшей души и выраженіемъ глубокой народной скорби.

„Слушайте, братцы,—обратился онъ къ командѣ,—на службѣ насъ били и притѣсняли. Начальство насъ обкрадывало и клало въ карманъ послѣдніе наши гроши. Съ нами обращались и насъ кормили хуже, чѣмъ собакъ. Жить такъ дольше намъ стало невозможно и мы перебили всѣхъ своихъ „драконовъ“. Теперь у насъ свои порядки и намъ живется легко и свободно. Но развѣ отъ того, что мы побросали въ море свое на-

чальство, лучше будетъ житься русскому народу. Развѣ легче отъ этого будетъ крестьянамъ и рабочему чело-
вѣку? А вѣдь тамъ, среди нихъ, наши отцы, наши братья.

Вотъ я, напримѣръ, вернусь теперь, если буду живой, къ себѣ въ деревню. Что же хорошаго я найду тамъ? Та же нищая старуха-мать, тѣ же голодные братья и сестры, безъ сапогъ и въ лохмотьяхъ. Нѣтъ ни земли, нѣтъ ни хлѣба,—ни во дворѣ, ни за дворомъ.

Тамъ по прежнему высасываютъ изъ крестьянъ по-
дати и рвутъ изо рта послѣдній кусокъ.

Тамъ по старому урядники и становой издѣваютъ надъ нашими отцами, а земскій сажаетъ ихъ въ холод ную за всякій пустякъ.

Развѣ это не такіе же „драконы“, какъ наши офи-
церы?

А министры и само правительство? Вѣдь отъ нихъ всѣ законы, отъ нихъ все начальство и чѣмъ они лучше станового или земскаго?

Народъ они раззорили въ конецъ, проливаютъ кровь на войнѣ, утопили весь флотъ. Да собираются еще перевѣсить и насъ за то, что мы стоимъ за правое дѣло. Нѣтъ. Если мы хотимъ лучшаго житья не только для себя, а для всего народа, то нужно для этого унич-
тожить самыхъ главныхъ „драконовъ“ съ грабителями министрами. Это кровожадные вампиры.

Вы видѣли вчера, какъ на нашихъ глазахъ убивали сотнями рабочихъ и жгли ихъ въ огнѣ по приказанію высшихъ начальниковъ.

На нашихъ глазахъ рабочіе шли съ обнаженной грудью и голыми руками добиваться правды на землѣ. Они шли и умирали.

А мы? Въ нашихъ рукахъ цѣлая крѣпость, громад-
ная пушки, сотни ружей и мы молча стоимъ и лю-
буемся, какъ убиваютъ нашего же брата-рабочаго. Это подло и мерзко. Насъ проклянетъ послѣ за это весь русскій народъ, мы не допустимъ до этого, мы всѣ, какъ одинъ, рѣшили сегодня умереть вмѣстѣ съ нашими братьями — рабочими или добиться свободы. Для насъ лучше славная смерть въ бою, чѣмъ позорная петля отъ руки кровопійцы.

Насъ, здѣсь на суднѣ челоѣкъ 200—300 и мы всѣ передъ вами.

Если вы считаете насъ бунтовщиками и разбойниками, если вы не согласны съ нами, то возьмите сейчасъ же винтовки и убейте насъ какъ собакъ. Послѣ этого, на нашихъ трупахъ, вы можете со славой и почетомъ вернуться къ своему прежнему начальству, къ своему отцу, къ своей матери.

Васъ за это награждать медалями, вамъ дадутъ по голковому, васъ встрѣтятъ съ музыкой и почестями, насъ“...

„Нѣтъ... нѣтъ... вырвалось невольно изъ сотенъ напряженныхъ грудей“. — „Мы всѣ вмѣстѣ умремъ“. „Мы всѣ за одно дѣло стоимъ“, — восторженно пронеслось по всей командѣ.

Дѣйствительно, впечатлѣніе отъ рѣчи Матюшенко было громадно. Многія лица такъ и горѣли одушевленіемъ. Единодушіе создалось полное.

— Ну, если такъ“, продолжалъ Матюшенко— „то сегодня же мы начнемъ бомбардировать городъ. Дальше терпѣть нельзя и нужно отплатить за рабочую кровь. Согласны?“

„Согласны“, — прокатилось могучее эхо по судну.

Впечатлѣніе отъ всей этой сцены было прямо потрясающее. Необъяснимая радость охватывала все существо каждаго изъ товарищей. Къ Матюшенко подходили и пожимали ему руку. Мы съ нимъ даже обнялись и расцѣловались.

„Вмѣстѣ будемъ помирать, Кирилль“ — сказалъ онъ, обнимаясь.

Тяжелый кризисъ, казалось, миновалъ и совершился переломъ въ революціонномъ настроеніи всей команды.

Мы собрались кучкой и оживленно обсуждали, что необходимо немедленно же перейти къ дѣйствию.

„Развести пары. Поднять якорь“, — раздалось приказаніе изъ нашей среды.

Машинисты и кочегары моментально бросились на свои мѣста и черный густой дымъ закружился надъ трубами.

Черезъ минуту или двѣ задрожала нервная дробь „боевого сигнала“ и звуки барабана разносились по судну. Всѣ опрометью заняли свои мѣста. Воцарилась гробовая тишина. Чувствовалась кругомъ атмосфера ожиданія чего-то страшнаго. Броненосецъ безшумно и плавно двинулся впередъ въ море и, развернувшись правымъ бортомъ къ Одессѣ, снова сталъ неподвижно на мѣстѣ. Труба горниста рѣзко заиграла сигналъ „открыть огонь“. Короткіе, отрывистые звуки смолкли и все замерло. Чувствовалось, что даже сердце какъ бы на секунду остановилось и перестало работать въ напряженномъ ожиданіи.

Еще одинъ моментъ, и раздался первый пушечный ударъ. Затѣмъ опять сигналъ на трубѣ и опять грохотъ выстрѣла прокатился по морю, сотрясая воздухъ. Снова труба—и снова загрохотало орудіе.

Я стоялъ у командирскаго мостика и съ биноклемъ въ рукахъ слѣдилъ, что происходитъ въ городѣ. Жуткое, но хорошее чувство охватило все мое существо при этихъ раскатахъ могучаго народнаго гнѣва. Бой, открытый, послѣдній бой, казалось, уже наступилъ и чудилась дивная картина столь долгожданной свободы для всей измученной родины.

Я поднялъ бинокль и взглянулъ на берегъ. Влѣво отъ парка, вразсыпную убѣгали куда-то солдаты. Еще немного лѣвѣй отъ нихъ, на склонѣ какого то бугра, стояла громаднѣйшая толпа народу. Видно было, что лица всѣхъ неподвижно повернуты въ нашу сторону и тысячи глазъ впивались въ броненосецъ.

Но вотъ сигнальная труба вновь заиграла короткое—ту-ту, ту-ту. Сердце опять замерло въ ожиданіи. Страшный, оглушительный трескъ боевого, шестидюймоваго орудія раздался черезъ секунду и броненосецъ какъ бы содрогнулся отъ толчка. Съ зловѣщимъ шипѣніемъ помчался снарядъ въ городъ, неся съ собою вѣковую злобу и месть униженнаго народа. Снарядъ разорвался и трескъ оглушительными волнами прокатился по безбрежному морю. Онъ возвѣщалъ всему міру, что вырванъ послѣдній корень столѣтняго

деспотизма. Падая, этотъ сгнившій колоссъ разлетается теперь съ шумомъ на мелкія части, ударяясь о землю.

А на смѣну ему шла молодая Россія и съ громомъ и гнѣвомъ рвала на куски свои старыя цѣпи.

„Бей второй“ скомандовали опять. И опять мелькнулъ злобѣщій зеленый огонь и раздался оглушительный трескъ боевого снаряда.

„Пе-ре-летъ“ прокричалъ сигнальщикъ около меня. Я какъ бы очнулся и пришелъ въ себя. „Куда перелетъ?“—быстро спросилъ я.

„Вправо вверхъ“.

И я торопливо перебѣжалъ къ стрѣлявшему орудію.

Первый снарядъ предназначался въ домъ командующаго войсками, а второй въ домъ градоначальника. Послѣдній снарядъ почему-то не разорвался. Дальше имѣли въ виду стрѣлять по театру. Всѣ эти зданія стояли открыто передъ нами, разстояніе было близкое и промахъ казался необъяснимымъ.

У шести-дюймоваго орудія стояли уже товарищи и горячо обсуждали первую неудачу.

„Что же вы такъ промахнулись?“—спрашивали мы комендора.

„Да, очевидно, Ведермейеръ далъ большое разстояніе“, оправдывался послѣдній.

„Надо взять гораздо меньше, а то у насъ все время будутъ перелеты“ говорили другіе артиллеристы.

Ведермейеръ былъ старшій сигнальщикъ и отъ него зависѣло опредѣленіе прицѣльнаго разстоянія. Въ это время онъ ссылаясь на то, что безъ топографическаго плана города невозможно сколько-нибудь точно опредѣлить положеніе прицѣльнаго пункта. Но позднѣе мы убѣдились, что этотъ предатель умышленно далъ невѣрное опредѣленіе прицѣла.

Въ это время, пока мы стояли и обсуждали свою первую неудачу, сигнальщикъ прокричалъ сверху, что на набережной изъ одного высокаго дома, какъ будто, выкинули бѣлый флагъ. „Неужели побѣда“, мелькнуло у насъ въ головахъ и мы кинулись къ биноклямъ.

На городъ спускались уже сумерки и мы долго разсматривали набережную, пока не убѣдились, что это

ошибка. Всѣ эти обсуждения вызвали промедленіе въ слѣдующихъ выстрѣлахъ и среди команды стало замѣчаться колебаніе и перемѣна въ настроеніи. Многіе изъ матросовъ оставили свои посты и тоже вышли наверхъ. Послышался даже ропотъ на то, что мы такъ перебьемъ только невинныхъ людей или своего же брата рабочаго.

Мы взяли планъ города и стали разсматривать, куда могли, приблизительно, упасть наши перелетѣвшіе снаряды. По плану видно было, что дальше въ томъ направленіи, куда мы стрѣляли, были расположены рабочіе кварталы, на Калантаевской и Средней улицахъ, гдѣ ютится обыкновенно всякая бѣднота.

„А что, если снарядъ разорвался среди нашихъ же братьевъ бѣдняковъ?“ невольнo мелькнула у насъ мысль.

Вмѣсто восторга и одушевленія мы могли бы вызвать, наоборотъ, лишь стоны и проклятія невинныхъ жертвъ. Ясно было, что необходимо было обождать хоть какихъ-нибудь извѣстій съ берега, чтобы приступить дальше къ общей бомбардировкѣ. Мы сознавали въ тотъ моментъ вполне опредѣленно, какая суровая отвѣтственность падаетъ на насъ передъ судомъ исторіи и всего народа за каждый выпущенный снарядъ. Бомбардировку мы открыли подъ влияніемъ минутнаго настроенія и чувства мести. Поэтому у насъ не было никакого опредѣленнаго плана. У насъ не было соглашенія съ народомъ о томъ, что мы разрушимъ городъ, а потомъ сойдемъ на берегъ и вмѣстѣ со всѣми захватимъ его въ свою власть.

Мы дѣйствовали только на свой рискъ и страхъ. При такомъ положеніи намъ необходимо было хоть какое нибудь обадривающее извѣстіе съ берега, которое дало бы намъ увѣренность въ цѣлесообразности продолженія бомбардировки. Но ни шлюпки, ни лодки, никакихъ сигналовъ — ничего не показывалось на набережной, какъ мы напряженно ни всматривались туда.

— Теперь надо попробовать изъ 12-ти дюймовыхъ — замѣтилъ кто-то со стороны.

При этомъ предложеніи у нѣкоторыхъ товарищей даже морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— „Нѣтъ, господа, такъ нельзя. Мы должны сначала дождаться свѣдѣній изъ организаціи. Вѣдь мы условились съ ними и они обязаны дать знать, что дѣлается въ городѣ“,—сказаль другой товарищъ.

— А по моему необходимо сейчасъ же послать депутацію къ командующему войсками и предъявить ему рядъ требованій. Если онъ ихъ откажется принять, то тогда мы откроемъ пальбу изъ всѣхъ орудій и поведемъ настоящее наступленіе, предложилъ тов. Звенигородскій*), теперь же пока можно ограничиться произведенной демонстраціей“.

Эта простая мысль поразила насъ всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы открыли бомбардировку города, не заявивъ ни властямъ ни народу ни нашихъ требованій, ни нашихъ цѣлей. Необходимо надо было выпустить печатное воззваніе къ населенію города и послать депутатовъ къ командующему войсками, а завтра у насъ будутъ уже руки развязаны, разъ результаты отъ переговоровъ получатся отрицательные.

Такъ мы пока и порѣшили, наскоро собравшись въ каютъ-компаніи.

Дали „отбой“**) и команда разошлась по судну.

Депутатами отправились тов. Фельдманъ, машинистъ Савотченко и Звенигородскій.

Наступила уже ночь и они взяли съ собой двѣ сигнальные ракеты. Одну изъ нихъ незамѣтно прикрѣпили къ древку андреевскаго флага, взятаго съ собой какъ парламентерскій значокъ, а другую дали въ повешій ихъ катеръ. Ракеты должны были предупредить насъ объ арестѣ или несчастіи съ нашими уполномоченными, чтобы своевременно мы могли оказать имъ помощь. Они должны были предъявить властямъ слѣдующія требованія: ***)

*) Фамилія эта вымышлена по конспиративнымъ соображеніямъ

**) „Отбой“—сигналъ къ прекращенію стрѣльбы.

***) Въ число требованій не вошло освобожденіе трехъ нашихъ матросовъ, арестованныхъ послѣ похоронъ Вакулячука, такъ какъ мы объ этомъ фактѣ достоверно узнали только на слѣдующій день. Да и товарищи, ходившіе на похороны, вернулись на судно послѣ отправки нашихъ депутатовъ къ командующему войсками.

1. Безпрепятственная закупка нами всего необходимого.

2. Полная неприкосновенность матросовъ на берегу.

3. Прекращеніе звѣрствъ въ городѣ со стороны полиціи и казаковъ.

4. Выводъ всѣхъ войскъ изъ города и передача его во власть населенія и какъ гарантія этого, — свободное вооруженіе народа изъ городскихъ арсеналовъ.

Депутатія наша отправилась довольно поздно и предѣльный срокъ для ея возвращенія былъ назначенъ къ одиннадцати часамъ ночи.

* * *

Въ городѣ въ это время царили необычайное смятеніе и растерянность. Въ скверѣ, на Преображенской улицѣ и площади стояла масса войскъ — казаковъ и пѣхоты.

Ржали лошади, дымились походныя кухни и въ ротныхъ палаткахъ-канцеляріяхъ шелкала машина ремингтонъ. Тутъ же стояли фургоны краснаго креста, палатки для солдатъ и офицеровъ. Полевой телефонъ то и дѣло звонилъ, получая и отдавая всевозможныя распоряженія и приказанія. Вообще, все носило здѣсь видъ военной, бивуачной жизни.

Вдругъ, оглушительно разорвался снарядъ недалеко отъ столпившихся войскъ. Переполохъ и суматоха поднялись невообразимые. Паническій ужасъ охватилъ всѣхъ. „Ребята, это „Потемкинъ“ стрѣляетъ по насъ. Онъ разобьетъ насъ всѣхъ“.

Послѣдовалъ второй ударъ.

„Опять палить—спасайтесь“, кричали солдаты и казаки, разбѣгаясь въ страхѣ, кто по сосѣднимъ дворамъ, кто просто въ ближайшіе переулки. Такой же страхъ охватилъ и остальные войска въ другихъ частяхъ города. Каждый думалъ, что стрѣляютъ по нимъ, не зная, куда укрыться и гдѣ искать спасенія отъ разгнѣваннаго „Потемкина“.

Начальство, буквально, потеряло голову, видя такое смятеніе солдатъ и, боясь потерять надъ ними власть, тоже безтолково металось изъ стороны въ сто-

рону. Многіе очевидцы говорятъ, что часть солдатъ готова была перейти на нашу сторону, если бы мы продолжали бомбардировку и терроризировали бы всѣхъ властей.

Да, конечно, мы не прекратили бы своей бомбардировки и открыли бы даже огонь изъ всѣхъ орудій, если бы только хоть одинъ человекъ пріѣхалъ съ берега и ободрилъ насъ въ самомъ началѣ такими свѣдѣніями.

И мы ждали, очень долго ждали извѣстій изъ города послѣ первыхъ нашихъ выстрѣловъ, но никто не ободрилъ насъ ни единымъ словомъ и увѣренность въ насъ угасала по мѣрѣ того, какъ мы безрезультатно смотрѣли на берегъ, стараясь угадать, что тамъ совершается.

Теперь, однако, поздно уже жалѣть объ этомъ и я перейду къ окончанію этой главы.

* * *

Часовъ въ 10 ночи наши депутаты вернулись на корабль. Командующій войсками ихъ не принялъ, а передалъ только черезъ своего помощника—генерала Протопопова, что онъ „не желаетъ входить ни въ какіе переговоры съ царскими бунтовщиками. Если же мы пустимъ еще одну—двѣ бомбы въ городъ, то Богъ и люди будутъ намъ судьей. — Я же могу вамъ предложить одно — добавилъ генераль Протопоповъ, — сдавайтесь и просите прощенія“.

Съ этимъ наши депутаты и вернулись на судно.

„Ну, завтра мы увидимъ, кто у кого будетъ просить прощенія“, замѣтили товарищи, и стали расходиться спать.

ГЛАВА V.

- I. Первые вѣсти объ эскадрѣ. — Приготовленія къ встрѣчѣ съ эскадрой и появленіе ея на горизонтѣ.
- II. Приготовленія эскадры къ походу на „Потемкина“. — „Потемкинъ“ передъ эскадрой. — Молчаливый бой. — Побѣда „Потемкина“ и взятіе „Георгія Побѣдосца“.

Душевные потрясенія, перенесенныя за эти дни и впечатлѣнія отъ бомбардировки города и безпокойство за дальнѣйшій успѣхъ предпринятаго дѣла долго не давали мнѣ и другимъ товарищамъ уснуть въ эту ночь. Многіе изъ преданныхъ дѣлу матросовъ не спали еще и потому, что не довѣряли добросовѣстности нѣкоторыхъ часовыхъ, вахтенныхъ и вообще ненадежныхъ лицъ изъ команды, находящихся на той или иной службѣ. Они почти всю ночь ходили по судну и сами досматривали за всѣмъ.

Дѣйствительно, такой сложный и чувствительный механизмъ, какъ броненосецъ, требовалъ очень внимательнаго и бдительнаго отношенія къ себѣ. Существенное поврежденіе или порча въ одномъ какомънибудь мѣстѣ могла повлечь за собой разстройство во всѣхъ остальныхъ частяхъ и вредно отозваться на боевой способности всего судна.

Кромѣ того не трудно было уничтожить и все судно, взорвавъ пороховые погреба. За этой больной частью броненосца товарищи матросы особенно зорко слѣдили все время. У патронныхъ погребовъ стоялъ постоянно караулъ изъ самыхъ преданныхъ дѣлу людей. Припоминается мнѣ здѣсь одинъ случай съ „кондукторомъ“, фамилію котораго я не помню.

Онъ неосторожно какъ то обмолвился, шушукаясь съ другими кондукторами, о легкости взрыва пороховыхъ погребовъ. Случайно это подслушали матросы и болтливый кондукторъ немедленно же былъ арестованъ тов. Рѣзниченкой и Матюшенкой. Первое время ему грозили даже разстрѣломъ, но потомъ ограничились однимъ только арестомъ въ офицерской каютѣ. Изъ подъ ареста его выпустили дня черезъ два, но онъ опять скоро проболтался въ какихъ то замыслахъ и его снова заключили подъ арестъ. Приходилось также очень зорко смотрѣть и за нѣкоторыми матросами, чтобы ночью они не вздумали дезертировать на берегъ. А склонности къ этому замѣчались, собственно говоря, у порядочной части команды.

Одни просто изъ страха передъ разыгрывающимися революціонными событіями, другіе-же изъ болѣе дальновидныхъ соображеній. „Въ семьѣ не безъ уroda“ говорить пословица. Такъ и на „Потемкинѣ“ не обошлось безъ печальныхъ исключеній. Еще на Тендрѣ, нѣкоторые изъ команды, по своей некультурности и алчности, воспользовались переполохомъ на суднѣ лишь въ своихъ личныхъ цѣляхъ. Въ то время какъ на „Ютѣ“ шла ожесточенная борьба лучшей части „потемкинцевъ“ со своими офицерами за власть надъ броненосцемъ, эти жалкіе малодушные люди спѣшили набить себѣ карманы офицерскими вещами и деньгами. Они бѣгали изъ каюты въ каюту и, пользуясь общей сумятицей, спѣшили разбить сундуки и чемоданы и захватить изъ нихъ все самое цѣнное. Вотъ эта-то часть матросовъ и смотрѣла теперь по ночамъ на берегъ, какъ пойманный волкъ смотритъ въ лѣсъ. Имъ страшно хотѣлось убить двухъ зайцевъ—получить отъ начальства благодарность за то, что они ушли отъ „бунтовщиковъ“ и сохранить при этомъ еще и имущество, награбленное чуть ли не у того же начальства. Большинство такихъ лицъ входило и въ ряды оппозиціи всѣмъ нашимъ революціоннымъ предпріятіямъ, такъ какъ для нихъ совсѣмъ было не желательно погибать въ бою со всѣми прибрѣтенными богатствами. Но они тѣмъ отличались отъ темной малосознательной части

команды, что всегда облакали свою оппозицію въ форму какихъ-либо „гуманных“ или „разсчетливыхъ“ соображеній.

Если мы, напримѣръ, намѣревались бомбардировать городъ, то они слезливо говорили, что „зачѣмъ же проливать братскую кровь, вѣдь всѣ люди братья“. „Къ чему же зря тратить снаряды—они намъ пригодятся еще въ будущемъ“ и т. п.

Видя во всѣхъ событіяхъ только удобный случай „поживиться“ для себя, они видѣли въ поступкахъ и другихъ только свойственныя имъ самимъ стремленія. Такъ, они усиленно распространяли среди новобранцевъ подозрѣніе, что тов. Матющенко, Дымченко, Рѣзниченко и др. затѣяли всю эту „исторію только для того, чтобы ограбить судовую кассу и тайкомъ бѣжать куда либо за границу.

Все это, вмѣстѣ съ „патріотической агитаціей“ кондукторовъ, создавало среди команды тяжелую атмосферу скрытаго взаимнаго недоверія и подозрѣнія.

На всякаго рода контроль и наблюденіе лучшей частью команды тратилось много времени и энергіи, много тратилось ея и на противодѣйствіе всевозможнымъ слухамъ и грязнымъ обвиненіямъ, распространяемымъ изобрѣтательной „оппозиціей“.

Положительное дѣло, конечно, не могло не страдать отъ всего этого.

Я эту ночь, какъ и предшествующія, тоже не могъ уснуть почти ни одного часа. Хотя я физически и былъ страшно переутомленъ, но мысль неутомимо работала и давила на мозгъ. Масса всякихъ плановъ, предположеній и опасеній проиграть столь великое дѣло изъ-за какой нибудь оплошности тѣснились въ разгоряченной головѣ и не давали ни на минуту покоя. При этомъ сильно болѣло горло отъ полнѣйшаго катарра и ломило виски. За все это время приходилось такъ много почти непрерывно говорить, то передъ всей командой, то въ засѣданіяхъ „комитета“, то убѣждать отдѣльныхъ матросовъ, что горло у меня опухло и больно было даже открывать ротъ. Тов. Фельдманъ тоже при разговорѣ держался рукой за горло отъ

боли и хрипоты. Матющенко же, еще съ перваго дня перекричалъ голосъ и говорилъ теперь почти шопотомъ.

Мучимый безсонницей, я ходилъ всю ночь по кораблю, то поднимаясь на мостикъ, то вновь спускаясь въ „каютъ-компанію“. Нѣсколько разъ я ложился на диванъ и пытался хоть скольконибудь заснуть, но сонъ не приходилъ, хотя глаза и смыкались. Въ „каютъ-компанію“ на диванахъ спали обыкновенно кромѣ меня еще тов. Коваленко, инженеръ Калюжный, прапорщикъ Алексѣевъ, тов. Фельдманъ, а иногда и тов. Матющенко. Всѣ, конечно, спали одѣтыми, чтобы быть готовѣ каждую минуту. Матросы тоже ложились спать не раздѣваясь. Сегодня-же особенно были предприняты всевозможныя предосторожности на случай ночной атаки со стороны эскадры.

Пушки были всѣ заряжены и каждый комендоръ спалъ около своего орудія. Пять минныхъ аппаратовъ тоже зарядили и минная команда расположилась спать около своихъ постовъ. Вообще, каждый легъ на ночь туда, гдѣ онъ долженъ былъ стоять въ случаѣ боевой тревоги.

Совсѣмъ уже на разсвѣтѣ я опять было прилегъ на диванъ отдохнуть, но вдругъ въ „каютъ-компанію“ вбѣгаетъ, запыхавшись, дежурный сигнальщикъ.

— „Телеграмму перехватили“, взволнованно заявилъ онъ.

— „Какую телеграмму?“—вскочилъ я съ дивана.

— „Эскадра близка“...

Я быстро побѣжалъ на мостикъ къ телеграфисту. Дѣйствительно, нашъ беспроволочный телеграфъ былъ открытъ и перехватилъ слѣдующую депешу:

„Почему не отвѣчаете“...

Дальше ничего невозможно было разобрать. Наши телеграфисты собрались и стали обсуждать, кому могла бы принадлежать эта телеграмма. Судя по длинѣ гальваническихъ штриховъ, они приписывали ее то „Синопу“, то „Ростиславу“.

Желая получить еще какія нибудь свѣдѣнія, мы на удачу стали телеграфировать: „Гдѣ остальная эскадра“...

думая ввести неопредѣленностью вопроса въ обманъ переговорщиковъ.

Но вотъ нашъ аппаратъ опять нервно задрожалъ: Читаемъ слѣдующее: „Почему не отвѣчаете.. Корабль „Князь Потемкинъ“ стоитъ на внѣшнемъ рейдѣ Одессы. „Три Святителя“. „Двѣнадцать Апостоламъ“. (Т. е. это значитъ, что телеграмма была послана съ броненосца „Три Святителя“ на броненосецъ „Двѣнадцать Апостоловъ“).

Для насъ было ясно, что севастопольская эскадра находится гдѣ то неподалеку,—такъ какъ беспроводочный телеграфъ дѣйствуетъ только на извѣстномъ разстояніи,—и слѣдить за „Потемкинымъ“. Посовѣтовавшись между собою, мы рѣшили пока команду не будить, а дать ей лучше подкрѣпиться для наступающаго дня.

* * *

Въ 5 часовъ утра на „Потемкинѣ“ всѣ уже поднялись. Извѣстіе о перехваченной телеграммѣ облетѣло всю команду, и близость эскадры обсуждалась оживленно всѣми матросами. Въ батарейной палубѣ, въ нижнихъ трюмахъ и наверху—всюду видны были группы матросовъ, разговаривающихъ другъ съ другомъ объ эскадрѣ и ея намѣреніяхъ. Одни говорили громко и во всеуслышаніе, другіе, напротивъ, шептались только между собой и замолкали совершенно при проходѣ кого либо посторонняго.

Судовой „Комитетъ“ тоже былъ на ногахъ и совѣщался на счетъ плана своихъ дѣйствій. Вниманіе теперь сосредоточилось на эскадрѣ и Одесса была на время забыта.

Надвигался моментъ, который долженъ рѣшить все. Самое важное для насъ было узнать, въ какомъ составѣ двигается на насъ эскадра и что она думаетъ предпринимать. Для этой цѣли я предложилъ зафрахтовать силою въ порту какой нибудь частный корабль и на немъ поѣхать на развѣдки. Предложеніе это было принято и тов. Дымченко съ нѣсколькими матроса-

ми отправились сейчас-же навстрѣчу эскадрѣ, захвативъ въ гавани небольшой коммерческой пароходъ.

„Много ли у насъ, господа, угля, воды, боевыхъ снарядовъ и пр.“, спросилъ кто то изъ присутствующихъ.

Для составленія точныхъ свѣдѣній о боевой готовности броненосца, мы избрали „комиссію“ изъ нѣсколькихъ специалистовъ разныхъ специальностей и она пошла производить ревизію судна. Возвратившись вскорѣ обратно въ „комитетъ“, товарищи представили самый подробный списокъ всѣхъ запасовъ, имѣющихся на броненосцѣ. Списокъ этотъ хранился у меня, но впоследствии, онъ былъ утерянъ и я по памяти приведу здѣсь нѣкоторыя цифры. Угля оказалось около 30.000 пудовъ, снарядовъ до 2.000 (полный запасъ 70.000). Прѣсной воды, хлѣба, муки было достаточно на нѣсколько дней плаванія. Очень мало оказалось углей для боевыхъ фонарей. Ихъ было необходимо попытаться купить сейчасъ же въ городѣ.

На случай же сраженія рѣшили „Вѣху“ обратить въ плавучій госпиталь и поставить ее внѣ выстрѣловъ.

Особенное оживленіе и споры вызвалъ вопросъ—стрѣлять ли намъ первымъ по эскадрѣ. Тов. Фельдманъ настаивалъ на томъ, чтобы эскадру остановить на горизонтѣ и не подпускать близко. Если же она откажется стать на якорь, то открыть по ней огонь.

Матросы же, напротивъ, единодушно стояли за то, чтобы ни въ коемъ случаѣ первыми не стрѣлять.

— „Мы глубоко увѣрены, что въ насъ никто изъ матросовъ не станетъ стрѣлять“—говорили они. Если же мы начнемъ первыми, то тогда, изъ страха за свою жизнь, нѣкоторые комендоры начнутъ намъ отвѣчать и вся эскадра подхватитъ это. Лучше пусть будетъ первый выстрѣлъ отъ нихъ, а тогда уже „Потемкинъ“ сумеетъ постоять за себя“...

„Эскадра видна... эскадра идетъ“... пронеслось въ это время по всему судну. Со всѣхъ ногъ мы пустились навверхъ, перегоняя на ступенькахъ лѣстницы другъ друга.

„Развести пары“, прокричалъ въ рупоръ боцманъ Мурзакъ.

отъ меня это впервые. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ пріостанавливался даже свертывать порошки, чтобы внимательнѣе слушать.

„Да, дѣло хорошее, очень даже хорошее и, главное, правое. За него можно пойти и въ бой, не жалѣя своей жизни. Теперь я понимаю все. Очень вамъ благодаренъ“, говорилъ онъ, передавая мнѣ порошки и пожимая на прощаніе руку.

„Заходите еще когданибудь побесѣдовать“, крикнулъ онъ мнѣ въ догонку, когда я поднимался наверхъ. „Да и порошочковъ я вамъ еще приготовлю“, добавилъ онъ.

* * *

Наверху въ это время грузили уголь на нашъ миноносецъ и таскали ковриги хлѣба, картошку и прочіе запасы.

„Вѣха“ уже готова была и стояла за Пересыпью, далеко подъ крутымъ берегомъ, такъ что бѣлый флагъ на ней едва различался простымъ глазомъ.

Около десяти часовъ, на горизонтѣ вновь показались столбы густого дыма, а минутъ черезъ пять вышло на видъ около трехъ броненосцевъ и нѣсколько миноносцевъ.

Загремѣла „боевая тревога“, всѣ побросали работы и стали на свои мѣста. Якорь былъ поднятъ, пары готовы и „Потемкинъ“ полнымъ ходомъ двинулся впередъ. По блокамъ къ орудіямъ покатались снаряды, мигомъ зарядили пушки и воцарилась грозная тишина. Намъ шли навстрѣчу три броненосца: „Три Святителя“, (флагъ контръ-адмирала Вишневецкаго), „Двѣнадцать Апостоловъ“ и „Георгій Побѣдоносецъ“, одинъ минный крейсеръ „Казарскій“ и четыре контръ-миноносца.

На мачтѣ „Потемкина“ взвился сигналъ: „Стать на якорь или буду стрѣлять“. Эскадра замедлила ходъ и почти стала; замедлилъ ходъ и „Потемкинъ“. Въ эту минуту нашъ беспроволочный аппаратъ получилъ слѣдующую депешу:

„Черноморцы, мы удручены вашимъ поступкомъ. Безумцы, что вы хотите. Контръ-адмиралъ Вишневецкій“.

На это „Потемкинъ“ отвѣтилъ: „Пожаловать адмиралу къ намъ. Гарантируемъ безопасность“.

Эскадра вдругъ круто повернула обратно и полнымъ ходомъ исчезла за горизонтомъ.

Мы не могли понять, что это за маневръ и тоже пока повернули назадъ, ставъ на прежнее свое мѣсто. Команда наша ликовала. — „Струсилъ нашъ адмиралъ.—Побѣжалъ въ Севастополь прятаться за береговую артиллерию. Больше у него духу не хватитъ подойти къ намъ“.

Весело болтали наши матросы, видя такую перемену и нерѣшительность со стороны эскадры.

Дудка засвистѣла на обѣдъ и вся команда въ самомъ лучшемъ настроеніи духа принялась за щи, подкрѣпивъ себя предварительно чаркой водки.

* * *

Эскадра, однако, не думала оставлять насъ въ покоѣ и приготовлялась къ новому наступленію. Позднѣе мы узнали слѣдующее про всѣ приготовленія эскадры отъ одного товарища-матроса, бѣжавшаго за границу съ броненосца „Ростислава“:

„12 іюня, въ воскресенье, въ началѣ третьяго часа пополудни, „Потемкинъ“ снялся съ якоря и ушелъ на островъ Тендеръ, а 13 іюня практическая эскадра черноморскаго флота, подъ командой старшаго флагмана вице-адмирала Кригера, начала компанію. 21 іюня эскадра должна была идти къ острову Тендеръ на присоединеніе къ „Потемкину“ для совмѣстныхъ практическихъ занятій. 15 іюня вдругъ, неожиданно для всѣхъ, съ флагманскаго броненосца „Ростиславъ“ былъ поднятъ сигналъ: „адмиралъ проситъ всѣхъ командировъ къ себѣ“ и другой—„броненосцамъ: „Три Святителя“, „12 Апостоловъ“, „Георгію Побѣдоносцу“ и „Екатеринѣ II“ развести пары и приготовиться къ походу“. Мы, матросы, были очень удивлены этимъ, такъ какъ

всѣ знали, что на Гендеръ пойдемъ 21. Нѣкоторые стали предполагать, что съ „Потемкинымъ“ случилось что-нибудь неладное, другіе стали возражать: это, молъ просто практика, не больше. Словомъ, на бакѣ, разбившись на нѣсколько группъ, команда стала комментировать этотъ походъ на разные лады.

Тѣмъ временемъ съѣхались командиры. Совѣщаніе ихъ длилось часа два, что они говорили, не знаю. Но послѣ совѣщанія послѣдовалъ другой сигналъ: „Екатеринѣ оставить готовиться къ походу“. И вотъ почему, какъ мы послѣ узнали отъ „екатерининскихъ“ товарищей: наканунѣ этого дня, т. е. 14-го вечеромъ, команда броненосца „Екатерина II“, пропѣвъ съ грѣхомъ пополамъ молитвы „отче нашъ“ и „богородицу“, совершенно отказалась пѣть „спаси господи“ и, когда челобѣкъ 5—7 пѣвчихъ все почти тянули эту молитву, остальные стали шикать и свистать; къ вышедшему командиру капитана I-го ранга Дриженко команда предъявила чисто экономическаго характера требованія, онъ смѣшался и поспѣшилъ уйти въ каюту. Вотъ по этой-то причинѣ и не пошла „Екатерина“ съ эскадрой. Въ 11 часовъ ночи снялась эскадра подъ командой младшаго флагмана Вишневецкаго въ составѣ 3 броненосцевъ: „Три Святителя“, „Георгій Побѣдоносецъ“, „12 Апостоловъ“, миннаго крейсера „Казарскій“ и 4 миноносцевъ. На другой день, т. е. 16-го іюня, около 11 часовъ утра, былъ поднятъ другой сигналъ: „Ростиславу“ и „Синопу“ развести пары и приготовиться къ походу“. Стали готовиться. Приняли на 3 дня провизіи и въ началѣ 7 часа вечера снялись. Все это время офицеры были страшно встревожены, ходили, повѣсивъ носы, и о чемъ-то шушукались. Болѣе сознательные матросы, которыхъ было очень мало на „Ростиславѣ“, всего 10 чел., догадались, что мы идемъ на „Потемкина“, и стали просто открыто агитировать, на чемъ нѣкоторые провалились, въ томъ числѣ и я, но мнѣ удалось послѣ бѣжать. Агитація плохо шла; большинство не вѣрило, что „Потемкинъ“ перешелъ на сторону народа, но, въ концѣ концовъ, намъ удалось многихъ изъ команды убѣдить въ этомъ, и они говорили

такъ: „если правда, что мы идемъ на „Потемкина“, то стрѣлять въ него мы всеравно не будемъ, тамъ наши братья“. Въ началѣ 10-го часа утра, 17 июня, мы подошли къ острову Тендеръ съ цѣлью присоединиться къ ушедшей заранѣ эскадрѣ, но ее тамъ не оказалось; только на горизонтѣ, по направленію къ Одессѣ, виднѣлось нѣсколько дымковъ; то была наша эскадра. Мы пошли къ ней, часовъ въ 11 соединились. Командиры всѣхъ судовъ съѣхались на совѣщаніе на флагманское судно „Ростиславъ“; отъ гребцовъ, которые пріѣхали съ командирами, мы узнали, что „Князь Потемкинъ“ стоитъ въ Одессѣ, и, когда они стали подходить къ Одессѣ, съ „Потемкина“ подняли сигналы, „Сдавайся или будемъ стрѣлять.“ Они поспѣшили уйти отъ него.

Совѣщаніе командировъ длилось не больше получаса. Потомъ эскадра выстроилась въ боевой порядокъ и, взявъ курсъ на Одессу, пошла 10 узловымъ ходомъ. Въ началѣ 12 часовъ пополудни показался берегъ и дымки изъ трубы „Кн. Потемкина“.

* * *

На „Потемкинѣ“ вся команда была на обѣдѣ. Многіе матросы расположились наверху, подъ открытымъ небомъ и, сидя группами по шесть, по семь человѣкъ вокругъ баковъ, аппетитно ѣли кашу.

Гов. Дымченко вернулся со своихъ развѣдокъ и рассказывалъ теперь командѣ объ эскадрѣ. Онъ ее видѣлъ около Тендера, стоящую подъ парами и готовящуюся, очевидно, къ походу.

„Смотри, ребята, корабль какой-то идетъ къ намъ“, сказалъ одинъ изъ матросовъ, сидящихъ на бакѣ за обѣдомъ. Всѣ обернулись. Дѣйствительно, съ горизонта быстро приближалось къ намъ громадное торговое судно.

„Остановить его надо. Нельзя подпускать близко; можетъ быть это отъ эскадры и послано разбрасывать мины“ заговорили матросы.

Нѣкоторые изъ насъ быстро побѣжали на командирскій мостикъ и велѣли дать сигналъ пароходу, чтобы онъ остановился.

Пароходъ, однако, нашихъ сигналовъ не понялъ и прошелъ полнымъ ходомъ въ гавань.

Я, тов. Шестидесятый и еще нѣсколько вооруженныхъ матросовъ сѣли сейчасъ же въ катеръ и поѣхали, чтобы осмотрѣть вновь прибывшее судно и разпросить капитана, не идетъ ли уже эскадра опять къ намъ.

Да и вообще, мы рѣшили теперь осматривать каждый, даже коммерческій, корабль и приучить ихъ относиться къ намъ, какъ къ главнымъ властямъ порта.

Съ собой мы взяли еще тов. Александра и матроса Шарапова. Оба они переодѣлись въ цивильное платье, такъ какъ должны были пойти въ городъ и постараться купить тамъ углей для нашихъ боевыхъ рефлекторовъ.

Сначала мы подѣхали къ небольшому турецкому судну и попросили его незамѣтно отвести на берегъ нашихъ товарищей въ качествѣ якобы своихъ матросовъ. Турки на это охотно согласились и мы высадили къ нимъ въ шлюпку тов. Александра и Шарапова. Сами же мы отправились на вновь прибывшее судно. Судно это оказалось англійскимъ и шло съ углемъ изъ Константинополя. Мы съ большимъ трудомъ могли добиться нужныхъ намъ свѣдѣнй, такъ какъ по русски на кораблѣ никто не говорилъ ни одного слова и я объяснялся кое-какъ по нѣмецки съ кочегаромъ корабля. Мы еще не окончили нашихъ разговоровъ, какъ изъ катера тов. закричали—„эскадра идетъ. Садитесь скорѣй“. Мы стремглавъ бросились въ катеръ и помчались къ своему броненосцу.

„Потемкинъ“ уже снялся съ якоря и на немъ не было видно снаружи ни одной души. Очевидно, онъ поджидалъ только насъ. Эскадра же быстро приближалась. „Давай самый полный! Не жалѣй искру“, торопили матросы нашего кочегара. У всѣхъ замирало сердце при мысли, что мы не успѣемъ дойти до своего судна.

„Потемкинъ“ видимо тронулся впередъ. „Давай еще ходу. Пусть лопаются паровикъ“, волновались матросы. Катеръ понесся какъ стрѣла и мы у своего борта. Моментально насъ вздернули наверхъ и мы съ криками радости вбѣжали на свой броненосецъ.

Я пробѣжалъ прямо на командирскій мостикъ. Здѣсь была самая оживленная сигнализациа съ приближающейся эскадрой.

Еще съ горизонта, отъ нея была получена такая телеграмма: „Золотые Черноморцы. Что вы дѣлаете. Безумцы—покайтесь“. „Потемкинъ“ отвѣтилъ: „Требуемъ къ себѣ адмирала“.

Вторая телеграмма, когда эскадра вышла уже изъ за горизонта: „Пришлите вашихъ депутатовъ на флагм. судно „Три Святителя“ для переговоровъ“.

„Выборныхъ не пошлемъ; если хочешь, приходи на „Потемкина“ разговаривать“, отвѣтили мы. Дальше переговоры продолжались уже черезъ посредство сигнализации, такъ какъ эскадра была совсѣмъ близко.

На суднѣ у насъ была мертвая тишина. Всѣ орудія и минные аппараты были готовы пустить ко дну надвигающагося врага.

Команда съ трепетомъ ожидала развязки.

Нѣкоторые матросы снимали шапки, крестились и прощались другъ съ другомъ.

Не мало было и такихъ, которые отъ страху не знали куда дѣваться и, бросая свои посты, бѣжали изъ трюма въ трюмъ. Но внизу былъ тов. Коваленко, который въ эту минуту вполне былъ на своемъ посту, какъ офицеръ и какъ сознательный борецъ. Повелительнымъ спокойнымъ тономъ онъ удерживалъ всѣхъ растерявшихся трусовъ на своихъ мѣстахъ и восстанавливалъ всюду порядокъ и одушевление. Его распорядительность поднимала духъ у всей команды и вселяла бодрость. Его авторитетъ, какъ начальника, въ эту рѣшительную минуту оказалъ огромную услугу.

На палубѣ же, въ это время, распоряжались всѣмъ Матющенко и Звенигородскій. Они, то забѣгали въ боевую рубку и слѣдили, правильно ли ведутъ судно,

то выходили наверхъ и отдавали различныя приказанія. Судномъ же управляли въ это время свои товарищи рулевые, такъ какъ прапорщикъ Алексѣевъ отъ охватившаго его страха сидѣлъ безпомощно и не могъ издать ни одного звука.

На палубахъ вездѣ торопливо поливали изъ шланговъ водой, чтобы онѣ не могли загорѣться отъ упавшаго снаряда. Когда эскадра была уже совсѣмъ близко, на верхнюю палубу выбѣжалъ одинъ матросъ и, схвативши шлангъ, сталъ поливать имъ палубу и, махая рукавомъ туда и сюда, весело приговаривалъ: „Пушки направо. Пушки налѣво“. Это размѣшило всѣхъ и онъ съ хохотомъ убѣжалъ внизъ.

Я и тов. Фельдманъ въ это время стояли наверху и наблюдали величественную картину молчаливаго боя.

Въ боевой колоннѣ двигались на насъ полнымъ ходомъ пять броненосцевъ, минный крейсеръ и пять контръ-миноносцевъ.

„Потемкинъ“ стремительно шелъ имъ на встрѣчу. Пушки наши повертывались то направо, то налѣво, въ зависимости отъ положенія эскадры и готовы были каждую секунду дать залпъ. Напряженное состояніе чувствуется страшное. Стоить, кажется, только дернуть кому-нибудь за спускъ одного орудія, какъ всѣ остальные также загремятъ десятками снарядовъ. То и дѣло слышится по судну: „смотри не стрѣляй; погоди, пусть они выпалятъ сначала“ и пр.

Но вотъ мы врѣзались въ эскадру. Команда на судахъ, оказывается, вся наверху и нѣкоторые машутъ намъ шапками. Только на „Ростиславъ“ и „Трехъ Святителейъ“ зловѣще тихо и не видать матросовъ.

Не успѣлъ съ нами поровняться „Синопъ“, какъ оттуда раздалось оглушительное „ура“. Это какъ бы прорвало напряженную атмосферу и съ нашего судна загремѣло не менѣе дружное „ура“. Товарищъ Матющенко вскочилъ на бортъ и сталъ семафорить на „Синопъ“, чтобы они арестовали своихъ офицеровъ и присоединились къ намъ. Я стоялъ и держалъ Матющенко сзади, чтобы онъ не упалъ въ воду.

Съ „Синопа“ опять раздалось „ура“. Въ этотъ моментъ „ура“ подхватили и на другихъ судахъ, и воздухъ дрогнулъ отъ могучихъ криковъ изъ тысячи грудей.

На „Ростиславѣ“ команда тоже побросала свои посты и принялась дружно кричать намъ. Наша команда выбѣжала навверхъ и поднялся невообразимый крикъ. Сотни шапокъ летѣли вверхъ и падали въ море. Среди судовъ поднялось страшное замѣшательство, когда эскадра уже миновала насъ и прошла къ Одессѣ.

„Назадъ въ Одессу“, зашумѣла команда и мы вновь повернулись къ гавани.

Эскадра тоже уже повернулась къ намъ навстрѣчу и вывѣсила сигналъ съ адмиральскаго судна: „Позвольте стать на якорь“. Мы же ему отвѣтили, видя сочувственное настроеніе къ намъ всѣхъ матросовъ: „Всѣмъ офицерамъ оставить броненосцы и съѣзжать на берегъ“.

Перетрусившій адмиралъ, боясь возстанія и на остальныхъ судахъ, пустилъ эскадру самымъ полнымъ ходомъ и направился въ открытое море, держа курсъ на Севастополь.

„Потемкинъ“, прорѣзавъ еще разъ строй эскадры, круто повернулся въ догонку за ней.

* * *

Что переживали въ этотъ моментъ матросы на другихъ судахъ и какое впечатлѣніе производила на нихъ вся эта картина поединка съ „Потемкинымъ“ можно судить по слѣдующему описанію одного изъ команды „Ростислава“.

„Въ началѣ 1-го часа мы простымъ глазомъ видѣли всѣ предметы на „Потемкинѣ“. У насъ пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее съ верхней палубы. Подали снаряды къ пушкамъ. Все это дѣлалось командой нехотя, медленно. Сознательные матросы вели просто открытую агитацію. Говорилось нѣсколько рѣчей почти на глазахъ у офицеровъ и

шпіонувъ, которыхъ въ изобиліи во флотѣ. Большинство команды всей душой сочувствовало потемкинскимъ товарищамъ. На флагманскомъ суднѣ „Ростиславъ“ подняли сигналъ: „Потемкину стать на якорь“, съ „Потемкина“ отвѣтили: „Ростиславу“ и „Тремъ Святителямъ“ „застопорить машины“, такъ какъ эти два броненосца больше другихъ ушли впередъ. Съ „Ростислава“ опять подняли сигналъ: „Потемкину“ „стать на якорь“, оттуда отвѣтили: „Ростиславу“ и „Тремъ Святителямъ“ застопорить машины, иначе стрѣлять буду“. Послѣ такой аргументаціи „Ростиславъ“ и „Три Святителя“ застопорили машины, а за ними застопорила машины и вся эскадра. И вотъ тутъ я ужъ не въ состояніи описать того, что я видѣлъ. Такія величественныя картины видятся только разъ въ жизни. „Потемкинъ“, мощный, грозный, громадный и сильный, полнымъ ходомъ идетъ противъ эскадры въ 5 броненосцевъ! Это было величественное зрѣлище, достойное кисти самага знаменитѣйшаго художника въ мірѣ. Пушки „Потемкина“ направлены на насъ, онъ цѣлился ими въ насъ. Вотъ, на немъ взвился сигналъ. Разбираемъ. „Команда „Потемкина“ требуетъ къ себѣ старшаго флагмана“. Флагманъ не отвѣчаетъ. Вотъ онъ уже близко, вотъ ужъ идетъ между „Ростиславомъ“ и „Тремя Святителями“. Ужась, восторгъ смѣшались вмѣстѣ и, схватившись за стойку, я оцѣпенѣлъ отъ этихъ ощущений. На „Ростиславѣ“ все затихло, замерло, притаилось и томительно ждетъ чего то страшнаго, таинственнаго. А „Потемкинъ“ гордо, смѣло, величественно идетъ между нами, не спуская пушекъ съ намѣченной цѣли. Вотъ, онъ сталъ направлять свою большую 12 дюймовую пушку на мостикъ, гдѣ куча офицеровъ, онѣмѣвъ отъ ужаса, стоитъ, не шелохнувшись; увидавъ же, что въ нихъ цѣлятся, они, какъ стадо скотовъ, шарахнулись, кто куда попалъ, а одинъ изъ нихъ, нѣкто мичманъ Высоковъ, схватившись за ногу, съ крикомъ: „ой, нога, нога!“, убѣжалъ.

А на „Потемкинѣ“ ни души не видать, какъ будто это волшебное заколдованное судно, какъ будто это

призракъ! Однѣ лишь пушки ворочаются, не спуская намѣченной цѣли и пусть бы кто выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, вмгъ бы посыпалось въ него 70 снарядовъ и шесть минъ и вмгъ бы тотъ корабль пошелъ ко дну. Да, это было просто что то такое фантастическое, невѣроятное. Казалось, что это сонъ, а не дѣйствительность. Вотъ „Потемкинъ“ сталъ проходить мимо насъ; на немъ на верхнюю палубу выбѣжалъ матросикъ, взялъ шлангъ, полилъ палубу, снялъ фуражку, помоталъ ею намъ и скрылся. И опять на „Потемкинѣ“ ни души. Вотъ „Потемкинъ“, обогнувъ корму „Три Святителя“, пошелъ между броненосцами „Георгій Побѣдоносецъ“ и „Синопъ“; тамъ его встрѣтили крикомъ „ура!“ Пройдя ихъ, онъ направился къ Одессѣ. Эскадра наша хотѣла идти за нимъ, но вдругъ стали замѣчать, что съ „Георгіемъ“ творится что то неладное; онъ вышелъ изъ строя и малымъ заднимъ ходомъ идетъ къ „Потемкину“. Съ „Ростислава“ подняли сигналъ: „Почему „Георгій“ не по боевому?“ Оттуда отвѣчаютъ: „Команда „Георгія“ желаетъ свезти офицеровъ на берегъ и присоединиться къ „Потемкину“. Съ „Ростислава“ опять сигналъ: „Употребите всѣ силы и слѣдуйте за эскадрой“. Оттуда отвѣчаютъ: „Не могу, не могу, не могу!“ Вотъ и на „Синопѣ“ стало замѣчаться какое то колебаніе: то онъ выйдетъ изъ строя, то опять съ нимъ. Видя это, старшій флагманъ отдаетъ приказаніе полнымъ ходомъ идти въ Севастополь. Послѣ мнѣ удалось узнать, что на „Синопѣ“ образовались двѣ партіи—желающихъ и не желающихъ присоединиться къ „Потемкину“. Побѣдила партія не желающихъ, и потому „Синопъ“ пришелъ вмѣстѣ съ остальной эскадрой въ Севастополь. „Георгій“ же остался вмѣстѣ съ „Потемкинымъ“.

Отъ удалившейся эскадры сталъ вдругъ отставать одинъ изъ броненосцевъ. Мы стоимъ на мостикѣ и съ биноклями въ рукахъ смотримъ напряженно, думая, что это какой-нибудь хитрый маневръ противъ насъ. Но вотъ броненосецъ вышелъ совсѣмъ изъ строя, повернулся и пошелъ прямо къ намъ. Сигнальщикъ въ подзорную трубу разобралъ надпись, и это оказался

„Георгій Побѣдоносець“. Не желая подпускать его близко къ себѣ, мы дали ему сигналъ: „Застопорить машину и стать на якорь“.

Онъ остановился и сталъ намъ семафорить: „Команда „Георгія Побѣдоносца“ просить къ себѣ на судно прѣхать товарищей съ „Потемкина“.

Не зная еще истинныхъ намѣреній „Побѣдоносца“ мы отвѣтили ему тоже по семафору „арестуйте офицеровъ и пошлите депутатовъ къ намъ“.

Оттуда, на это требованіе, сигнальщикъ, путаясь и очевидно, страшно волнуясь, передалъ опять: „у насъ дѣло плохо. Не всѣ согласны. Мы не можемъ справиться. Присылайте скорѣй помощь“.

Тов. Матюшенко, Куликъ, Дымченко, я и много другихъ матросовъ, вооружившись винтовками и револьверами, прыгнули сейчасъ же на свою миноноску и отправились къ „Георгію Побѣдоносцу“.

Команда на немъ толпилась наверху и, замѣтивъ насъ еще издали, махала намъ сотнями шапокъ. Когда же мы приблизились къ правому борту, то съ корабля загремѣло одушевленное „ура“. Наши матросы тоже выскочили всѣ наверхъ и стали отвѣчать не менѣ дружно на это привѣтствіе, махая въ свою очередь съ миноносца фуражками. Обогнувъ носъ, мы подѣхали къ лѣвому борту „Побѣдоносца“.

— „Въ чемъ дѣло, братцы, у васъ?“ — обратился тов. Дымченко.

— „Мы хотимъ къ вамъ присоединиться.—Мы хотимъ быть вмѣстѣ съ вами, но у насъ не вся команда согласна. Идите къ намъ. Дайте намъ скорѣй помощи, кричали наперерывъ сотни матросовъ, подбѣжавъ къ борту.

Многіе изъ нашихъ узнали среди команды броненосца своихъ старыхъ земляковъ и стали оживленно перекрикиваться съ ними.

Тов. Матюшенко сейчасъ-же взобрался по борту, какъ кошка, наверхъ и, вскочивъ тамъ на какую то возвышенность, сталъ горячо убѣждать матросовъ „Побѣдоносца“ дружно стать за правое дѣло, начатое „Потемкинымъ“.

Мы же немного отплыли къ кормѣ и поставили миноносецъ перпендикулярно къ кораблю, угрожающе направивъ носовой аппаратъ, хотя онъ у насъ и не былъ открытъ.

Съ броненосца, изъ всѣхъ амбразуръ и нижнихъ кубриковъ выглядывали головы матросовъ, пугливо посматривая на насъ. Очевидно, далеко не вся команда была наверху и пряталась въ страхъ въ люкахъ и палубахъ судна.

Тов. Матюшенко, окруженный плотной толпой матросовъ, произносилъ рѣчь на бакѣ.

Въ это время старшій врачъ появился на кормѣ, намѣреваясь, очевидно, тоже произнести рѣчь, но не къ своей командѣ, а къ намъ.

Чтобы мы лучше могли его слышать, онъ перегнулся почти совсѣмъ за бортъ и его непокрытая голова заблестѣла на солнцѣ громадной „ученой“ лысиной.

— „Послушай, чего ты хочешь?“—обратился онъ, высывая за перила свою жирную, упитанную фигуру.

— „Я Вамъ не деньщикъ и не „ты“ и вы не забывайте. Невѣжа“—обрѣзалъ съ кормы миноносца тов. Куликъ неудачное вступленіе оратора.

„Послушайте, братцы,—перемѣнилъ тонъ докторъ.

— „Ну, братцы, теперь мы вамъ тоже плохіе“, перебили опять смѣясь матросы.

„Послушайте меня“, не унимался, однако, ораторъ.

„И было на свѣтѣ тѣло“—началь онъ слащавымъ голосомъ какую-то повѣсть.

„И были у этого тѣла голова, руки; были ноги и желудокъ... Тѣло жило и процвѣтало. Но вдругъ руки сказали—мы не хотимъ работать для головы, а ноги—мы не хотимъ носить больше тѣла. И желудокъ пересталъ работать, голова не стала думать и все тѣло стало погибать, руки сохнуть...“

„Такъ-же вотъ и въ государствѣ. Оно есть цѣлое тѣло“...

— Ха, ха, ха!—„Ребята, это онъ изъ хрестоматіи для глупыхъ дѣтей побасенку рассказываетъ“, крикнулъ кто то изъ нашихъ матросовъ и всѣ покатались со смѣху, заглушая краснорѣчиваго проповѣдника.

— „А ты, перестань болтать всякій вздоръ. Смотри лучше, чтобы твое собственное „тѣло“ за бортъ не улетѣло“ съострилъ тов. Куликъ, погрозивъ пальцемъ наставительному доктору. И команда залилась еще громче гомерическимъ хохотомъ.

Краснобай-же докторъ, обезкураженный своей неудачей, сконфузился, махнулъ рукой и безнадежно поплелся въ батарейную палубу.

Скоро его тучная фигура и лысая голова съ золотыми очками появилась на командирскомъ мостикѣ. Здѣсь собрались вокругъ командира Гузовича всѣ до одного офицеры и съ трепетомъ наблюдали, какъ ихъ судьбу внизу рѣшали матросы.

На „бакѣ“ опять грянуло „ура“, раздались крики:— „Да здравствуетъ свобода“. „Къ „Потемкину“...—и мы подѣхали къ трапу.

„Кириллъ, Куликъ. Идите вы. Я уже больше не могу, у меня голосу нѣтъ“ прохрипѣлъ Матюшенко, спускаясь къ намъ.

Мы взбѣжали на „Георгія Побѣдоносца“ и тов. Куликъ взлѣзъ на трибуну.

Понятно и съ увлеченіемъ онъ сталъ рассказывать обступившимъ его матросамъ о новыхъ порядкахъ, введенныхъ нами на „Потемкинѣ“.

Горячо говорилъ о томъ, что всякій имѣеть у насъ теперь голосъ во всемъ и никто не можетъ ни издѣваться надъ нимъ, ни бить его въ зубы, ни уворовывать послѣдніе гроши. Въ заключеніе онъ сказалъ, что мы „потемкинцы“ рѣшили добиться лучшей жизни не только для себя, но и для всего народа—для крестьянъ и для рабочихъ. „А для этого необходимо убрать все правительство, какъ мы убрали уже офицеровъ“... закончилъ онъ.

Во все время его рѣчи я стоялъ въ сторонѣ и наблюдалъ команду.

У той части, которая его окружала, лица горѣли одушевленіемъ и они съ возбужденіемъ слушали каждое его слово. Но другая часть команды, толпившаяся у входовъ въ батарейную палубу, стояла молча и растерянно посматривала на все происходящее вокругъ нея.

Тупо и пугливо выглядывали ихъ глаза изподлобья, выражая собою не то нерѣшительность и колебаніе, не то скрытую враждебность къ совершающемуся перевороту.

— „Не желаемъ къ „Потемкину“. Въ Севастополь идемъ“, то и дѣло раздавалось изъ ихъ среды.

Видя расколъ въ самой командѣ, я понялъ, что необходимо дѣйствовать стремительно и не давать ни одной минуты прійти въ себя „оппозиціи“.

Да и сознательные матросы сами понимали рѣшительность момента и торопили со всѣхъ сторонъ, подбѣгая ко мнѣ во время рѣчи Кулика.

— „Дѣйствуйте скорѣй. Дѣйствуйте, а то офицеры собьютъ команду“ говорили они.

Я передалъ на миноносецъ записку, чтобы съ „Потемкина“ послали вооруженный караулъ. Въ это время тов. Куликъ при дружныхъ и одушевленныхъ возгласахъ уже окончилъ свою рѣчь и я вскочилъ на трибуну.

Обратившись къ товарищамъ матросамъ, я заговорилъ о той беспощадной борьбѣ, которая, разливаясь отъ края до края, охватила въ настоящее время пожаромъ возстанія почти всю необъятную родину.

„Измученный, забитый и безправный трудящийся людъ не находитъ больше терпѣнія сносить свое вѣковое униженіе и безправіе. Онъ предпочитаетъ лучше выходить на улицы городовъ и деревень и умирать отъ руки своихъ же сыновей и братьевъ, переодѣтыхъ въ солдатскіе наряды и направляемыхъ на него деспотическими тиранами, истерзавшими своей кровожадностью всю нашу матушку Русь.

„Неужели же мы и дальше будемъ слѣпыми палачами самихъ себя, неужели мы никогда честной смертью не сможемъ проклятья, тяготѣющаго надъ нами, какъ братоубійцами?“

„Нѣтъ, мы, матросы „Потемкина“, рѣшили стряхнуть съ себя это тяжелое ярмо убійцы своего же народа. Мы открыто заявляемъ объ этомъ, и отнынѣ мы не только не прольемъ ни одной капли невинной крови нашихъ братьевъ, но и никому не позволимъ проливать ее безнаказанно“...

Взрывъ энтузіазма и буря восторженныхъ криковъ заглушили мой голосъ.

„Вы, гг. офицеры, продолжалъ я, послѣ минутнаго перерыва, обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, собравшимся въ волненіи, плотной кучкой, около рубки.

„Вы,—продажные слуги народныхъ тирановъ и слѣпое орудіе ихъ кровавыхъ замысловъ.

„Много невинной крови лежитъ на вашей зачерствѣлой совѣсти.

„Но теперь пришелъ часъ народнаго суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотическаго самодержавія въ качествѣ его наемныхъ холоповъ и сподвижниковъ. Но теперь на смѣну ему грозно и неумолимо надвигается новый порядокъ, порядокъ народной свободы и обновленія всей обветшалой родины. Этотъ часъ для насъ уже наступилъ и вамъ здѣсь теперь не мѣсто. Судно, выстроенное трудомъ и потомъ народнымъ, отнынѣ переходитъ въ его собственныя руки и послужитъ на благо и защиту его, а не на его порабощеніе и угнетеніе.

„Да здравствуетъ народное освобожденіе! Долой тирановъ!

„Именемъ народа всѣ вы немедленно арестуетесь и будете свезены на берегъ“.

Въ эту минуту раздался выстрѣлъ и трупъ вахтеннаго офицера Григоркова полетѣлъ на глазахъ у всей команды въ море съ самага верхняго мостика. Онъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, не желая быть арестованнымъ.

Чтобы сгладить минутное замѣшательство, происшедшее отъ этого инцидента среди матросовъ, я громко и повелительно отдалъ приказаніе: „караулъ въ ружье“.

Вмигъ человекъ 15 матросовъ бросились за ружьями и черезъ секунду выстроились около борта.

„Караульный начальникъ впередъ!“ скомандовалъ я. Но никто изъ рядовъ не вышелъ и всѣ только подталкивали другъ друга, боясь, видимо, взять на себя роль караульнаго начальника.

„Караулъ на право. Шагомъ маршъ“, скомандовалъ

я дальше и не желая терять ни минуты, повелъ наверхъ караулъ самъ.

На мостикѣ мы окружили офицеровъ и потребовали отъ нихъ слѣдовать за нами.

Блѣдные, съ понуренными головами и вытянутыми лицами, спустились они внизъ и подъ конвоемъ вошли въ каютъ-компанію.

Здѣсь я потребовалъ, чтобы они вынули, у кого есть, оружіе изъ кармановъ и положили на столъ.

Всѣ дали честное слово, что никто оружія при себѣ не имѣетъ. Но въ это время одинъ молодой офицеръ какъ-то нервно выдернулъ изъ кармана револьверъ. Не знаю, хотѣлъ ли онъ стрѣлять въ себя или въ меня, но тутъ подскочилъ съ ружьемъ близъ стоящій часовой и офицеръ съ размаху бросилъ револьверъ на столъ.

„Обыскать ихъ. Обыскать. Этой сволочи нельзя вѣрить на слово“, раздалось со всѣхъ сторонъ и нѣсколько человѣкъ изъ караула сами, безъ моего распоряженія, бросились къ командиру и другимъ офицерамъ и осмотрѣли у нихъ всѣ карманы. „Начальство“ смущенно подставляло только то тотъ, то другой карманъ. Видъ у многихъ былъ страшно жалкій, только командиръ Гузовичъ держалъ себя болѣе спокойно и не терялъ присутствія духа. Офицеры просили было позволенія сходить къ себѣ въ каюты, чтобы взять тамъ нѣкоторыя вещи, но имъ этого матросы не разрѣшили, заявивъ, что ихъ вещи всѣ будутъ высланы имъ въ Севастополь.

Съ „Потемкина“ прибылъ катеръ съ карауломъ и я вывелъ офицеровъ наверхъ. Передъ этимъ я спросилъ ихъ, не желаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ открыто стать на сторону народа и примкнуть къ нашей борьбѣ противъ правительства. Всѣ какъ-то стыдливо пряча глаза, промолчали на мой вопросъ; только одинъ командиръ громко замѣтилъ со вздохомъ: „Да, видно, пришли уже такія времена“.

У трапа принялъ офицеровъ нашъ караулъ. Они размѣстились по лавочкамъ катера между вооруженными матросами. На кормѣ сидѣлъ тов. Матющенко,

держа надъ головами плѣнниковъ заряженный револьверъ. Въ такомъ видѣ катеръ двинулся къ берегу.

Съ нихъ сняли погоны, ордена и кортики и по ихъ желанію высадили на берегъ, гдѣ то вдали отъ города. При высадкѣ они потерпѣли еще одно приключеніе. Карабкаясь по крутому склону берега, они были вдругъ встрѣчены прикладами и штыками береговыхъ солдатъ, которые, не видя на нихъ погонъ, приняли ихъ за весьма подозрительныхъ лицъ и взяли ихъ въ штыки. Офицеры кубаремъ скатились обратно и нѣкоторые попадали въ воду, такъ что нашему катеру пришлось ихъ снова вытаскивать на берегъ.

Съ удаленіемъ офицеровъ съ судна, „Георгій Побѣдоносецъ“ очутился въ нашихъ рукахъ.

Однако, мы допустили одну оплошность, которая въ послѣдствіи погубила все дѣло. Мы послушались увѣреній матросовъ, что кондуктора у нихъ люди хорошіе и не свезли ихъ на берегъ вмѣстѣ съ офицерами. Радость отъ первой побѣды была въ тотъ моментъ такъ велика, что никому изъ насъ мрачныя подозрѣнія не шли и на умъ и это преждевременное благодушіе позднѣе заставило насъ горько каяться въ своей ошибкѣ.

Послѣ всего этого пріѣхавшій тов. Фельдманъ, Куликъ и я принялись за организацію новыхъ порядковъ на завоеванномъ броненосцѣ. Подъ нашимъ руководствомъ здѣсь, какъ и у насъ, былъ избранъ „комитетъ“ изъ двадцати пяти—тридцати матросовъ, который и сталъ во главѣ управленія всѣмъ судномъ.

Командиромъ всей команды былъ назначенъ боцманъ Кузьминъ, а его помощникомъ фельдфебель Вороновъ. Мы не знали, кто изъ новой команды является нашимъ убѣжденнымъ сторонникомъ, а поэтому выборы довѣрили всецѣло матросамъ.

Окончивъ избраніе должностныхъ лицъ, мы велѣли „Георгію Побѣдоносцу“ сняться съ якоря и стать рядомъ съ „Потемкинымъ“.

Быстрота и увѣренность нашихъ дѣйствій производила самое хорошее впечатлѣніе на духъ и настроеніе всѣхъ матросовъ „Побѣдоносца“.—„Ловко они, чисто

обдѣлывали, — слышалось со всѣхъ сторонъ по нашему адресу.

Когда порядокъ былъ установленъ и я немного освободился, ко мнѣ стали подходить многіе матросы и доверчиво обращаться со всякими вопросами. Большинство изъ нихъ принадлежало, очевидно, къ малозначительной, не революціонной части команды и большими вопросами у нихъ были вопросы чисто житейскаго характера. „Какъ же теперь на счетъ жалованья будетъ“, спрашивали нѣкоторые. „Мы должны были вотъ скоро уже получить его и теперь не знаемъ, какъ будетъ“ говорили они. Другіе спрашивали — „можно ли имъ сейчасъ домой отправить деньжонки отцу или матери и пропустить ли въ городъ на почтѣ начальство такіа письма“. Третьи интересовались узнать, не пропадутъ ли у нихъ кое-какія сбереженія, находящіяся въ севастопольской сберегательной кассѣ. Такое обиліе денежныхъ вопросовъ со стороны одной части команды, въ то время какъ другая лучшая ея часть готовилась только лишь беззавѣтно умирать за великое народное дѣло, позабывая про всѣ житейскія соображенія, — меня крайне непріятно поражала.

Задавались вопросы и болѣе общаго характера. Спрашивали о присягѣ, о царѣ, о правительствѣ и пр. При этомъ нѣкоторые наивно заявляли, что правительство слѣдуетъ все непременно разстрѣлять, что же касается царя, то его нужно пощадить, такъ какъ онъ де, молъ, тутъ непрічемъ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ приходилось долго и обстоятельно толковать то съ группами, то съ отдѣльными матросами. Попадались изъ ихъ среды и болѣе свѣдушіе люди, которые сами тутъ же и давали правильныя объясненія по затрагиваемымъ вопросамъ своимъ менѣе сознательнымъ товарищамъ.

Кого я не могу безъ смѣха и отвращенія вспомнить, такъ это судового буфетчика, единственнаго „штатскаго“ человѣка на броненосцѣ.

Маленькій, плюгавый на видъ, онъ, какъ тѣнь, всюду бродилъ за мною первое время и слезливо просилъ,

чтобы я распорядился уплатить ему всѣ долги гг. офицеровъ и отпустилъ его съ миромъ на берегъ.

„Какъ вамъ не стыдно лѣзть съ офицерскими долгами и личными счетами въ такое время, когда рѣшается судьба народнаго дѣла и свобода всей Россіи“, замѣтилъ я ему, чтобы отвязаться.

„Я это знаю, я это чувствую и понимаю, повѣрьте моей совѣсти; я готовъ служить для васъ также, какъ для господъ офицеровъ; но все же какъ мнѣ быть теперь насчетъ должочка. Вѣдь я раззорюсь, у меня семейство“, жалобно и заискивающе пѣлъ онъ все время сзади меня, не давая ни минуты покою.

Разъ я даже вышелъ изъ себя и прикрикнулъ на него, чтобы онъ убирался къ чорту со своими офицерскими долгами.

— „Хорошо-съ, хорошо-съ. Я уйду“, залепеталъ онъ. Однако, черезъ пять минутъ, онъ снова стоялъ сзади меня и, вмѣшиваясь въ разговоръ съ матросами, слезливо канючилъ:

„Отпустите, господинъ, душу мою на покаяніе. Ослободите „должочекъ“. Я ваше дѣло очень даже понимаю и сочувствую, но у меня малыя дѣтки, жена, хозяйство“...

Матросамъ, очевидно, тоже надоѣла эта „холуйская“ канитель и они пригрозили швырнуть его въ море собирать тамъ долги съ „потемкинскихъ“ офицеровъ. Онъ навремя исчезъ, но своего желанія получить съ матросовъ уплату за офицерскіе кутежи, очевидно, не оставилъ, такъ какъ позднѣе я узналъ, что ему была уплочена довольно большая сумма изъ денегъ, конфискованныхъ на броненосцѣ.

Поздно вечеромъ, совершенно усталый отъ всѣхъ хлопотъ и новыхъ впечатлѣній того неизгладимаго дня, я отправился къ себѣ на „Потемкинъ“. Другіе же товарищи, въ томъ числѣ и Фельдманъ, остались на „Георгии Побѣдоносцѣ“ ночевать, чтобы присутствовать на первомъ засѣданіи новаго „комитета“.

Вернувшись къ себѣ на броненосецъ, я не узналъ своей команды. Она какъ бы переродилась подъ влияніемъ этой первой побѣды и ликованію ея не было

границь. Фактъ присоединенія къ намъ еще одного изъ броненосцевъ поднялъ духъ у всѣхъ матросовъ и спаялъ его какъ бы въ одно общее единомышле. Прежній трусъ сталъ теперь первымъ храбрцомъ и крикливо заявлялъ, разгуливая по всему судну:

„Теперь то уже мы не боимся никого и завтра же расшибемъ всю Одесту“.

„Оппозиція“ затихла и тоже поддалась вихрю торжествующаго настроенія всей команды.

Вообще, трудно даже передать тотъ психологическій, коллективный переворотъ въ настроеніи всѣхъ матросовъ, написанный на ихъ лицахъ, на ихъ жестахъ и движеніяхъ, который произошелъ въ этотъ, поистинѣ—историческій моментъ.

Отрадно было послушать, какъ какой-нибудь чужакой, молодой матросъ, прятавшійся раньше отъ страха лишь въ самомъ нижнемъ люкъ, теперь съ неподдѣльнымъ восторгомъ расписывалъ на „бакѣ“ собравшимся товарищамъ торжественную картину „взятія въ плѣнъ“ „Георгія Побѣдоносца“ и всѣхъ его офицеровъ. Особенно много говорилось въ эту ночь о томъ величественномъ зрѣлищѣ, когда „Георгій Побѣдоносецъ“, очутившійся въ нашей власти, подходилъ къ „Потемкину“ и отдавалъ ему честь, салютуя по морскому флагамъ, какъ главному адмиральскому судну.

Видя такое одушевленіе всей команды, мы пережили глубокія, неизгладимыя минуты. На душѣ становилось легко и кошмаръ постоянной боязни за неудачу дѣла смѣнился полной увѣренностью въ скорую побѣду надъ вѣковымъ врагомъ, апостоломъ тьмы и насилия.

Теперь у насъ была своего рода революціонная эскадра — два броненосца съ шестью двѣнадцати-дюймовыми орудіями, миноносецъ и „Вѣха“. При подобныхъ обстоятельствахъ, идея осуществленія политической свободы для всего юга Россіи и распространенія ея на всю Россію, казалась намъ вполне реальной въ тотъ моментъ, и мы жили уже своими чувствами въ новомъ, народившемся царствѣ свободы.

„Завтра мы идемъ на Одессу и забираемъ ее, устанавливаемъ свободное правленіе, присоединяемъ свободныя войска, организуемъ народную армію, движемся на Кіевъ, Харьковъ и другіе города, присоединяемъ по селамъ крестьянскія массы... А тамъ... идемъ на Кавказъ, по всему побережью Чернаго моря и вездѣ объявляемъ независимость и свободу отъ старыхъ рабскихъ цѣпей... Москва, С.-Петербургъ“... Эти мысли въ тотъ захватывающій моментъ не только мелькали въ нашихъ возбужденныхъ головахъ, но горячо высказывались и обсуждались нѣкоторыми изъ товарищей. Далеко за полночь шли оживленныя бесѣды среди нашей команды. Спать послѣ всего пережитаго и отъ всѣхъ этихъ радужныхъ перспективъ никому не хотѣлось.

Часовъ въ 11 ночи, съ моря мы увидѣли какую то сигнализацию огнями. Нашъ сигнальщикъ отвѣтилъ и получилъ, какъ оказывается, отъ адмирала Кригера предложеніе вступить въ переговоры. Отъ эскадры къ намъ на контръ-миноносцѣ отправлялись депутаты — какой то священникъ и офицеръ. Мы посовѣтовались и рѣшили переговоры принять, только съ условіемъ, чтобы контръ-миноносецъ ждалъ насъ на горизонтѣ, пока мы подѣдемъ на своемъ катерѣ. Контръ-миноносецъ скоро показался вдали и остановился. Тов. Матющенко, я и еще нѣсколько матросовъ сѣли въ катеръ и поѣхали навстрѣчу депутатамъ Кригера.

Мы хотѣли заставить посланныхъ отъ эскадры вести съ нами переговоры въ присутствіи всей команды контръ-миноносца, надѣясь, что она позднѣе съумѣетъ передать о нашихъ цѣляхъ и стремленіяхъ всѣмъ матросамъ другихъ судовъ.

Однако, лишь только мы стали приближаться къ контръ-миноносцу и онъ насъ замѣтилъ, какъ быстро, повернувшись къ морю, депутаты Кригера исчезли полнымъ ходомъ за горизонтомъ. Сколько мы ни гнались за ними и какъ тов. Матющенко ни старался махать бѣлымъ парламентарскимъ фонаремъ, — „переговорщики“ всетаки не остановились и исчезли изъ нашихъ глазъ.

Вернувшись къ себѣ на судно, мы со смѣхомъ рассказали матросамъ о неудачномъ выборѣ адмираломъ Кригеромъ своихъ столь доблестныхъ депутатовъ.

Несмотря на это, мы всетаки приняли всѣ мѣры предосторожности. Катера обоихъ броненосцевъ всю ночь охраняли насъ, а миноносецъ былъ посланъ далеко на горизонтъ, чтобы успѣть предупредить насъ о возможной ночной атакѣ.

Неожиданное нападеніе въ эту ночь казалось намъ настолько вѣроятнымъ, что мы составили слѣдующее предупрежденіе, адресованное командующему войсками.—Предупрежденіе это не было доставлено тогда по назначенію въ виду поздняго часа, а утромъ редакцію его пришлось сильно измѣнить. Привожу здѣсь его содержаніе:

Г-ну Командующему войсками

Одесскаго военнаго округа.

З а я в л е н і е.

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“, броненосца „Георгій Побѣдоносецъ“, миноносца № 267 и госпитальнаго судна „Вѣха“, въ виду возможнаго на нее нападенія остальной части Черноморской эскадры, считаетъ своимъ долгомъ заявить, что она твердо рѣшила вступить въ этотъ бой за великое дѣло освобожденія всего угнетеннаго народа Россіи.

Поэтому, во избѣжаніе могущихъ произойти несчастныхъ жертвъ и поврежденій, какъ съ жителями порта и города, такъ и съ различными судами,—наша эскадра ставитъ Вамъ въ обязанность немедленно принять всѣ надлежащія мѣры для самаго широкаго опо-

вѣщенія жителей объ угрожающей опасности горожанамъ и частнымъ судамъ.

Командиръ флагманскаго судна эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“

(подписи не было)

Приложена судовая печать.

Дня „17“ Іюня 1905 г.

На утро судьба, однако, жестоко посмѣялась надъ нашими широкими надеждами и теперь я перейду къ описанію слѣдующаго дня.

ГЛАВА VI.

Впечатлѣніе, произведенное на властей города нашей первой побѣдой.—Приготовленія къ захвату Одессы.—Измѣна „Георгія Побѣдоносца“.—Бѣгство „Потемкина“ въ Румынію.

Еще вчера, въ моментъ присоединенія къ намъ „Побѣдоносца“, къ борту его изъ города подошелъ портовый катеръ.

„Командующій войсками прислалъ узнать, не угодно ли броненосцу какой либо провизіи или другихъ необходимыхъ продуктовъ“, — вѣжливо обратился къ столпившимся матросамъ подплывшій на катерѣ портовый чиновникъ.

„Потрудитесь направиться къ адмиральскому судну“ не менѣе вѣжливо, но и не безъ достоинства, отвѣтилъ стоящій у трапа тов. Фельдманъ, указавъ при этомъ повелительнымъ жестомъ въ сторону „Потемкина“.

Чиновникъ „откозырялъ“ и направился къ „Потемкину“.

Сегодня утромъ, дѣйствительно, намъ была доставлена кое-какая провизія. Командующій войсками, тотъ самый, что такъ гордо и величественно заявилъ нашимъ депутатамъ 16-го числа ночью—„я не желаю вступать ни въ какіе переговоры съ царскими бунтовщиками“—теперь, очевидно, смѣнилъ свою спѣсь на услужливость и сталъ весьма предупредителенъ къ тѣмъ же самымъ „бунтовщикамъ“, хлопоча снабдить ихъ провизіей и всякими запасами. Надо полагать, что присоединившіеся къ намъ еще четыре 12-ти дюймо-

вые пушки совершенно измѣнили за эту ночь политическія убѣжденія струхнувшаго генерала.

Настроеніе среди жителей Одессы, особенно, среди рабочей ея части, было прямо таки ликующее. Всѣ предшествующіе ужасы были забыты и десятки тысячъ глазъ, полные нескрываемой радости, были устремлены на могучія двѣ крѣпости, красующіяся на рейдѣ. Распускаемая полиціей сплетни о томъ, что „Потемкинъ“ арестованъ и что „Георгій Побѣдоносецъ“, якобы, остался караулить его, встрѣчали открытыя насмѣшки не только со стороны жителей, но и со стороны многихъ солдатъ. Сочувствіе народа, деморализацію войскъ и растерянность властей можно считать въ этотъ моментъ полными. Такая благоприятная минута для революціоннаго захвата города и политическаго переворота едва-ли когда либо повторится въ нашей исторіи.

Все это мы прекрасно понимали и энергично готовились къ рѣшительному удару. Какая растерянность господствовала въ это время среди высшихъ военныхъ властей Одессы, наглядно рисуетъ слѣдующій фактъ.

Утромъ рано тов. Матющенко отправился въ городъ отослать тысячу рублей семьѣ прапорщика Алексѣва. Дѣлалъ онъ это по собственной инициативѣ и, вѣроятно, изъ жалости къ этому презрѣнному человеку, такъ какъ нашъ комитетъ, еще третьяго дня, рѣшилъ не давать никому на личныя потребности денегъ изъ кассы судна, предназначавшихся исключительно для цѣлей предстоящей борьбы.

Но, видимо, подъ влияніемъ радостнаго момента и, уступая настойчивымъ просьбамъ, онъ рѣшилъ все-таки отправить женѣ Алексѣва требуемую сумму.

На набережной, онъ поднялся около памятника Пушкина, противъ театра, гдѣ стояла тогда артиллерія и много войскъ.

Увидавъ матроса, офицеры окружили Матющенку и стали забрасывать всякими вопросами.

Объяснивъ имъ, что ему необходимо разрѣшеніе командующаго войсками для отправки тысячи рублей

по почтѣ, онъ развязно усѣлся у памятника и, въ ожиданіи отвѣта, закурилъ папироску, прикуривъ ее у какого то, кажется, полковника.

Офицеры все время стояли вокругъ него и вели съ нимъ оживленный разговоръ. При этомъ Матющенко, конечно, за словомъ въ карманъ не лѣзъ и въ выраженіяхъ совсѣмъ не стѣснялся. Вѣроятно, почтеніе, вселяемое офицерамъ двумя красовавшимися на взморьи броненосцами, было очень сильно, такъ какъ, во всякое другое время, они этого простого матроса, разваливагося передъ ними съ папиросой въ зубахъ и говорящаго имъ всякія дерзости, давно бы уже отправили на гауптвахту и засудили бы потомъ въ каторжныя работы.

Но вотъ показывается какой то генераль и манить къ себѣ издали жестомъ Матющенко.

Матющенко не трогается съ мѣста и, въ свою очередь, манить генерала пальцемъ.

Генераль, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, подходитъ и „снисходительно“ вступаетъ съ Матющенко въ разговоръ.

Генераль обѣщаль отправить деньги по назначенію и ручался ему въ этомъ честнымъ словомъ. Но Матющенко не повѣрилъ генеральскому слову и, снявъ шапку, раскланялся.

Скоро онъ благополучно вернулся къ себѣ на броненосецъ *).

Поистинѣ, мы переживали тогда историческій моментъ. Моральное пораженіе всей эскадры и трусливое униженіе „неприступныхъ“ сатраповъ вселяли въ матросахъ полную увѣренность въ томъ, что всесильный абсолютизмъ разлетается въ прахъ на ихъ собственныхъ глазахъ.

* * *

Среди всѣхъ волненій и впечатлѣній отъ вчерашнихъ событій, мы ни на минуту, однако, не забывали, что дальнѣйшее осуществленіе нашихъ радужныхъ надеждъ, въ значительной мѣрѣ, будетъ обусловливаться

*) Этотъ фактъ передаю со словъ самого Матющенко.

готовностью „Георгія Побѣдоносца“ поддерживать про-
 веденіе въ жизнь всѣхъ нашихъ плановъ. По опыту
 своего судна мы знали, что солидарность и единоду-
 шіе команды въ такихъ случаяхъ играютъ рѣшающую
 роль. Намъ же было извѣстно изъ разсказовъ самихъ
 матросовъ, что броненосецъ присоединился вчера къ
 намъ, благодаря только энергіи и настойчивости рево-
 люціонной части, и далеко не по желанію всей команды.
 А поэтому, лишь только наступило утро слѣдующаго
 дня, какъ первой заботой всѣхъ, преданныхъ дѣлу
 „потемкинцевъ“, было поѣхать на „Георгія Побѣдо-
 носца“, постараться поднять тамъ духъ и создать все-
 обшую рѣшимость дѣйствовать съ нами за одно. Только
 заручившись общей солидарностью, мы могли бы уже
 спокойно сосредоточиться на выработкѣ всякихъ стра-
 тегическихъ плановъ и немедленнаго совмѣстнаго на-
 ступленія на городъ.

Для этихъ то цѣлей, рано утромъ, и отправились
 мы на „Побѣдоносецъ“. Въ числѣ другихъ поѣхали
 туда докторъ Голенко, тов. Коваленко, Звенигород-
 скій, Куликъ и я; фамилій остальныхъ товарищей я
 теперь не помню.

Взойдя на бортъ броненосца, мы были крайне уди-
 влены, что насъ встрѣтила, болѣе или менѣе радушно,
 только часть команды. Большинство же, видимо, отно-
 силось къ нашему прибытію явно враждебно. На суднѣ
 на всемъ были замѣтны беспорядокъ и неурядица. Пред-
 полагая, что это происходитъ отъ того, что команда не
 успѣла еще освоиться со своимъ новымъ положеніемъ
 и новыми порядками, мы спокойно протискались на
 „бакъ“ къ ораторской трибунѣ *).

Очевидно, еще до нашего прихода, здѣсь начались
 уже какіе то горячіе споры и команда возбужденно
 толпилась вся наверхъ.

Лишь только одинъ изъ насъ взлѣзъ на возвышеніе
 и началъ о чемъ то говорить, какъ со всѣхъ сто-

---

*) На наружной носовой части „Геор. Побѣд.“ былъ навалень
 какой то дѣсь и плахи. Это-то возвышеніе и служило все время
 импровизированной трибуной.

ронъ слышались крики:— „Не надо потемкинцевъ, не желаемъ слушать. Чего тамъ зря языкъ бить,—мы въ Севастополь идемъ“... Громче всѣхъ кричалъ съ мостика бодманъ Кузьминъ, выбранный вчера командиромъ и его помощникъ фельдфебель Вороновъ.

Революціонная же часть команды, окруживъ насъ тѣснымъ кольцомъ, не менѣе громко требовала, чтобы мы не обращали вниманія на жалкихъ трусовъ и подлецовъ и продолжали бы говорить.

„Мы остаемся съ „Потемкинымъ“. Безъ „Потемкина“ мы никуда не пойдёмъ. На берегъ ихъ, трусовъ—пусть пѣшкомъ идутъ въ Севастополь“,—хоромъ кричали послѣдніе.

Шумъ и гамъ поднялись невообразимые. Трудно сказать, чѣмъ бы все это могло кончиться, но, увидѣвъ среди насъ офицеровъ, часть матросовъ стала кричать:

— „Пусть офицеры скажутъ. Послушаемъ, господа, офицеровъ“.

Докторъ Голенко и тов. Коваленко протолкались впередъ и матросы сразу всѣ стихли.

Рабская психологія передъ авторитетомъ „начальства“, очевидно, была еще жива у многихъ, замуштрованныхъ дисциплиной моряковъ.

Первымъ выступилъ докторъ Голенко. Пугаясь въ словахъ и весьма нескладно, онъ сталъ увѣщевать команду погодить и не торопиться съ рѣшеніемъ идти въ Севастополь. Видимо, мысль о возвращеніи въ Севастополь ему самому очень понравилась, но, зная настроеніе на этотъ счетъ „потемкинцевъ“, у него не хватило смѣлости открыто выразить ей свои симпатіи. Походивъ вокругъ да около и не давъ никакого опредѣленнаго совѣта, онъ слѣзъ съ трибуны.

Команда всетаки успокоилась отъ его словъ и слушала теперь безъ криковъ и внимательно.

Тов. Коваленко, говорившій послѣ доктора, изложилъ свое мнѣніе болѣе открыто и ясно.

„Наша команда въ Севастополь низачто не пойдётъ. У васъ тоже далеко не всѣ согласны идти туда. Значитъ, безъ крупной ссоры съ нами и между собой вамъ не удастся осуществить своего намѣренія и по-

эскадрой, что опасаться за расколъ и въ ея средѣ было теперь совершенно неосновательно и мы принялись спокойно за необходимыя приготовленія.

Самымъ необходимымъ, для обезпеченія свободы нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, было приобрѣтеніе достаточнаго количества угля.

Съ другой стороны, нужно было сейчасъ же поѣхать кому-нибудь опять на „Георгія Побѣдоносца“, чтобы передать тамъ единогласный отказъ всей нашей команды идти въ Севастополь и постараться склонить къ нему и всѣхъ матросовъ „Побѣдоносца“.

Я уже совсѣмъ не въ силахъ былъ говорить, а поэтому избралъ добычу угля, какъ болѣе молчаливое предпріятіе. Въ этотъ моментъ нами страшно чувствовался недостатокъ въ опытныхъ агитаторахъ и тов. Фельдманъ, тоже уже выбившійся изъ силъ и безъ голоса, собирался ѣхать даже въ городъ, чтобы побудить мѣстную организацію послать къ намъ нѣсколькихъ товарищей.

Въ виду такого дефекта въ нашихъ интеллектуальныхъ силахъ, въ качествѣ ораторовъ поѣхали на „Георгія Побѣдоносца“ докторъ Голенко, кондуктора Лѣсовой и Бурдюковъ и еще нѣсколько матросовъ. (Первые трое и предали впослѣдствіи все дѣло).

Еще до ихъ отъѣзда, я, Куриловъ и другіе вооруженные матросы отправились на катерѣ въ портъ — добывать уголь. Мы рѣшили, что если никто не согласится продать намъ уголь добровольно, то мы попытаемся взять его силой.

Подъѣзжаемъ въ гавани къ одному большому пароходу Русскаго Общества—„Петръ Ригель“.

Я вхожу на корабль и прошу вызвать капитана.

Но, видно, насъ испугались, такъ какъ долго никто не показывался наверхъ. Только на палубѣ толпилось нѣсколько рабочихъ, отъ которыхъ мы и узнали, что это судно торговое и имѣетъ для продажи больше ста тысячъ пудовъ угля.

Послѣ этого мы еще настойчивѣй стали вызывать командира корабля. Наконецъ, къ намъ вышелъ помощникъ капитана и на наше требованіе продать уголь,

заявить, что безъ самого командира онъ сдѣлать ничего не можетъ и что послѣдній находится гдѣ то въ порту.

Мы взяли съ судна одного изъ рабочихъ и поѣхали въ гавань. Рабочій сейчасъ же слѣзъ на берегъ и побѣжалъ отыскивать своего командира, а мы остались его поджидать.

Въ порту было безлюдно и пустынно и кругомъ уныло торчали обгорѣлые остатки послѣ пожара.

Къ катеру подошли солдаты, двое драгунъ и одинъ полицейскій.

Наши матросы вступили съ ними въ разговоръ и стали стыдить ихъ за то, что они, какъ одичавшіе звѣри, третьяго дня, избивали и жгли въ огнѣ невинный народъ.

„Продали вы себя начальству за рюмку водки. Стыдно. Домой придете, васъ вся деревня проклинать станетъ, какъ своихъ убійцъ“,—говорили матросы.

— Мы, ей Богу, братцы, не виноваты. Мы въ народъ не стрѣляли и стрѣлять не станемъ. Это все казачи да полиція... конфузливо оправдывались драгуны. Полицейскому стало неловко отъ этихъ словъ и онъ поспѣшилъ отойти подальше.

Такъ миролюбиво мы пробесѣдовали съ солдатами съ четверть часа. Посланный нами рабочій вернулся и передалъ, что командира онъ не нашелъ. Время терять было некогда и мы опять поспѣшили къ пароходу.

„Снимайся съ якоря и подъѣзжай къ броненосцу“ крикнулъ одинъ изъ насъ помощнику капитана, когда мы подъѣхали вновь къ „Петру Ригелю“.

— Не могу, господа, безъ капитана, отвѣтилъ тотъ.

— Ну, намъ тоже некогда ждать твоего командира, возразили мы.

— Какъ знаете, господа, а я не могу, упорствовалъ помощникъ.

— Снимайся съ якоря, с...ъ с...ъ. Говорятъ тебѣ, что мы не можемъ ждать ни минуты, озлобленно крикнулъ одинъ изъ насъ, схвативъ винтовку. „Убью тебя сейчасъ, какъ собаку. Снимайся, или я стрѣлять буду“

въ изступленіи крикнулъ онъ и, взведя курокъ готовъ былъ уже пустить пулю въ лобъ помощника, но послѣдній, понявъ, что съ нимъ вовсе не шутятъ, поблѣднѣлъ и глухо скомандовалъ въ машину:

— Поднять пары.

Куриловъ, я и другіе товарищи вскочили на парходъ и принялись энергично помогать рабочимъ вытаскивать якорь. Минуть черезъ пять, угольщикъ стоялъ уже подъ бортомъ „Потемкина“ и дѣятельно разгружался. Наша команда съ такой поспѣшностью таскала мѣшки и сыпала ихъ, такъ дружно кипѣла работа, что едва ли что нибудь подобное наблюдалось раньше при грозномъ Голиковѣ.

Пока грузили уголь, въ каютъ-компани собралась часть товарищей изъ комитета и приступила къ выработкѣ плана дѣйствій. Прежде всего, рѣшено было предъявить военнымъ властямъ города рядъ требованій, (въ это время Одесса была уже объявлена на военномъ положеніи), а затѣмъ если бы эти требованія не были удовлетворены въ теченіе сутокъ,—приступить къ бомбардировкѣ Одессы и къ захвату ея силой.

Требованія эти писалъ я, а поэтому мнѣ нетрудно привести ихъ по памяти:

Командиру войсками
Одесскаго военного округа

Заявленіе.

„Третьяго дня (16-го іюня), послѣ похоронъ матроса Вакулинчука, не возвратились съ берега трое нашихъ товарищей (фамиліи ихъ); кромѣ того, въ тотъ же день не вернулись съ берега еще трое матросовъ, посланныхъ нами въ городъ за покупкой мяса (фамиліи). По имѣющимъ у насъ свѣдѣніямъ, всѣ эти матросы арестованы полиціей и заключены подъ стражу. Въ виду этого, мы требуемъ немедленнаго ихъ освобожденія и безпрепятственнаго возвращенія на судно.

Далѣе мы требуемъ:

1. Доставки для всей команды необходимой провизии, угля, воды и пр. запасовъ.

2. Освобожденія изъ тюремъ всѣхъ политическихъ, какъ борцовъ за народное дѣло, за которое готовы сражаться и мы.

3. Немедленнаго очищенія города отъ войскъ, передачи его во власть населенія и свободнаго вооруженія всего города.

4. Мы же послѣ этого будемъ добиваться установленія Народнаго Правленія какъ въ городѣ, такъ и по всей Россіи.

Въ заключеніе мы заявляемъ, что если хоть одно изъ нашихъ требованій не будетъ удовлетворено въ теченіи 24 часовъ, то мы приступаемъ къ бомбардировкѣ города и захвату его силой. И тогда мы снимаемъ съ себя всякую отвѣтственность за невинныя жертвы,—они падутъ на вашу зачерствѣлую совѣсть.

Заявленіе это было подписано такъ:

Команда революціонной эскадры,
состоящей: изъ броненосцевъ — „Князь Потемкинъ-Таврической“, „Георгій Побѣдоносецъ“, миноносца № 267 и госпитальнаго судна „Вѣха“.

Оно было напечатано на пишущей машинѣ и къ нему была приложена печать „Потемкина“.

Хотѣли передать его сейчасъ же на „Георгія Побѣдоносца“ для прочтенія тамошней командѣ, но не успѣли.

Въ это время прибылъ на судно портовый чиновникъ, посланный къ намъ отъ командующаго войсками съ предложеніемъ дать ему подробный списокъ всего необходимаго для насъ.

Изъ разговора съ нимъ мы узнали, что наши боевые снаряды, пущенные третьяго дня вечеромъ, никого изъ жителей не убили и вообще упали очень удачно. Я не могу забыть той радости и восторга, какими было встрѣчено извѣстіе всей нашей командой.

„Никого не убило. Никого не убило“, радостно передавали матросы другъ другу и многіе при этомъ снимали шапки и крестились.

Скоро списокъ требуемыхъ для насъ запасовъ былъ готовъ и, вмѣстѣ съ только что выработаннымъ заявленіемъ, переданъ портовому чиновнику для врученія командующему войсками.

Мы сидѣли еще въ каютѣ компаніи и бесѣдовали, какъ вдругъ по судну разнесся крикъ: „Георгій Побѣдоносецъ“ снялся съ якоря. — „Побѣдоносецъ“ снялся съ якоря“.

На суднѣ поднялись суматоха и шумъ. Портовый чиновникъ кинулся въ свой катеръ, а мы побѣжали на палубу.

Дѣйствительно, дымъ изъ всѣхъ трубъ, предатель удиралъ отъ насъ въ море. Онъ увозилъ съ собой и нашихъ депутатовъ, посланныхъ туда еще утромъ.

Трудно передать то негодованіе, которое охватило въ первый моментъ всю нашу команду до послѣдняго человѣка.

Такая быстрая и неожиданная измѣна со стороны броненосца, считавшагося еще часъ назадъ нашимъ союзникомъ, вызвала страшную злобу и буря негодующихъ криковъ, какъ ураганъ, носилась по нашему судну.

„По мѣстамъ, ребята“. — Къ орудіямъ, товарищи. Бей ихъ, мерзавцевъ. — Давай сюда снаряды. Скорѣй. Якорь поднять. Не нужно поднимать — бей съ якоря. Живѣй, братцы, уходитъ изъ виду“...

Такъ кричали сотни матросовъ, опрометью пробѣгая по судну къ своимъ постамъ.

Безъ всякаго приказанія, въ одинъ моментъ все было готово къ стрѣльбѣ. Съ „Потемкина“ подняли бѣглецу сигналъ — „вернуться назадъ и стать на прежнее мѣсто“.

Но „Побѣдоносецъ“ прибавилъ только ходу.

„Поднять боевой“, пронеслось по судну съ командирскаго мостика и зловѣщій красный флагъ взвился надъ „Потемкинымъ“.

Угрюмая двѣнадцати-дюймовая орудія быстро по-

вернулись со своими башнями и молча уставились въ догонку предателю.

Еще одинъ моментъ и безпощадный судъ съ грохотомъ разразился бы надъ измѣнникомъ. Комендоры тряслись какъ въ лихорадкѣ отъ охватившаго ихъ волненія. Одна секунда и залпъ орудій загремѣлъ бы по морю, какъ эхо. Но „Георгій Побѣдоносецъ“ понялъ угрозу и круто повернулъ обратно.

„Не стрѣляй, ребята. Назадъ идетъ. Назадъ повернулъ“, радостно прошумѣло по нашей командѣ.

Въ это время я, запыхавшись, пробѣгалъ черезъ каютъ-компаню. Вдругъ прапорщикъ Алексѣевъ съ страшными рыданіями бросается мнѣ на шею. Онъ умолялъ меня именемъ своей жены и дѣтей отправить его сейчасъ-же на берегъ. „Я не могу больше, не могу. Сейчасъ матросы со злобы разстрѣляютъ „Побѣдоносца“. Отпустите меня, ради Бога, на берегъ,—я не могу“, рыдалъ Алексѣевъ.

„Вонъ подъ бортомъ у насъ стоитъ угольщикъ. Садитесь туда и уѣзжайте хоть къ черту“, съ омерзѣніемъ крикнулъ я на Алексѣева и, оттолкнувъ отъ себя, побѣжалъ дальше.

Однако, онъ не унимался и бросился на шею къ тов. Рѣзниченко, пробѣгавшему слѣдомъ за мною. Последній его сталъ также отталкивать отъ себя. Но Алексѣевъ разыгралъ обморокъ и повалился на полъ. Его подхватили, посадили на диванъ; оставаясь все время краснымъ какъ ракъ, онъ явно симулировалъ и скоро пришелъ въ себя. Эта комедія произвела удручающее впечатлѣніе на матросовъ и послужила какъ бы сигналомъ къ общему смятенію.

Команда наша бросала орудія и свои посты. Съ шумомъ бѣжала она на шканцы толпами, грозя оттуда кулаками вернувшемуся измѣннику. На шканцахъ произошла тѣснота и давка, каждый хотѣлъ протискаться ближе къ борту, чтобы видѣть „Побѣдоносца“.

А онъ полнымъ ходомъ шелъ мимо насъ. Оттуда что-то кричали и тамъ тоже видна была какая-то суматоха на палубахъ и каютѣ.

Смотрите, онъ въ портъ заворачиваетъ. Въ портъ

пошелъ. Надо приказать ему остановиться. Машину застопорить надо, закричали въ страшномъ изумленіи и смятеніи чуть ли не всѣ матросы.

Кто бросился къ сигнальному мостику, крича о подачѣ сигналовъ, кто бѣжалъ опять къ орудіямъ. Другіе бѣжали имъ навстрѣчу и протискивались къ борту, чтобы самимъ убѣдиться въ новомъ маневрѣ предателя. Всѣ кричали, отдавали приказанія, перебивали другъ друга, посылали проклятія и ругательства и въ этомъ переполохѣ никто не хотѣлъ слушать никакихъ приказаній.

Каждый дѣлалъ, какъ онъ хотѣлъ и картина смятенія была полная. Не было въ этотъ моментъ ни одной сильной инициативы, ни одного повелительнаго приказанія, могущаго водворить порядокъ на суднѣ.

Въ такія минуты грозное приказаніе и увѣренный голосъ спасаютъ все. Но всѣ наши товарищи сами закружились въ общемъ вихрѣ этой суматохи и тоже утратили всякую находчивость и инициативу.

„Побѣдоносецъ“ же на всемъ ходу завернулъ за волнорѣзъ и вошелъ въ гавань.

„Онъ сдаваться хочетъ. Онъ къ берегу подошелъ“, пронеслось опять по нашей командѣ.

„Дайте ему сигналъ немедленно выйти изъ гавани, или мы будемъ стрѣлять“ распорядился кто-то изъ насъ.

„Побѣдоносецъ“ зарылся въ песокъ и не можетъ выйти въ море“, прокричалъ черезъ минуту сигнальщикъ въ отвѣтъ на это приказаніе.

Растерянность, шумъ, крики и полное смятеніе охватили поголовно всю нашу команду.

Прежнее чувство злобы и негодованія быстро начало смѣняться сознаніемъ безсилія и полной утратой присутствія духа.

Началось что-то ужасное и руки у всѣхъ какъ-то опустились. Паника охватила сначала трусливые элементы, но быстро заразила собой и остальныхъ матросовъ.

— „Въ Румынію“ раздалось гдѣ-то на бакѣ.

— „Въ Севастополь“ крикнуло нѣсколько голосовъ на шканцахъ.

— „Нужно уйти въ море“ шумѣли другіе.

— „Разстрѣлять „Побѣдоносца“ въ изступленіи предлагало нѣсколько голосовъ.

— „Нужно послать миноноску за товарищами. Нельзя ихъ тамъ бросать“, настаивалъ кто-то.

„Миноноска тоже измѣнить. Никого не спускать съ корабля“, съ жаромъ возражали матросы.

Въ этотъ моментъ съ „Георгія Побѣдоносца“ спустились катера. Въ нихъ торопливо прыгали какіе-то матросы и быстро направлялись къ намъ.

„Бдуть. Депутаты ѣдутъ къ намъ“, пронеслось по судну. Всѣ устремили взоры въ ожиданіи прибытія товарищей. Нашъ катеръ пошелъ имъ навстрѣчу. Минуть черезъ пять они уже съ крикомъ взбѣгаютъ на бортъ.

„Товарищи. Давайте скорѣй караулъ. Нужно арестовать кондукторовъ. Это они смутили всю команду. Большинство не было согласно, но боцманъ Кузьминъ обманулъ всѣхъ. Сейчасъ-же ихъ нужно арестовать“, говорилъ вернувшійся тов. Звенигородскій. Онъ сильно волновался и былъ блѣденъ, какъ полотно.

„Это, господа докторъ Голенко устроилъ все. Убить его надо, измѣнника“, въ возбужденіи кричалъ тов. Бредихинъ, тоже вернувшійся съ броненосца.

— „Давайте караулъ. Арестовать кондукторовъ“.

— „Убить Голенку“ подхватили голоса.

Но дезорганизація была полная и часть матросовъ изо всѣхъ силъ стала кричать:

— Нельзя никого посылать въ портъ.

— Теперь всѣ измѣнять. У насъ тоже много подлецовъ.

— Пусть „Побѣдоносецъ“ сидитъ на мели. Ихъ само начальство перевѣситъ и безъ насъ.

Когда все это происходило на шканцахъ, въ другихъ частяхъ судна, особенно на ютѣ, все сильнѣй и сильнѣй стали раздаваться голоса болѣе трусливыхъ матросовъ, что надо ѣхать въ Румынію. Скоро толпа обезумѣвшихъ отъ страха малодушныхъ людей ворвалась и на шканцы и дикіе крики: — „Въ Румынію, въ Румынію“, заглушили собою всякое благоразуміе. Де-

морализация охватила всю команду и все слилось въ одномъ невообразимомъ гамѣ — „ѣдемъ въ Румынію, ѣдемъ въ Румынію“.

И не успѣли мы опомниться, какъ броненосецъ безъ всякаго распоряженія снялся съ якоря и двинулся въ море. Сколько я и тов. Фельдманъ не убѣждали, какъ горячо мы не доказывали, что это позоръ, что это постыдное бѣгство. Какъ мы не настаивали на томъ, что намъ не угрожаетъ еще никакой серьезной опасности и что подло бросать въ руки палачей лучшую часть изъ команды „Побѣдоносца“ и оставлять „Вѣху“ на произволъ судьбы, но никто не хотѣлъ насъ и слушать. Всѣ стремились только поскорѣй уйти изъ Одессы въ открытое море.

Нѣкоторые изъ матросовъ, видя мою горячность и боясь, какъ бы я не повернулъ команду обратно, подбѣгали ко мнѣ и съ озлобленіемъ угрожали нѣсколько разъ выбросить меня за бортъ. Однако, у этихъ трусливыхъ людей даже и на это не хватило смѣлости и я все продолжалъ настаивать на необходимости вернуться въ Одессу и взять тамъ съ собой хотя бы лучшую часть матросовъ съ „Георгія Побѣдоносца“.

До чего въ то время доходила всеобщая растерянность можетъ характеризовать слѣдующій фактъ.

Бѣгая отъ матроса къ матросу и стараясь убѣдить ихъ повернуть обратно, я столкнулся въ каютъ-компаніи съ однимъ изъ видныхъ товарищей—матросовъ. Онъ почему-то тоже говорилъ, что „ничего, ѣдемъ въ Румынію. Еще не все пропало“. Я подошелъ въ волненіи къ нему. „Ты то зачѣмъ-же ѣдешь въ Румынію? Вѣдь это позоръ. Вѣдь мы предаемъ своихъ товарищей, оставляя ихъ вмѣстѣ съ измѣнниками“, горячо произнесъ я.

— „Ты что-же боишься ѣхать съ нами? Такъ мы тебя можемъ и высадить“, отвѣтилъ Матющенко и торопливо куда-то ушелъ.

Я находился тогда въ состояніи полнаго отчаянія и въ такой моментъ чувство страха совершенно отсутствуетъ. И если бы меня въ это время не только высадили съ броненосца, но прямо бы выкинули за бортъ,

то и тогда бы я, изъ глубины моря, не пересталъ бы кричать, что мы позорно бѣжимъ, что мы этимъ бѣгствомъ топчемъ въ грязь наше святое дѣло и свое собственное человѣческое достоинство.

Въ каютъ-компаніи, гдѣ только что произошелъ вышеупомянутый разговоръ съ Матюшенкой, сидѣлъ въ мрачномъ раздумьи и тов. Фельдманъ. Я подошелъ къ нему и въ безсиліи опустился на диванъ.

Молча, не произнося ни звука, долго мы просидѣли рядомъ. Броненосецъ плавно и безшумно двигался полнымъ ходомъ впередъ. Одесская гавань все дальше и дальше оставалась за горизонтомъ. Чувство жгучей злобы невыносимо давило грудь. Сознаніе о безвозвратно разбитыхъ надеждахъ, казавшихся полчаса тому назадъ столь близкими и осуществимыми; сознаніе полного моральнаго пораженія нашихъ завѣтныхъ стремленій сверлили мозгъ и острой болью сжимали сердце. Дикіе стоны отчаянія и бессильныя слезы готовы были малодушно вырваться наружу, но остатокъ воли и самообладанія еще насильно сдерживалъ ихъ.

„Что, Кириллъ, должно быть все проиграно“ спросилъ сумрачно тов. Фельдманъ.

— „Кажется, да“, тихо отвѣтилъ я.

— „Что-же теперь дѣлать?“ обратился онъ опять. „Можетъ быть еще удастся повліять на команду. А если нѣтъ, то во всякомъ случаѣ принимать участія въ бѣгствѣ намъ съ вами не приходится.“

„И для тѣхъ, кто не хочетъ потерять къ себѣ чувства самоуваженія,—конецъ ясенъ“... отвѣтилъ я, глядя въ упоръ на тов. Фельдмана.

Онъ, очевидно, понялъ меня и замолчалъ.

* * *

На море спускались сумерки и надвигалась ночь. Броненосецъ шелъ десяти-узловымъ ходомъ. Увѣренно разрѣзая пѣнящуюся подъ носомъ воду, онъ быстро уносилъ насъ по направленію къ Румыніи. Переуто-

мленная за всѣ эти дни команда спокойно укладывалась спать, не ожидая въ открытомъ морѣ никакой опасности. Большинство товарищей матросовъ были угрюмы и тоже молча засыпали, кто гдѣ могъ. Чуть ли не въ первый разъ съ самага Тендра, многимъ изъ нихъ удалось заснуть только въ эту ночь.

Глядя на эту картину спокойнаго сна, неволью появлялась надежда, что завтра команда, успокоенная и подкрѣпившаяся сномъ, можетъ быть, снова воспрянетъ духомъ, и наше дѣло удастся тогда закончить съ бѣльшимъ почетомъ, чѣмъ сдача въ Румыніи.

Не спали только товарищи машинисты и кочегары. Пятая сутки какъ „Потемкинъ“ непрерывно держится подъ полными парами. За все это время товарищи машинисты и кочегары самоотверженно несли свою службу при страшно высокой 80-ти градусной температурѣ. Изъ ихъ среды большинство выдѣлялось своей преданностью народному дѣлу и революціонной сознательностью. Они часто не имѣли времени, ни для пищи, ни для сна.

И теперь они также бодрствовали, свято блюдя свой долгъ передъ родиной. Какъ ночныя тѣни, они то и дѣло, показывались наверху и, вдохнувъ измученной грудью нѣсколько глотковъ свѣжаго воздуха, снова исчезали въ раскаленную атмосферу 16-ти паровыхъ котловъ.

Были, конечно, и въ ихъ средѣ безчестные люди, которые прятались гдѣ-либо на суднѣ отъ своей очереди. Чаще всего это происходило ночью. И тогда на долю болѣе добросовѣстныхъ выпадалъ трудъ стоять самимъ двѣ-три смѣны подрядъ. Однако, съ ихъ стороны, я почти никогда не слышалъ жалобъ на переутомленіе или усталость. Это были истинные герои всего нашего дѣла. Они молчаливымъ и неустаннымъ трудомъ давали примѣръ того, какъ надо служить и бороться за успѣхъ дорогого всѣмъ дѣла. Глубокія, искреннія стремленія къ завоеванію счастья и свободы для всей Россіи одушевляли ихъ и помогали имъ безропотно переносить выпавшій на ихъ долю неимоვნю тяжелый трудъ.

Не спалъ на суднѣ всю эту ночь еще товарищъ Кошуба *).

Здѣсь я подробнѣе остановлюсь на характеристикѣ этого выдающагося человѣка.

Онъ дѣйствительно ясно и вполне опредѣленно стремился къ освобожденію всей Россіи и для этой великой цѣли онъ готовъ былъ на самыя крайнія средства.

Когда „Георгій Побѣдоносецъ“ зарылся носомъ въ песокъ Одесскаго порта, товарищъ Кошуба прыгнулъ въ шлюпку, на которой отъѣзжали наши депутаты, и вмѣстѣ съ ними прибылъ къ намъ на судно, хотя онъ и принадлежалъ къ командѣ „Георгія Побѣдоносца“.

Лишь только шлюпка стукнулась о трапъ „Потемкина“, какъ Кошуба взбѣжалъ на броненосецъ и бросился почти въ изступленіи къ столпившейся на немъ нашей командѣ.

„Братцы“, возбужденно заговорилъ онъ, вскочивъ на кнехтъ. У насъ позорная измѣна. Берите ружья, Заряжайте пушки. Нельзя терять ни одной минуты. Смотрите, продолжалъ онъ, указывая на городъ: „Тысячи глазъ, миллионы глазъ глядятъ съ берега на нашъ стыдъ и позоръ. Вѣдь тамъ весь рабочій народъ; вѣдь тамъ наши отцы и братья, тамъ наши жены и голодная дѣти. Посмотрите, слезы, горькія слезы обиды и горя льются у нихъ изъ глазъ. Изъ груди, изъ ранъ капаетъ у нихъ еще теплая кровь, пролитая вчера на нашихъ глазахъ озвѣрѣвшими тиранами. Вѣдь они умоляютъ насъ освободить ихъ отъ тяжелой неволи, они протягиваютъ миллионы рукъ, прося у насъ защиты отъ кровожадныхъ драконовъ. Вѣдь ихъ счастье, ихъ лучшая жизнь и наша собственная свобода теперь въ нашей власти. Такъ неужто же мы все еще будемъ колебаться... Нѣтъ. Смерть всѣмъ тиранамъ! Мечь всѣмъ народнымъ измѣнникамъ! Смерть „Побѣдоносцу“.

---

*) Машинистъ первой степени 28 флотскаго экипажа, Дорофей Петровичъ Кошуба (26 лѣтъ отъ роду) былъ изъ крестьянъ Харьковской губерніи и поступилъ на службу матросомъ въ 1901 г.

Товарищи! Берите штыки, берите винтовки, берите... Тутъ Кошуба просто началъ задыхаться отъ волненія.

Казалось, что вотъ-вотъ, матросы бросятся къ пушкамъ и ружьямъ и расправятся съ предателемъ „Георгіемъ Побѣдоносцемъ“. Но въ это время вбѣжала на „бакъ“ толпа трусовъ и начала неистово кричать, заглушая Кошубу и расталкивая при этомъ собравшихся вокругъ: „Мы идемъ въ Румынію, всѣ въ Румынію. Пусть „Побѣдоносецъ“ сидитъ на мели. Его и безъ насъ само начальство перевѣситъ“. „Въ Румынію“ подхватили изъ всѣхъ силъ всѣ малодушные матросы, и благопріятное впечатлѣніе отъ горячей рѣчи товарища Кошубы исчезло и поднялась сумятица среди всей команды.

Видя, что и у насъ уже нѣтъ единодушія между матросами, Кошуба какъ-то безсильно опустилъ руки, сошелъ съ кнехта и блѣдный, тихо направился въ батарейную палубу.

Черезъ десять минутъ, однако, я его видѣлъ уже опять на „бакѣ“, агитирующаго среди группы матросовъ. Онъ нервно махалъ руками, выразительно жестикулируя ими тамъ, гдѣ подходящія слова не успѣвали слѣдовать за его возбужденными мыслями.

Онъ развивалъ какой то уже новый планъ кровавой расправы со всѣми тунеядцами, со всѣми угнетателями трудящихся людей. Маленькая, тщедушная фигурка его какъ бы выросла и преобразилась подъ вліяніемъ одушевленія, охватившаго все его существо.

Видно было, что очень ужъ много тяжелой обиды пришлось вынести этому сыну русской деревни, какъ у себя дома, такъ и за долгіе годы безправной солдатской службы отъ деспотическихъ порядковъ нашей родины. И въ его горящихъ, карихъ глазахъ свѣтилось столько злобы и рѣшимости на все, что даже жутко было смотрѣть на него.

Стоя посреди матросовъ, онъ горячо убѣждалъ ихъ повернуть сейчасъ же обратно и высадить его и еще человѣкъ сорокъ товарищей въ одномъ изъ мѣстечекъ на побережьи Севастополя.

„Мы, говорилъ онъ, заберемъ винтовки, набьемъ свои рубашки полно патронами и темной ночью прокрадемся оттуда въ городъ. Теперь тамъ военное положеніе и всюду ходятъ патрули по улицамъ. Мы тоже разобьемся человѣкъ по пяти, по десяти и пойдемъ по Севастополю. Кто можетъ тамъ сообразить, да еще ночью, что мы „потемкинцы“, а не настоящій патруль. Никто. И вотъ тогда то мы начнемъ избивать всѣхъ главныхъ начальниковъ и перваго, конечно, пропоремъ штыкомъ Чухнина. Мы будемъ прокрадываться въ квартиры, въ казармы, въ караулы, пойдемъ на крѣпостную батарею и вездѣ, вездѣ будемъ безошадно рѣзать и разстрѣливать всѣхъ нашихъ „драконовъ-начальниковъ“ и вездѣ къ намъ будутъ присоединяться наши братья матросы и солдаты. Мы зальемъ кровью народныхъ тирановъ весь Севастополь, мы ихъ утопимъ въ ихъ собственной крови, какъ утопили они нашихъ отцовъ и братьевъ у Манджурскихъ береговъ.

Они, вѣдь, насъ не жалѣли. Они не жалѣли ни женъ, ни сиротъ, ни стариковъ...

Они не жалѣли и на нашихъ глазахъ убивали сотни рабочихъ въ Одесскомъ порту или жгли ихъ въ пожарѣ. Они не жалѣли...

Такъ нѣтъ же пощады имъ и отъ насъ. Братцы. Идемте вмѣстѣ со мной. Я первый буду колоть ихъ штыкомъ, бить ихъ прикладомъ... Если штыкъ сломается, я буду рвать руками ихъ поганья горла, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, пока хоть одинъ изъ нихъ будетъ живой. И вотъ тогда то мы заберемъ весь Севастополь въ свои руки, мы завладѣемъ всей крѣпостной батареей и дадимъ знать „Потемкину“. И онъ придетъ и заберетъ всю эскадру съ собой. Берегись, измѣнникъ „Побѣдоносецъ“. Вамъ послѣ этого не сдобровать передъ нами“.

Послѣ этой кровавой части плана лицо Кошубы вдругъ какъ то озарилось восторгомъ и неопредѣленнымъ воодушевленіемъ. Голосъ его вздрогнулъ и онъ тихо, захлебываясь, отъ охватившаго его чувства продолжалъ:

„А народъ... весь народъ, со всей Россіи, изъ всѣхъ

деревень и селъ, изъ всѣхъ городовъ и самыхъ далекихъ мѣстъ, придетъ на берегъ, въ Севастополь, встрѣчать своихъ братьевъ матросовъ, встрѣчать своихъ дорогихъ освободителей. Всѣ бѣдные и голодные, всѣ матери со своими грудными младенцами, всѣ искалѣченные портъ-артурцы безъ руки на костыляхъ, всѣ измученные рабочіе изъ тюремъ и изъ Сибири, всѣ бѣдные евреи и поляки, всѣ, даже изсохшіе старики... всѣ, всѣ придутъ на берегъ Севастополя и не будетъ нигдѣ мѣста, гдѣ не стояли бы люди. И бухту, и набережную, и горы—все покроетъ собою нашъ бѣдный, забитый народъ. И всѣ они будутъ плакать тогда, но плакать хорошими, легкими слезами радости, и мы заплачемъ вмѣстѣ со всѣми, и море заплачетъ съ нами и поднимется отъ слезъ въ своихъ берегахъ“...

Дальше онъ уже не могъ говорить. Слезы душили его, слезы показались на глазахъ и у другихъ.

Такъ весь вечеръ и всю ночь тов. Кошуба неутомимо агитировалъ среди нашей команды. Онъ переходилъ отъ группы къ группѣ, изъ машиннаго отдѣленія въ кочегарное, съ бака на ютъ... и вездѣ съ неослабѣвающимъ одушевленіемъ продолжалъ развивать свой „планъ“...

Я проходилъ уже совсѣмъ на свѣту, часа въ 4 утра, мимо пекарни и видѣлъ тамъ, какъ онъ сидѣлъ передъ пылающей печью среди матросовъ и съ горящими глазами, возбужденнымъ лицомъ, все рассказывалъ и рассказывалъ про то, какъ они освободятъ весь русскій народъ...

Его грандіозный, по своему безумію и дерзости, „планъ“ требовалъ людей съ отчаянной смѣлостью, а такихъ товарищей въ то время у насъ не нашлось бы и десяти человекъ *).

Я эту ночь тоже долго не могъ уснуть и ходилъ

*) Позднѣе, Кошуба былъ схваченъ при высадкѣ въ Феодосію. Какъ теперь известно, его судили въ Севастополѣ военнымъ судомъ и приговорили къ смертной казни. И этотъ дорогой товарищъ погибъ съ руки палача, такъ и не осуществивъ своего дѣла „всенародной радости“.

все по судну. Ко мнѣ какъ то подошелъ тов. Матющенко и спросилъ.

„Что теперь будемъ дѣлать, Кирилль?“ Онъ, видимо, успокоился отъ потрясеній и занятъ былъ придумываніемъ какого нибудь выхода изъ нашего сквернаго положенія. Долго мы съ нимъ сидѣли на диванѣ и совѣщались, какъ быть. Для насъ было очевидно, что команду сбили идти въ Румынію „кондуктора“. (Позднѣе мнѣ рассказывали матросы, что первымъ сталъ кричать идти въ Румынію боцманъ Мурзакъ. Онъ же приказалъ сняться съ якоря и этимъ сбиль съ толку всю команду).

Кондуктора стремились туда чтобы попытаться завести переговоры о помилованіи при посредствѣ румынскаго правительства.

Команда же поддалась этому, благодаря общей растерянности и охватившей всѣхъ паникѣ. „Значить, далеко еще не все было потеряно и завтра, можетъ быть, намъ удастся еще снова воодушевить команду для продолженія борьбы. Во всякомъ случаѣ мы не должны выпускать изъ нашихъ рукъ и рукъ народа этихъ пушекъ, сказалъ я, указывая на стоявшія тутъ же орудія. Нужно помнить, что это никогда больше не повторится“.

— „Да, нужно за нихъ держаться до послѣдней минуты“ согласился Матющенко.

Необходимо дать немного отдохнуть себѣ и другимъ“.

Переговоривъ обо всемъ этомъ, Матющенко улегся спать, а я пошелъ въ офицерскую бібліотеку порыться въ законахъ о посѣщеніи иностранныхъ портовъ.

Совершенно случайно въ бібліотекѣ я наткнулся на книгу съ заголовкомъ: „Правила о пребываніи въ иностранныхъ портахъ“. Просматривая эти правила, я прочелъ, не помню какой то параграфъ, гдѣ говорилось въ ясной и категорической формѣ о томъ, что всѣ военные офицеры по „такому-то“ трактату (названія теперь не помню) должны обязательно выдаваться правительству по первому его требованію. Параграфъ этотъ былъ теперь, какъ нельзя болѣе кстати, такъ

какъ онъ отрѣзывалъ всѣмъ легкомысленнымъ матросамъ всякое отступленіе на румынскій берегъ.

Годъ изданія этой книги былъ очень старый и, по всей вѣроятности, этого правила больше не существуетъ, но тѣмъ не менѣе, оно сыграло въ нашей дальнѣйшей участи весьма важную роль.

Довольный своей находкой, я отправился спать. Совсѣмъ почти уже свѣтало и въ каютъ-компаніи похрапывали прапорщикъ Алексѣевъ, инженеръ Калюжнѣй и тов. Коваленко. Я тоже взялъ подушку, положилъ ее на свободный диванъ и скоро заснулъ мертвымъ сномъ.

* * *

Теперь я уклонюсь немножко въ сторону отъ разсказа, чтобы подробнѣе ознакомить читателя съ тѣмъ, какъ произошла самая измѣна „Георгія Побѣдоносца“. Этотъ фактъ оказалъ рѣшающее вліяніе на крушеніе нашихъ плановъ и послужилъ причиной всѣхъ послѣдующихъ неудачъ, постигшихъ насъ послѣ Одессы.

Описывать это событіе я буду со словъ тов. Брeдихина и другихъ матросовъ, бывшихъ въ тотъ моментъ на „Побѣдоносцѣ“.

Еще раньше я упоминалъ, что вслѣдствіе переутомленія всѣхъ насъ, вызвались ѣхать на „Георгія Побѣдоносца“ въ качествѣ ораторовъ кондуктора Бурдюковъ, Лѣсовой и докторъ Голенко. Особенно послѣдній сильно настаивалъ, чтобы его взяли матросы съ собой, одушевленно увѣряя всѣхъ, что онъ сумѣетъ повлѣять на команду.

Пріѣхавши на „Георгія Побѣдоносца“, тов. матросы создали команду и стали ее уговаривать дѣйствовать совмѣстно съ „Потемкинымъ“. Докторъ-же Голенко прошелъ прямо въ помещеніе кондукторовъ. Тамъ у нихъ, какъ послѣ обнаружилось, происходило тайное совѣщаніе, на которомъ они и рѣшили увести броненосецъ во что бы то ни стало въ Севастополь.

Послѣ громадныхъ усилій, нашимъ товарищамъ совсѣмъ уже удалось убѣдить команду „Побѣдоносца“, собравшуюся на „бакъ“, дружно стоять всѣмъ за одно

дѣло, какъ вдругъ наверхъ выходятъ кондуктора, во главѣ съ докторомъ Голенко. Боцманъ Кузьминъ поднимается на мостикъ и даетъ приказаніе сняться съ якоря. Команда недоумѣваетъ, но все же повинуется и принимается за работу. Кочегары быстро развели пары. Однако, послышался ропотъ и голоса—куда мы идемъ и почему не спрашиваютъ команду.

Въ эту минуту съ „Потемкина“ замѣтили приготовленія „Побѣдоносца“ къ походу и дали ему сигналъ: „почему снялись съ якоря“.

Боцманъ Кузьминъ и докторъ увидѣли этотъ сигналъ на нашей мачтѣ и стали кричать, что „Потемкинъ приказываетъ сняться съ якоря и идти въ Севастополь“. Этотъ обманъ имъ вполне удался, такъ какъ рѣдкій изъ матросовъ можетъ разбирать сигналы. Сигнальщикъ же на „Георгіи Побѣдоносцѣ“, очевидно, состоялъ въ заговорѣ съ этой шайкой предателей.

Такъ они двинулись въ путь. Однако, далеко не всѣ повѣрили этой уловкѣ и часть команды стала кричать,—что это ложь, что это не можетъ быть. Тов. же Кошуба, видя намѣреніе предателей дать полный ходъ и уйти отъ насъ, взбѣжалъ въ рубку и, сдернувъ штурвальное колесо, бросилъ его съ размаху въ море. И боцманъ Кузьминъ былъ принужденъ перейти въ боевую рубку, чтобы продолжать управлять броненосцемъ.

Мы съ „Потемкина“ опять дали сигналъ „вернуться, или будемъ стрѣлять“. Кузьминъ и Голенко снова переврали наше приказаніе и объяснили командѣ, что „Потемкинъ“ слѣдуетъ за нами. Только когда мы вывѣсили боевой сигналъ, который знаетъ всякій матросъ, лгать стало уже невозможно. Поднялся страшный шумъ и боцманъ Кузьминъ круто повернулъ броненосецъ обратно.

Думая спасти свою шкуру, онъ на полномъ ходу ввелъ броненосецъ въ гавань и направилъ его прямо на берегъ. Тутъ онъ сейчасъ-же поспѣшилъ, вмѣстѣ съ Голенкой, ретироваться подъ охрану казаковъ и солдатъ, на берегъ.

При такомъ условіи мы легко могли бы вновь завла-

дѣтъ броненосцемъ, и большая половина команды его охотно примкнула бы къ намъ. Но читателю уже извѣстно, какой переполохъ это произвело среди нашей команды и какой печальный исходъ былъ результатомъ всего этого.

Описаніе это, конечно, далеко не исчерпывающе и очень кратко, но я, какъ не очевидецъ, не въ состояніи дать болѣе полную картину даннаго событія и перейду лучше къ продолженію прерваннаго разсказа.

ГЛАВА VII.

На пути въ Румынію.—Красное знамя.—Прибытіе въ Констанцу и переговоры съ румынскими властями.—Возвращеніе въ Россію.—
На пути въ Феодосію.

19 Іюня, утромъ, мы поднялись довольно поздно. Послѣ сна чувствовалась бодрость и свѣжесть силъ. Я вышелъ на мостикъ. Погода стояла прекрасная. На небѣ ни облачка и солнце слѣпило своими лучами. Море было тихое и переливалось блескомъ на всемъ безбрежномъ пространствѣ. На горизонтѣ ни суденышка, ни рыбацкой лодки. Только дельфины, метаясь время отъ времени надъ водою, нарушали однообразную картину тихаго моря. Броненосецъ съ шумомъ разрѣзалъ стальной грудью зеркальную поверхность и увѣренно двигался куда-то въ даль.

Внизу подъ мостикомъ, на открытой части судна разгуливали и сидѣли группы матросовъ. Они уже давно встали и отъ нечего дѣлать толпились теперь на ютѣ, любуясь моремъ. Тутъ-же, около орудійной башни, заливалась гармоника, наигрывая развеселый плясовой мотивъ. Рядомъ, съ гармонистомъ, у подножія башни, словно на деревенской заваленкѣ, сидѣло нѣсколько матросовъ.

Слушая забористую игру земляка, они оживленно подпѣвали и вторили ей.

А тов. Куриловъ, обнявшись съ пузатымъ фельдфебелемъ Журавлевымъ, забывъ, очевидно, про всѣ пережитыя невзгоды, отхватывалъ съ увлеченіемъ „польку“, азартно притопывая каблуками. Другіе,

окруживъ ихъ кольцомъ, смѣялись, острили и подставляли имъ ноги, желая для шутки уронить толстяка Журавлева.

Въ сторонѣ, на правомъ борту, съ неменьшимъ увлеченіемъ играли въ какую-то морскую игру, метая по нарисованнымъ мѣломъ квадратамъ круглыя плитки.

На самомъ носу собрался хоръ въ нѣсколько человекъ и по морю неслись тоскующіе звуки малорусскаго напѣва... Сильный, чистый теноръ какого-то матроса съ чувствомъ выводилъ мелодію, очевидно, родной пѣсни, а остальные вторили ему дружнымъ хоромъ.

Кочегары, вымазанные копотью и масломъ, вылазили наверхъ, чтобы хоть на минутку поглядѣть на общее веселье и потомъ снова исчезали въ свое крошечное подземелье.

Однимъ словомъ, идиллія корабельной жизни во время отдыха была полная. Непрiятель ниоткуда не угрожалъ и чувство страха смѣнилось веселымъ настроеніемъ. Спокойно проведенная ночь подкрѣпила силы и наша команда, видимо, снова воспряла духомъ.

Глядя на эту картину, просто не вѣрилось, что вчера еще эти люди были объаты смятеніемъ и полнымъ упадкомъ настроенія.

Однако, были и унылыя лица. Когда я спустился съ мостика и пошелъ по кораблю, попадались то тамъ, то тутъ, небольшія группки матросовъ. Они сидѣли гдѣ-нибудь внизу и тихо бесѣдовали между собой. Общее веселье, очевидно, ихъ не увлекало и не захватывало. Въ большинствѣ это были тѣ, которые вчера громче всѣхъ кричали—идти въ Румынію. Сегодня-же, оправившись отъ растерянности и паническаго страха, они какъ бы стали сознавать свое безразсудство. Эти матросы даже не знали, что это за страна Румынія, что за люди въ ней живутъ и гдѣ она находится. Что ихъ можетъ тамъ ожидать они не могли угадать даже приблизительно и эта неизвѣстность ихъ сильно угнетала. Смутныя надежды на то, что авось тамъ удастся ускользнуть на берегъ, теряли всякое значеніе при мысли о незнаніи тамошнихъ порядковъ и тамошняго

языка. Отчасти они надѣялись на кондукторовъ, на ихъ тайныя обѣщанія завести переговоры о помилованіи съ русскимъ царемъ черезъ румынскаго „царя“. Но все таки впереди ничего опредѣленнаго не было, и это обстоятельство наводило ихъ на всякія мрачныя предположенія. На ихъ лицахъ было написано скрытое безпокойство.

„Кирилль, идите-ка сюда“, позвалъ меня одинъ изъ матросовъ, когда я проходилъ по кубрику.

— Въ чемъ дѣло?—остановился я.

— Вы въ Румыніи когда-нибудь бывали?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. А что?

— Да я такъ спросилъ. Интересно знать, какая это земля и есть ли тамъ царь.

— А вы развѣ сами не знаете?—спросилъ я въ свою очередь.

— Мнѣ откуда-же знать. Я плаваю-то всего первый годъ, а дома былъ—ничего не слыхалъ.

— Какъ же такъ? Вы кричали вчера громче всѣхъ, что надо ѣхать въ Румынію и сбивали другихъ, а сегодня оказывается, что вы и сами не знаете, куда ѣдете,—иронически замѣтилъ я.

Матросъ сконфузился и сталъ оправдываться, что онъ кричалъ потому, что всѣ кричали.

— Да всѣ они можетъ быть безъ толку кричали, зря.

— То-то, что безъ толку! Потому никто изъ нихъ теперь не знаетъ, куда и зачѣмъ мы ѣдемъ,—упрекающе заключилъ онъ.

Я рассказалъ ему вкратцѣ про Румынію, что зналъ, и направился въ каютъ-компанію. Сюда стали собираться и другіе товарищи. Передъ нами стояло много важныхъ дѣлъ и „комитетъ“ спѣшилъ обсудить ихъ заблаговременно. Дальнѣйшая участь „Потемкина“ интересовала, конечно, въ сильной степени и всю остальную команду. Поэтому обширное помѣщеніе каютъ-компаніи переполнилось матросами, слѣдившими все время съ живымъ вниманіемъ за ходомъ нашихъ обсужденій.

Вокругъ длиннаго стола, на стульяхъ и креслахъ, расположился „комитетъ“. Сзади него, плечомъ къ плечу, тѣснились любопытные, заполняя собою все пространство каюты. Многіе были въ фуражкахъ, но другіе торопливо снимали ихъ еще при входѣ. Старое „почтеніе“ къ мѣсту прежнихъ офицерскихъ собраній инстинктивно пробуждалось въ солдатской психологіи. По бокамъ, у стѣнъ, стояли диваны и на нихъ тоже расположились слушатели. Какъ и всегда, совѣщаніе началось съ выбора предсѣдателя.

— Я предлагаю въ предсѣдатели Кирилла,—предложилъ тов. Шестидесятый.

— Хорошо, пусть будетъ Кириллъ, согласились остальные.

— Лучше другого назначить. „Вольныхъ“ не стоитъ. Пусть свой кто-нибудь!—громко произнесъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

— Конечно, своего лучше!—послышались одобренія со всѣхъ сторонъ.

— А всѣ ли понимаютъ изъ тѣхъ, кто теперь говорить, значеніе предсѣдателя?—обратился товарищ Куликъ къ недовольнымъ.

Всѣ молчатъ.

— Можетъ быть вы думаете, что предсѣдатель это начальникъ надъ всѣмъ „комитетомъ“?—спросилъ онъ опять.

— „Предсѣдатель выбирается только для порядка во время разговоровъ. Онъ смотритъ за тѣмъ, чтобы всѣ вдругъ не говорили и не перебивали-бы другъ друга, да еще за тѣмъ, чтобы всѣ говорили по дѣлу, а не то, что вздумается каждому. Поняли?“

— Поняли! утвердительно отвѣтили матросы.

— По моему, такъ здѣсь даже и „вольныхъ“ то нѣтъ. Тов. Кириллъ и Фельдманъ плаваютъ уже нѣсколько дней и стоятъ съ нами все время за одно. Они переносятъ то же, что и мы. Какіе же они теперь „вольные?“ — добавилъ тов. Шестидесятый къ объясненію Кулика.

— Мы теперь всѣ „вольные“. Начальства у насъ

нѣтъ, да скоро его и нигдѣ не будетъ,—смѣясь замѣтилъ кто-то изъ толпы.

Несмотря на все это, я, однако, отказался отъ предсѣдательства и предложилъ взамѣнъ себя избрать тов. Денисенку или Савотченку. Они и раньше исполняли эту обязанность. Однако, всѣ стали настаивать, чтобы взялся вести собраніе кто-нибудь изъ насъ, какъ умѣющихъ хорошо поддерживать порядокъ. Но тов. Фельдманъ тоже упорно отказывался, а поэтому остановились на выборѣ Коваленко. Мы знали, что это засѣданіе должно было играть рѣшающую роль и чтобы впослѣдствіи не возникало поводовъ для всякихъ толковъ противъ насъ, мы считали лучшимъ дать самимъ матросамъ свободно высказаться о предстоящихъ задачахъ.

Тов. Коваленко открылъ засѣданіе и мы приступили къ обсужденію.

— Самое важное теперь, товарищи,—сказалъ я, взявши слово,—выяснить, почему мы такъ позорно бѣжали изъ Одессы и зачѣмъ мы теперь ѣдемъ въ Румынію.

Только давши себѣ ясный отчетъ въ истинныхъ причинахъ этого печальнаго событія, не обманывая при этомъ ни себя, ни другихъ, мы будемъ въ состояніи намѣтить опредѣленный планъ того, что слѣдуетъ намъ предпринять дальше.

И я предлагаю высказаться по этому поводу всѣмъ товарищамъ.

Послѣ меня стали подниматься одинъ за другимъ члены „комитета“ и излагать свое мнѣніе по предложенному вопросу.

Никто изъ нихъ не отрицалъ, что фактъ нашего столь поспѣшнаго удаленія изъ Одессы есть только растерянное и беспорядочное бѣгство. Причины же этому они видѣли, главнымъ образомъ, въ неожиданности измѣны „Побѣдоносца“ и той деморализаціи, которую произвело это событіе на нашу команду.

— „Я думаю, что это далеко не все—возразилъ тов. Фельдманъ. Никакая неожиданность не могла бы такъ разстроить наши ряды, если бы у насъ на суднѣ командованіе и власть находились въ болѣе твердыхъ

рукахъ, чѣмъ теперь. И это самое большое мѣсто всѣхъ неурядицъ. Управлять броненосцемъ 25 лицамъ сразу, какъ теперь заведено у насъ, совершенно невозможно. Особенно сказывается непригодность этого въ боевую минуту. Если съ этимъ мнѣніемъ согласны всѣ, то я предложилъ бы выбрать для командованія „Потемкинъ“ всего лишь двухъ — трехъ самыхъ надежныхъ товарищей и трехъ человѣкъ кандидатовъ къ нимъ.

Послѣ горячаго обсуждения всѣ приняли это предложеніе и тутъ же избрали изъ своей среды „Исполнительный Комитетъ“. Въ него вошли тов. Рѣзниченко, Костенко и Матющенко. Въ кандидаты къ нимъ назначили еще трехъ матросовъ. На обязанности ихъ лежало командованіе судномъ при условіи полной отвѣтственности ихъ предъ общимъ „комитетомъ“.

Въ минуту боя и всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій всѣ должны были имъ безусловно повиноваться.

— Еще, товарищи, у насъ есть одна важная причина всѣхъ неурядицъ, — выступилъ я опять, когда выборы „И. К.“ были закончены. „Всѣ вы ее сами прекрасно знаете—это кондуктора и прапорщикъ Алексѣевъ. Эти лица доказали намъ уже не разъ, что они ждутъ только критическаго момента, чтобы окончательно разстроить всю команду и погубить какъ всѣхъ насъ, такъ и самое дѣло. И намъ давно бы слѣдовало удалить ихъ съ броненосца“.

Предложеніе это, какъ всегда, вызвало горячіе споры. Большинство „комитета“ вполне согласилось убрать сейчасъ же кондукторовъ и предлагало дать имъ катеръ, провизію и отпустить на всѣ четыре стороны. Другіе же упорно настаивали, что теперь отпустить ихъ съ корабля невозможно.

— Они прекрасно узнали за эти дни всѣ наши планы, намѣренія и взаимныя отношенія команды. Вернувшись въ Севастополь, они сейчасъ же расскажутъ обо всемъ этомъ начальству и дадутъ ему указанія, какъ дѣйствовать противъ насъ, — мотивировали несогласные свое мнѣніе.

Вслѣдствіе этихъ разногласій—вопросъ о кондукторахъ опять остался нерѣшеннымъ. Согласились только,

что разъ въ будущемъ представится удобный случай, то мы ихъ тогда успѣемъ еще высадить.

Далѣе, одинъ изъ присутствующихъ поднялъ вопросъ о Румыніи.

Почти всѣ члены единодушно высказались за то, что въ Румыніи слѣдуетъ намъ запастись только углемъ, водой и провизіей; собрать изъ тамошнихъ газетъ всѣ извѣстія о политическомъ настроеніи въ Россіи; узнать, что дѣлается въ остальной эскадрѣ и, затѣмъ, соотвѣтственно всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, направиться обратно къ русскимъ берегамъ.

Никто изъ товарищей не считалъ тогда нашу борьбу оконченной и всѣ одушевленно высказывались за ея продолженіе.

„А можетъ, насъ Румынія приметъ къ себѣ на службу или пуститъ въ свою землю...“ громко вмѣшался одинъ изъ слушающихъ матросовъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, можетъ, ихній царь приметъ насъ къ себѣ“, поддержалъ еще кто-то изъ заднихъ рядовъ.

„Не въ Румыніи, такъ въ другомъ царствѣ могутъ принять“, загалдѣли голоса.

„Товарищи. Вотъ тутъ есть статья или иначе законъ“, сказалъ я, показывая отысканныя мною вчера „Правила о пребываніи въ иностранныхъ портахъ“. Они написаны какъ разъ для всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ теперь улизнуть на иностранный берегъ“. И, открывъ книгу, я прочелъ громко то мѣсто, гдѣ говорилось о выдачѣ всѣхъ военныхъ дезертировъ, по требованію правительства.

Сообщеніе это, повидимому, на многихъ матросовъ произвело самое удручающее впечатлѣніе. Оно разбило надежды, скрытно лелѣяныя ими раньше въ глубинѣ души. Нашлись даже такіе, которые не повѣрили мнѣ на слово и попросили дать имъ прочесть самимъ. Я отдалъ книгу и она пошла по толпѣ, переходя изъ рукъ въ руки. Когда всѣ убѣдились, что отступление на берегъ имъ дѣйствительно отрѣзано, то мы снова приступили къ предложенію прерваннаго засѣданія.

Намъ оставалось обсудить еще, какъ вести себя въ иностранномъ порту, куда мы теперь направлялись.

Единогласно было принято, что во всѣхъ сношеніяхъ съ румынскими властями мы должны держать себя съ полнымъ тактомъ, безъ всякихъ угрозъ и добиваться необходимаго намъ разрѣшенія о закупкѣ провіанта только дипломатическими средствами. Для того же, чтобы насъ не приняли за пиратовъ, рѣшено было составить письменное изложеніе сущности нашей борьбы и революціонныхъ задачъ и передать это, какъ для опубликованія въ печати, такъ и для отправки всѣмъ европейскимъ державамъ.

Настоятельная необходимость подобнаго обращенія къ европейскому міру признавалась нами еще и потому, что мы были увѣрены въ возможности всякой лжи и клеветы, распространяемой про насъ русскимъ правительствомъ. Самодержавіе неоднократно доказало уже свою беззастѣнчивость въ подобныхъ случаяхъ.

Тов. Фельдманъ взялся написать заявленіе „ко всѣмъ европейскимъ державамъ“, а я составилъ обращеніе „ко всему цивилизованному міру“. Скоро то и другое было готово и мы прочли ихъ собравшимся. Приведу здѣсь подлинное содержаніе обоихъ этихъ документовъ.

КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МІРУ.

Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ! Передъ вашими глазами проходитъ грандіозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и поработанный русскій народъ не вынесъ вѣковаго гнета и своеволія деспотическаго самодержавія.

Раззореніе, нищета и безправіе, до котораго русское правительство довело многострадальную Россію, переполнили чашу терпѣнія трудящихся массъ. По всѣмъ городамъ и селамъ вспыхнулъ уже пожаръ народнаго возмущенія и негодованія. Могучій крикъ многомилліонной русской груди — долой рабскія цѣпи деспотизма и да здравствуетъ свобода! — какъ громъ раскатился по всей необъятной Россіи.

Но царское правительство рѣшило, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотвер-

женныхъ борцовъ подилась цѣлыми потоками по всей родинѣ.

Однако, обезумѣвшее самодержавіе забыло одно, что темная и забитая армія — это сильное орудіе его кровавыхъ замысловъ — есть тотъ же самый народъ, тѣ же самые сыны трудящихся массъ, которые рѣшили добиваться свободы. И армія рано или поздно пойметъ это и сброситъ, наконецъ, съ себя позорное пятно палачей своихъ же отцовъ и братьевъ. И вотъ мы, команда эскадреннаго броненосца „Потемкинъ Таврической“, рѣшительно и единодушно дѣлаемъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братскія жертвы рабочихъ и крестьянъ, которыя пали отъ солдатскихъ пуль и штыковъ на улицахъ и поляхъ нашей родины, снимутъ съ насъ свое проклятіе, какъ съ ихъ убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И нашъ общій девизъ — смерть или свобода для всего русскаго народа! Мы требуемъ непремѣнной пріостановки безсмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манджурии. Мы требуемъ непремѣннаго созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы, вмѣстѣ съ нашимъ броненосцемъ, пасть въ бою, или выиграть побѣду.

Мы глубоко увѣрены, что честные и трудящіеся граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей великой борьбѣ за свободу.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврической“ и миноносца № 267.

КО ВСѢМЪ ЕВРОПЕЙСКИМЪ ДЕРЖАВАМЪ.

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврической“ начала рѣшительную борьбу противъ самодержавія. Оповѣщая объ этомъ всѣ европейскія правительства, мы считаемъ своимъ долгомъ за-

явить, что мы гарантируемъ полную неприкосновенность всѣмъ иностраннымъ судамъ, плывущимъ по Черному морю и всѣмъ иностраннымъ портамъ, здѣсь находящимся.

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврической“.

По прочтеніи этихъ воззваній, они были приняты съ бурнымъ одушевленіемъ всѣми матросами. Писаря наши принялись сейчасъ же ихъ печатать на пишущихъ машинахъ въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ.

„Теперь, товарищи, обратился я ко всѣмъ матросамъ, намъ необходимо сдѣлать и послѣдній шагъ. Разъ мы заявили себя борцами за свободу открыто передъ всѣмъ міромъ, то намъ необходимо и защищать свое дѣло не подъ андреевскимъ флагомъ—этой царской тряпицей, а подъ своимъ революціоннымъ знаменемъ. Его мы будемъ защищать, пока хватить у насъ силъ и пусть люди увидятъ, что мы борцы не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ. Я предлагаю, товарищи, сдѣлать намъ свое знамя и украсить имъ нашъ броненосецъ“.

„Совершенно вѣрно. Давно слѣдуетъ. Конечно, свое знамя слѣдуетъ сдѣлать“ раздались оживленныя одобренія.

„Я предлагаю сейчасъ сдѣлать бѣлое знамя и на немъ написать красными буквами—„мы боремся за политическую свободу всего народа и хотимъ уничтожить все царское правительство“—одушевленно предложилъ тов. Звенигородскій.

— „Нѣтъ, это слишкомъ длинно и бѣлый цвѣтъ совсемъ не революціонный“, возразилъ тов. Фельдманъ.

— „А красный вѣсить нельзя—издали примутъ его за боевой сигналъ“, замѣтилъ кто то.

— „Можно и красный, только повѣсить его на кормовой мачтѣ, а не тамъ, гдѣ боевой“, предложилъ тов. Дымченко.

— „Конечно, дѣлать, такъ ужъ дѣлать красный. Кумачу у насъ хватить“, хоромъ подхватили всѣ.

— „Напишемъ на немъ просто—„долой драконовъ“.

Это коротко и ясно⁴, крикнулъ было какой то матросъ. желая удивить своей находчивостью.

Всѣ разсмѣялись, но иронически замѣтили, что это чересчуръ ужъ страшно и перепугаетъ всѣхъ.

Долго еще оживленно спорили, какая надпись будетъ болѣе подходящей и выразительной.

Хотѣли было принять обыкновенный рядъ девизовъ—„Долой самодержавіе. Да здравствуетъ свобода. Мы требуемъ Учредительнаго Собранія и всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Однако, всѣмъ это казалось очень многосложнымъ.

Наконецъ, остановились на томъ, чтобы знамя изъ красной матеріи было натянуто на четырехъ-угольную рамку и на одной сторонѣ его большими буквами написать: „свобода, равенство и братство“, а на другой, „да здравствуетъ народное правленіе“. Условились сдѣлать его громадной величины и съ такимъ расчетомъ, чтобы надпись ясно можно было разбирать издали.

Девизъ великой французской революціи сдѣлался, такимъ образомъ, достояніемъ всей нашей команды и сталъ, впоследствии, очень популяренъ среди нея.

— Теперь, понимаешь, братъ,—свобода, равенство и братство. Не то, что раньше—„слушаюсь“, „никакъ нѣтъ“. „Точно-такъ“. Теперь все будетъ иначе“, передавали матросы другъ другу.

Довольные достигнутыми результатами, мы закончили засѣданіе и разошлись по судну.

* * *

Послѣ обѣда, вдали, съ правой стороны, чернѣли берега. Съ каждымъ часомъ они вырѣзывались на горизонтѣ все яснѣе и яснѣе. Скоро берега хорошо стали видны простымъ глазомъ и мы быстро приближались къ нимъ. А около 5 часовъ пополудни мы подплыли уже къ румынскому порту Констанцѣ. Матросы наши всѣ столпились наверху и съ любопытствомъ разсматривали этотъ довольно красивый съ моря городокъ. Бросили якорь и стали на внѣшнемъ рейдѣ. На берегу отъ нашего прихода, видимо, произошелъ переполохъ. Жители сбѣжались къ набережной и скоро

образовались цѣлая толпа. Черезъ четверть часа изъ гавани показался катеръ и направился къ намъ. „Готовься ребята, къ салюту. Румынскіе офицеры ѣдутъ“, распорядился вахтенный начальникъ. „Подать холостые снаряды“, отдалъ кто то приказаніе сверху.

Въ эту минуту катеръ подѣхалъ къ трапу.

Мы выстроили почетный карауль, какъ это дѣлается всегда при посѣщеніи военнаго судна иностранными властями.

На броненосецъ поднялись два румынскихъ офицера и, держа руку подъ козырекъ, отрекомендовались—одинъ начальникомъ порта, а другой—лейтенантомъ гарнизона съ крейсера „Елизавета“.

„Карауль смир-но“ скомандовалъ тов. Коваленко принявшій у трапа гостей.

Съ верхнихъ башенъ загудѣла пушечная пальба, а всѣ стоящіе матросы взяли подъ козырекъ. Выстроенный же карауль вытянулся въ струнку. Салютъ замеръ послѣднимъ ударомъ и снова всѣ опустили руки отъ козырька.

Румынскіе офицеры были нами приглашены въ каютъ-компанію. Съ ними прошли туда еще два штатскихъ, очевидно, санитарныхъ врача. Всѣхъ ихъ попросили садиться и предложили по стакану чая. Разговоръ клеился очень плохо. Одинъ изъ офицеровъ могъ говорить только по-французски и немного по-нѣмецки. Я и тов. Коваленко подѣли къ нему и стали съ грѣхомъ пополамъ объяснять ему цѣль нашего прибытія въ Румынію. Съ другой стороны, сталъ Матюшенко объясняться съ капитаномъ порта черезъ одного нашего матроса молдаванина, кое-какъ говорившаго по румынски. Съ большимъ трудомъ, въ теченіе почти цѣлаго часа, мы выяснили, наконецъ, что здѣшнія власти не могутъ сами разрѣшить намъ купить ни провизіи, ни прѣсной воды, ни угля. Вручивъ имъ въ концѣ разговора свои воззванія „къ цивилизованному міру“ и „ко всѣмъ европейскимъ державамъ“, мы радушно распростились. По уходѣ они обѣщали о нашей просьбѣ телеграфировать въ Букарестъ высшему правительству и отвѣтъ немедленно сообщить

намъ. Проводили ихъ снова съ почетомъ и пушечными салютами.

Румынскіе офицеры и ихъ поведеніе произвели на нашу команду хорошее впечатлѣніе. Только то обстоятельство, что они не разрѣшили намъ закупать тотчасъ-же провизіи, а общались только телеграфировать объ этомъ своему правительству, сильно портило благоприятное настроеніе матросовъ. По этому поводу на суднѣ пошли всевозможные толки и предположенія.

— „Это они хотятъ, вѣрно, по телеграфу-то съ нашимъ царемъ сговариваться“,—говорили нѣкоторые матросы.

— „Изморомъ взять хотятъ“,—высказывали догадку другіе.

Упорнѣе-же всего распространялось то мнѣніе, что ухо нужно всетаки держать остро и не даться въ какой-нибудь обманъ, такъ какъ румынское правительство можетъ-де сговориться съ нашимъ царемъ и взять насъ какой-нибудь хитростью.

Памятуя же законъ о дезертирахъ, большинство матросовъ было еще заранѣе настроено весьма подозрительно и теперь относилось не особенно довѣрчиво къ словамъ румынскихъ офицеровъ о возможности завтра получить благоприятный отвѣтъ изъ Букареста.

Не обошлось и здѣсь безъ комическаго инцидента. По отъѣздѣ румынскихъ властей, изъ-за волнорѣза выѣзжаетъ военная „шестерка“ и направляется къ нашему судну.

„Офицеръ ѣдетъ. Русскій офицеръ ѣдетъ“, пронеслось по броненосцу.

Команда засуетилась и стала сбѣгаться на „шканцы“.

„Не шумите, ребята, пусть ѣдетъ, — посмотримъ, что за птица“, громко сказалъ Матюшенко, подойдя, въ ожиданіи, къ трапу.

— „Арестовать его надо. Погоны снять“, зашумѣли опять матросы.

Не нужно его трогать. На какой онъ намъ чортъ, возражали другіе голоса.

— „Уходите всѣ отсюда. Не толпитесь наверху, — а то онъ струситъ и повернетъ обратно“, — крикнулъ тов. Матющенко.

Матросы нехотя стали расходиться и тѣсно сбившись у входовъ въ батарейныя палубы, съ любопытствомъ выглядывали оттуда, что будетъ.

„Шестерка“ подошла къ трапу.

На бортъ поднялся довольно пожилой морской офицеръ, кажется, капитанъ второго ранга. Въ лѣтнемъ кителѣ, орденахъ и полной формѣ, онъ довольно увѣренно взошелъ по трапу.

Мы его сейчасъ-же окружили.

— „Могу я видѣть г. командира?“ произнесъ офицеръ, съ недоумѣніемъ поглядывая на всѣхъ насъ.

— „Зачѣмъ вамъ нуженъ командиръ?“ — спросилъ тов. Коваленко, выдвигаясь впередъ.

— „Я съ ра-п-п-о-портмъ. Я со ста-шіо-о-о-нерна-го судна „Джезуапелле“ заикаясь произнесъ растерявшійся капитанъ, увидѣвъ Коваленку въ заграничномъ кителѣ, безъ погонъ и безъ шапки.

— А у васъ командиръ сволочь или хорошій человекъ? — перекрикивались въ это время наши матросы черезъ бортъ съ матросами же, сидящими въ шлюпкѣ.

Капитанъ поблѣднѣлъ и растерялся.

— „Нашъ броненосецъ, капитанъ, теперь уже не принадлежитъ правительству, а перешелъ на сторону народа“, замѣтилъ Коваленко.

— „Развѣ вы ничего не читали въ иностранныхъ газетахъ? Въ Россіи вѣдь произошелъ политическій переворотъ, — добавилъ я.

Капитанъ окончательно потерялся и затрясся какъ въ лихорадкѣ.

„Я... господа... не... гра... мотенъ, т. е., виноватъ, я не понимаю по иностранно... му, безсвязно пролепеталъ онъ.

Команда наша разразилась неудержимымъ хохотомъ и посыпались остроты.

Жалко было смотрѣть на этого взрослога ребенка и мы поспѣшили отпустить его душу на покаяніе.

— „Репортъ вашъ намъ совершенно не нуженъ, такъ что прошу васъ оставить судно“, произнесъ тов. Коваленко, выручивъ капитана изъ смѣшного положенія.

Пятясь назадъ и пугливо озираясь кругомъ, онъ быстро спустился съ трапа и шлюпка оттолкнулась отъ трапа.

— „Счастливыи путь. Благополучно дожить до завтра“, шутливо и со смѣхомъ кричали ему вслѣдъ наши матросы.

Это увеселительное представленіе дало богатую пищу нашимъ юмористамъ и они всю ночь потѣшали команду всякими комическими варіаціями и подражаніями этого забавнаго сюжета.

Ночью намъ необходимо было освѣщаться для предосторожности боевыми фонарями. Для этой цѣли тов. Матюшенко поѣхалъ въ портъ и тамъ получилъ отъ командира румынскаго крейсера любезное разрѣшеніе освѣщать прожекторами горизонтъ.

Опасности никакой не предвидѣлось и мы улеглись спокойно спать.

* * *

Проснувшись утромъ 20 іюня, первой нашей заботой было попытаться купить провизіи. Съ 16 числа на суднѣ вышло все мясо и команда питалась одними пустыми щами съ капустой и картошкой. Хлѣбъ тоже уже вышелъ и второй день мы довольствовались сухарями съ чаемъ. Все это побуждало поторопиться съ приобрѣтеніемъ пищевыхъ припасовъ.

Тов. Матюшенко взялъ съ собою нѣсколько матросовъ и поѣхалъ въ портъ. Они думали, что имъ удастся какъ-нибудь проникнуть въ городъ и тамъ закупить хотя немного хлѣба и мяса. При постоянномъ напряженномъ состояніи и непрерывныхъ работахъ, команда наша чрезвычайно страдала отъ плохого питанія и даже нѣкоторые матросы заболѣли сильнымъ разстройствомъ желудка. Всѣ опасались даже за появленіе какой-либо эпидеміи, однако, пока, переносили эти лишенія безропотно, надѣясь скоро

приобрѣсти все необходимое. Можно себѣ представить, поэтому, то огорченіе и негодованіе команды, когда Матющенко около 10 часовъ вернулся изъ порта и сообщилъ, что румынское правительство не разрѣшило записаться намъ здѣсь никакой провизіей.

Кромѣ того онъ привезъ съ собою телеграмму министра иностранныхъ дѣлъ, адресованную всей нашей командѣ.

Ударили сборъ и всѣ собрались.

На середину вышелъ Матющенко и сталъ громко читать содержаніе телеграммы:

Телеграмма.

Маіору Негру. Капитану Порта.

Букарестъ № 102, 8 ч. 10 м. утра.

Постарайтесь убѣдить русскихъ матросовъ, что наше правительство будетъ ихъ считать иностранными дезертирами и, слѣдовательно, оно предоставитъ имъ свободу сейчасъ же, какъ только они оставятъ свое судно и высадутся на берегъ безъ оружія, и еще съ условіемъ, чтобы они сдали корабль неповрежденнымъ. Сейчасъ, какъ только они примутъ это условіе, имъ будетъ предоставлена свобода выбора отправиться или въ Болгарію, или же поступить на частныя пассажирскія суда. Послѣ этого предписываю вамъ занять военнымъ карауломъ оставленныя суда и помочь матросамъ закупить себѣ провизію.

№ 253.

Генераль І. Лаховири
(Мин. Иностран. Дѣлъ).

Матросы понимали, что они сила, пока находятся на суднѣ при своихъ грозныхъ пушкахъ. Сойдя-же на берегъ, они теряютъ весь вѣсъ и значеніе. Поэтому, когда Матющенко кончилъ чтеніе телеграммы, они зашумѣли чуть ли не всѣ сразу:

— Пусть намъ сначала дадутъ провизіи.

— Это обманъ. Насъ на берегъ заманигъ хотять.

Это они сговорились съ нашимъ царемъ. Не желаемъ выходить на берегъ. Никто не пойдетъ къ нимъ.

Волненіе поднялось необычайное, всѣ хотѣли только провизіи и никто не довѣрялъ гарантіямъ безопасности, обѣщаемымъ румынскимъ правительствомъ.

— Значить, не желаете сдаваться.. крикнулъ тов. Матющенко.

— Не желаемъ. Въ Россію идемъ,—хоромъ отвѣтила команда.

— Въ Аѳонскій монастырь, поѣдемъ братцы, крикнулъ кто-то зычнымъ голосомъ. Тамъ у монаховъ осетрины и вина хватить для насъ.

Всѣ разсмѣялись и съ криками—„въ Россію! Въ Россію!“—шумно разошлись по броненосцу.

Стали разводить пары и приготавливаться къ отплытію.

Но куда ѣхать?

Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились. Я предлагалъ идти на Кавказъ, къ Поти. У насъ было еще тысячъ 15 и мы свободно могли пройти вдоль всего кавказскаго берега. Если бы уголь у насъ истощился, то тамъ много шансовъ перехватить какой-нибудь угольщикъ, идущій изъ Константинополя. Главнымъ же образомъ, я стоялъ за Кавказъ потому, что при нашемъ появленіи тамъ легко могло бы вспыхнуть всеобщее возстаніе среди мѣстнаго населенія, широко уже охваченнаго революціоннымъ движеніемъ. Такъ что, если бы насъ разбила эскадра на морѣ, мы съ большой пользой перешли бы на берегъ со всѣмъ оружіемъ и скорострѣльными орудіями продолжали бы борьбу.

Отъ Поти на прямой желѣзно-дорожной линіи стоятъ такіе революціонные города, какъ Тифлисъ, Кутаисъ и Баку, слѣдовательно, можно было бы пройти и до нихъ.

Другое предложеніе внесъ тов. Фельдманъ. Онъ настаивалъ ѣхать въ Феодосію, говоря, что тамъ легко достать уголь, а запасшись имъ, можно пойти куда-нибудь дальше. Въ Феодосіи, же по его мнѣнію, возможно было снестись и съ „Крымскимъ Союзомъ“.

Послѣдній окажетъ намъ поддержку и доставить всѣ необходимыя свѣдѣнія. Да кромѣ того въ Θεодосіи легко узнать объ остальной эскадрѣ и ея состояніи.

Послѣдняя мысль особенно прельстила всѣхъ матросовъ и его мнѣніе взяло перевѣсъ. Итакъ, рѣшили ѣхать въ Θεодосію.

— Ничего вы не понимаете, а тоже лѣзете съ совѣтами, вдругъ грубо вмѣшался прапорщикъ Алексѣевъ, обращаясь къ тов. Фельдману.

— Никакого угля въ Θεодосіи нѣтъ. Нужно ѣхать или въ Керчь, или въ Евпаторію,—добавилъ онъ.

— Это не для того ли, чтобы вамъ ближе быть къ Севастополю, иронически спросилъ я Алексѣева и онъ замолчалъ.

— Ёдемъ въ Θεодосію. Что тутъ долго разговаривать, рѣшили матросы.

Однако, намъ нужно было еще передать отвѣтъ нашей команды на телеграмму румынскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Товарищи поручили сдѣлать это мнѣ, Рѣзниченкѣ и Никишкину. Необходимо было также отправить по почтѣ и всѣ заготовленные экземпляры „Ко всѣмъ европейскимъ державамъ“ и письмо въ редакцію „Искры“ (нашего социаль-демократическаго органа)—съ извѣщеніемъ о нашемъ затруднительномъ положеніи.

— Смотрите только не сообщайте румынскимъ властямъ, что мы ѣдемъ обратно въ Россію. Скажите лучше какой-нибудь другой иностранный портъ,—наставляли насъ товарищи, провожая до катера.

— Конечно, конечно, отвѣтили мы.

Подѣхавши въ гавани къ молу, мы вышли и направились въ городъ. Но въ одномъ мѣстѣ полиція преградила дорогу и не пропустила дальше. Навстрѣчу вышло нѣсколько офицеровъ. Я имъ объяснилъ по-нѣмецки, что мы идемъ на почту, такъ какъ намъ необходимо отправить нѣсколько писемъ и телеграммъ.

Офицеры стали допытываться, какія это письма. Я назвалъ ихъ содержаніе. Они попросили немного обождать и послали за капитаномъ корабля. Скоро послѣдній явился и сказалъ, что на почту пропустить

насъ никакъ не можетъ, а предлагаетъ отправить всѣ письма черезъ него. Сколько я ни бился, всетаки не удалось убѣдить его разрѣшить намъ самимъ пойти въ городъ.

Пришлось сдать всю почту подъ росписку капитану порта, взявъ съ него обѣщаніе, что она будетъ отправлена по назначенію.

Къ намъ подошли еще нѣсколько офицеровъ и всѣ они настойчиво стали уговаривать сдаться, всячески увѣряя въ полной безопасности и неприкосновенности насъ въ Румыніи.

Я же съ своей стороны добивался только одного, чтобы разрѣшили намъ купить, хотя бы частнымъ образомъ, хлѣба и мяса.

— Я уже не говорю о человѣческихъ законахъ, но даже и по международному праву вы не можете отказать намъ въ этой элементарной просьбѣ, убѣждалъ я.

— Вотъ сдавайтесь, тогда мы вамъ дадимъ все, что вы хотите. Дадимъ хлѣба, мяса, одежду и вы будете при этомъ совершенно свободны,—настаивали офицеры.

— Сдаваться намъ еще рано. Мы въ силахъ бороться и будемъ продолжать начатую борьбу.

— Какъ хотите, но мы предлагаемъ вамъ самыя лучшія условія.

— Если вы такъ благожелательны къ намъ, то почему же вы даже на почту не пускаете. Стыдно свободной странѣ отказывать даже въ кускѣ хлѣба борцамъ за то, чего вы добились уже у себя,—продолжалъ я добиваться.

— Мы не можемъ ничего сдѣлать для васъ, хотя и сочувствуемъ вашему положенію. Наше правительство предписало намъ воспретить вамъ всякую доставку провизіи и мы должны повиноваться,—оправдывались офицеры.

— Ну, если ваше правительство, очевидно, мало чѣмъ отличается отъ нашего, придется, вѣрно намъ въ концѣ концовъ непосредственно апеллировать къ румынскому народу, помимо васъ и вашего правительства, рѣзко замѣтилъ я. На это одинъ изъ офицеровъ

далъ понять, что у нихъ здѣсь очень большая артиллерія.

— Зачѣмъ вы такъ сильно преувеличиваете, улыбаясь обратился я къ нему. Вѣдь мы хорошо знаемъ отъ вашихъ же матросовъ, что въ Констанцѣ нѣтъ ни одной пушки. Да напрасно аппелляцію къ народу вы понимаете въ смыслѣ бомбардировки нами города. Будьте спокойны, мы не разбойники.

Офицеръ немного сконфузился отъ моихъ словъ, а остальные разсмѣялись.

Видя, что совершенно ничего намъ не добиться, мы стали прощаться и усаживаться въ катеръ.

— „Куда же вы теперь ѣдете“, спросили офицеры, раскланиваясь съ нами.

— „Въ Турцію“, отвѣтилъ я. „Мы надѣемся, что азіатскій деспотъ окажетъ намъ болѣе культурный приемъ, чѣмъ европейская Румынія“.

— „Прощайте“.

— „Счастливый путь. Всякаго успѣха“.

Всѣ наши матросы встали въ катеръ и отдали честь.

Офицеры тоже приложили руки къ козырьку и нашъ катеръ помчался къ броненосцу.

— „Браво. Молодцы — матросы“, — кричала намъ вслѣдъ толпившаяся на молу публика и махала при этомъ шляпами, платками и зонтиками.

— „И люди, какъ будто хорошіе — за руку здороваются; и порядки у нихъ не такіе, какъ у насъ, а хлѣба купить всетаки не позволили“, наивно удивлялся одинъ изъ товарищей, когда мы подѣхали къ броненосцу.

* * *

Около часу дня мы снялись съ якоря и вышли въ открытое море. Сначала, чтобы замести за собою слѣдъ, мы взяли курсъ на Константинополь, а затѣмъ, скрывшись за горизонтомъ, перемѣнили направленіе и пошли на Феодосію.

Опять мы, какъ вольныя птицы, несемся по морю. Снова гармоника, пѣсни и пляска цѣлыми днями, не

смотря ни на черствые сухари, ни на щи съ „водой“. Неунывающая русская натура плясала и пѣла наперекорь всякимъ невгодамъ.

Какъ и всегда, на „бакѣ“ шуму было больше всего. Этотъ малороссійскій клубъ пестрѣлъ теперь оживленной толпой. Кто съ любопытствомъ глядѣлъ, свѣсившись за бортъ, какъ вертятся подъ носомъ броненосца шустрые дельфины, кто просто прохаживался взадъ и впередъ, бесѣдуя другъ съ другомъ. Бренчала гитара; ревѣла задорно гармоника; слышались шутки, смѣшные рассказы и добродушное высмѣиваніе другъ друга.

Въ одномъ мѣстѣ схватились бороться и ихъ сейчасъ же окружила толпа любителей спорта..

Въ это время, весь грязный отъ угля и прокопченный гарью, вышелъ наверхъ изъ своего кромѣшнаго подземелья кочегаръ Никишкинъ.

Въ рукахъ онъ несъ какую-то толстую книгу въ черномъ переплетѣ. Это былъ общій любимецъ всей команды и его въ шутку звали „чернокнижникомъ“ или „проповѣдникомъ“.

„Братцы, всѣ скорѣй сюда. Здѣсь „свѣтъ“ — идите къ „свѣту“, громогласно возвѣстилъ онъ улыбаясь, и, выйдя на середину, сѣлъ на кнехтѣ.

— „Подходи сюда, ребята. „Чернокнижникъ“ читать пришелъ“—загудорили матросы, стекаясь къ Никишкину.

Скоро около него собрался значительный кружокъ слушателей.

Раскрывъ свою книгу, Никишкинъ началъ громко, ясно и наставительно вычитывать какое-то мѣсто, водя при этомъ по строчкамъ грязнымъ пальцемъ.

Прочитавъ двѣ или три страницы, онъ закрылъ ее и пустился въ самое пространное толкованіе только что прочитаннаго. Этотъ моментъ и бывалъ началомъ его „проповѣди“ и слушатели всегда удваивали въ это время вниманіе, зная по опыту, что онъ выкинетъ какое-нибудь „колѣнце“. „Колѣнце“ же заключалось въ томъ, что, начавъ съ какой-нибудь христіанской морали отца Петрова, Никишкинъ ловко и незамѣтно прицѣпливалъ сюда „начальство“, всякія матросскія

обиды, непорядки нашей родины, послѣднюю войну и доходилъ порой до самаго царя. Простая, но глубокая критика и ѣдкая сатира „Чернокнижника“ не давала пощады никому. Бесѣда заканчивалась обыкновенно какой-нибудь шуткой или остротой и „проповѣдникъ“, провожаемый смѣхомъ, съ побѣдоноснымъ видомъ исчезалъ въ своей кочегаркѣ съ книгой подъ мышкой.

Такъ было и въ этотъ разъ.

Маленькаго росту, съ некрасивымъ, сморщеннымъ лицомъ, постоянно неряшливо одѣтый и испачканный масломъ—этотъ матросъ пользовался громаднымъ уваженіемъ и вліяніемъ на всю команду.

По существу — это русскій народный типъ вѣчнаго искателя „правды“. И онъ ее дѣйствительно неутомимо искалъ. Весь свой досугъ отъ служебныхъ занятій онъ посвящалъ чтенію книгъ и газетъ. Читалъ же онъ все, что ни попадалось подъ руку. Но при этомъ, однако, изъ всякой газеты и изъ прочитанной книги онъ всегда выписывалъ тѣ мѣста, которыя производили на него болѣе сильное впечатлѣніе. Исписывая порою цѣлые листы бумаги намасленнымъ, плохо очиненнымъ карандашомъ, онъ собиралъ въ свободное время передъ собою кружки матросовъ и дѣлился съ ними содержаніемъ прочитаннаго, пускаясь при этомъ въ подробное толкованіе наиболѣе интересныхъ вопросовъ.

Особенно ему нравились сочиненія отца Петрова и онъ съ ними никогда почти не разставался. Сочиненія отца Петрова, какъ и евангеліе, играли у него еще и другую роль.

Какъ извѣстно, военное начальство строго слѣдитъ всегда за тѣмъ, что читаютъ солдаты и очень многихъ, даже классическихъ русскихъ беллетристовъ, оно не разрѣшаетъ къ обращенію среди войскъ. Вотъ Никишкинъ и изошрился, при помощи „отца Петрова“ и „Святого евангелія“ проводить въ этомъ отношеніи свое начальство.

Вовнутрь этихъ книгъ онъ переплелъ запрещенныя изданія и, такимъ образомъ, все время пользовался ими для открытаго чтенія всей командѣ.

— „Ты это что читаешь тамъ опять“, крикнетъ, бы вало, Голиковъ, увидѣвши Никишкина среди матросовъ за чтеніемъ книги.

— „Божественное, ваше высокоблагородіе“, не запнувшись отчеканиваетъ послѣдній, вытянувшись въ струнку.

— „А ну-ка, покажи сюда“, недовѣряетъ Голиковъ.

— „Слушаюсь, ваше в-бродіе“, бѣжитъ Никишкинъ со всѣхъ ногъ и подаетъ ему евангеліе или сочиненіе отца Петрова.

— „Ну это можно. Читай себѣ на здоровье“, одобрительно поощряетъ Голиковъ, взглянувъ на верхнюю обложку книги.

— „Радъ стараться, ваше в-бдіе“, молотитъ и постукивая каблукомъ, произноситъ Никишкинъ, вернувшись, маршируетъ на свою прежнюю тропинку.

Разсказывали про него еще такой случай.

Разъ какъ-то онъ возвращался на судно изъ гора да. Благодаря обширному знакомству и связямъ съ боцманами, онъ набралъ у нихъ массу революціонныхъ брошюръ и прокламацій. Набивъ ими буквально новую рубашку, онъ является на судно и совсѣмъ убыло собрался ихъ прятать по укромнымъ уголкамъ, какъ вдругъ на палубѣ его встрѣчаетъ Голиковъ.

— „Никишкинъ, ты опять весь грязный ходишь. Сколько разъ я тебѣ замѣчалъ, чтобы ты мѣнялъ костюмъ когда выходишь наверхъ изъ своей кочегарки“.

— „Виновать, ваше высокоблагородіе“, едва живой отъ страха, произнесъ Никишкинъ. Матроска его такъ неестественно оттопырилась, что онъ считалъ себя мысленно уже погибшимъ.

— „Смотри, послѣдній разъ говорю. Въ слѣдующій разъ переведу прямо на окладъ“ *), пригрозилъ Голиковъ и отвернувшись, куда то пошелъ.

*) „Перевести на окладъ“.

Нѣкоторые матросы, особенно кочегары и машинисты, получаютъ кромѣ солдатскихъ грошей, еще осредненное жалованье отъ 15—17 руб. въ мѣсяць. Въ наказаніе ихъ переводятъ на „окладъ“, т. е. лишаютъ жалованья на нѣсколько мѣсяцевъ и они получаютъ въ это время, какъ обыкновенные солдаты, т. е. отъ 45—60 коп. въ три мѣсяца.

Никишкинъ же стремглавъ бросился внизъ, не чувствуя отъ радости подъ собою ногъ.

— Братцы, я еще живой. Я совсѣмъ живой. Совсѣмъ живой“ ликующе кричалъ онъ, вбѣжавъ впопыхахъ въ машинное отдѣленіе.

— Въ чемъ дѣло? спрашивали его недоумѣвающие товарищи.

Выгрузивъ свое „богатство“ изъ-за пазухи, Никишкинъ со смѣхомъ началъ рассказывать, какъ онъ сейчасъ чуть было не попалъ „дракону“ въ самую пасть.

Всѣ были рады и принялись сейчасъ же распрятывать вездѣ брошюры и прокламаціи.

Много, очень много хорошихъ воспоминаній по себѣ оставилъ этотъ замѣчательный человѣкъ въ своихъ товарищахъ.

Почти всегда заразительно веселый, онъ служилъ источникомъ бодрости даже въ самыя горькія минуты. Хорошо грамотный и начитанный, онъ былъ на суднѣ дѣйствительно своего рода „свѣтиломъ“, неутомимо распространяющимъ вокругъ себя революціонное сознаніе. Ядъ его всеокрушающей критики и недовольства существующимъ положеніемъ передавался и заражалъ собою всю команду.

Его товарищи, которыхъ мнѣ приходилось в послѣдствіи спрашивать, отзывались о немъ, какъ о самомъ выдающемся человѣкѣ изъ ихъ среды. Отъ него будто исходилъ весь духъ протеста и революціоннаго броженія среди матросовъ „Потемкина“, вылившихся теперь въ столь яркую форму открытаго возстанія.

* * *

За двое сутокъ пути къ Θεодосіи особенныхъ событий никакихъ у насъ не было и жизнь протекала сравнительно спокойно.

Пользуясь свободнымъ временемъ, мы собирали нѣсколько разъ команду и вели съ ней бесѣды. Горла у насъ немного поправились и мы выступали снова съ рѣчами.

Команда во всей своей массѣ являлась далеко не освѣдомленной, какъ въ вопросахъ политики, такъ и

въ социально-экономической жизни. Время было благоприятное — почти всѣ были свободны отъ всякихъ работъ, а поэтому матросы охотно собирались слушать наши бесѣды. Многие изъ нихъ впервые услышали отъ насъ о социалистической борьбѣ трудящихся массъ противъ всего современнаго порядка; о всемирной социаль-демократической партіи съ ея цѣлями и стремленіями; о борьбѣ этой рабочей партіи въ Россіи за сверженіе абсолютизма. Мы объясняли при этомъ непосредственную связь всѣхъ интересовъ трудящихся съ широкой политической свободой.

Солдатская жизнь и солдатское рабство тоже нашли свою должную оцѣнку въ общемъ разборѣ всѣхъ неурядицъ и золъ современнаго общества.

Матросы слушали съ большимъ вниманіемъ, задавали вопросы и вообще обнаруживали огромную любознательность.

Кромѣ меня и тов. Фельдмана выступали ораторами также и сами матросы.

Особенно много и горячо говорилъ тов. Кошуба. Онъ излагалъ свои мысли въ формѣ художественныхъ иллюстрацій и картинокъ изъ области вопіющихъ несправедливостей и народныхъ обидъ въ нашей жизни. Это производило очень большое впечатлѣніе на всѣхъ матросовъ и слушали его всегда съ увлеченіемъ.

Нерѣдко отъ вопросовъ общаго характера мы переходили къ недочетамъ и неурядицамъ нашей собственной внутренней жизни на суднѣ.

Жалобы на игнорированіе служебными обязанностями и на ночное прятаніе нѣкоторыхъ недобросовѣстныхъ лицъ приносились товарищами почти каждый день.

Вслѣдствіе этого возникъ даже вопросъ, какъ поступать съ этими, своего рода „паразитами“, заставляющими нести за себя двойную вахту другихъ товарищей.

На одномъ изъ собраній всей команды было постановлено примѣнить къ подобнымъ лицамъ нѣкотораго рода воздѣйствіе, а именно: команда единодушно постановила, чтобы фамиліи всѣхъ матросовъ, уклоняющихся отъ несенія своей служебной очереди, опубли-

ковывались по первому разу во всеуслышаніе на общихъ собраніяхъ. Этимъ, такъ сказать, апеллировали къ стыду и порядочности провинившихся. Если же это оказалось бы недостаточнымъ, то матросы рѣшили неисправимыхъ „дармоѣдовъ“, какъ они выражались, отправлять въ наказаніе на работу, часа на четыре въ кочегарное отдѣленіе.

Съ удовольствіемъ, однако, отмѣчу, что фактически не пришлось примѣнить ни того, ни другого рода воздѣйствія, такъ какъ послѣ этого постановленія не было обнаружено ни одного случая игнорирования своими обязанностями.

На общемъ собраніи всѣхъ матросовъ было рѣшено въ Θεодосіи держать себя съ тактомъ и стараться достать лишь все необходимое—провизию, уголь и пр. А затѣмъ направиться на Кавказъ и тамъ уже повести рѣшительное наступленіе съ цѣлью захвата въ свою власть какого-нибудь города, какъ базы для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Въ этихъ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ у насъ проходили цѣлые дни. Команда, видимо, поднималась духомъ и при благоприятныхъ условіяхъ можно было надѣяться на полное единодушіе и солидарность съ нами.

Кондуктора и „патріоты“ конечно попрежнему оставались въ сторонѣ отъ общихъ стремленій и тайкомъ продолжали вести свою линію вездѣ, гдѣ только было возможно. Мнѣ припоминается здѣсь такой характерный случай.

Въ Θεодосію мы единодушно рѣшили придти, разукрасивши „Потемкина“ революціоннымъ знаменемъ и торжественными флагами на всѣхъ ряяхъ. Это, очевидно, сильно не нравилось кондукторамъ и они втихомолку повели контръ-агитацію, за которой я ихъ случайно засталъ.

Какъ-то ночью я долго не спалъ и зашелъ на штурвальный мостикъ. На вахтѣ стоялъ тов. Костенко и наверху не было больше ни души.

Вдругъ я слышу въ командирской рубкѣ:

— Какъ это можно поднимать праздничные флаги. Я служу двадцать лѣтъ и знаю, что флаги можно под-

нимать только по приказанію адмирала, да и то лишь въ царскіе дни. Тѣмъ болѣе нельзя поднимать никакихъ „красныхъ знаменъ“, разъ у насъ есть свое, судовое знамя. Я хорошо знаю и когда то училъ въ инструкціи, что за такую штуку по „международному праву“ всѣхъ государствъ насъ могутъ разстрѣлять иностранныя государства. Они объявятъ намъ войну и явятся со своимъ флотомъ въ Черное море. Главнымъ же образомъ, если мы допустимъ повѣсить на „Потемкинѣ“ ихній (т. е. наше знамя) флагъ, то тогда отъ царя не будетъ уже пощады ни правому, ни виноватому.

Заинтересованный этими разглагольствованіями и чтобы прекратить наивную ложь, я отворилъ дверь и вошелъ въ рубку. Тамъ сидѣлъ одинъ изъ кондукторовъ и нѣсколько матросовъ.

— О чемъ это вы рассказываете такъ оживленно, спросилъ я кондуктора.

— Да вотъ я говорю, что до 8 час. утра намъ нельзя будетъ поднять флаги по морскимъ законамъ. А въ Θεодосію мы придемъ, вѣроятно раньше, нагло солгалъ онъ, пряча свои смущенные глаза.

— Я стоялъ здѣсь и слышалъ совсѣмъ не то. Стыдно врать. Смотрите, чтобы по „международному закону“, о которомъ вы только что здѣсь рассказывали, не очутиться вамъ въ морѣ еще до 8 часовъ утра“ пригрозилъ я ему.

Кондукторъ смутился и не возразилъ ни слова. Посидѣвъ минуту-другую, онъ всталъ и благо разумно куда-то исчезъ.

Подобная контръ-пропаганда кондукторовъ, однако, не имѣла успѣха среди нашей команды и мы пришли въ Θεодосію, украсивъ „Потемкина“ революціоннымъ знаменемъ и расцвѣченными флагами.

Но объ этомъ я расскажу подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VIII.

Прибытіе въ Θεодосію.—Наше появленіе на берегу и растеянность властей. — Переговоры съ представителями города. Конференція военными властями отправляемой намъ провизіи — Посещеніе прибывшаго изъ Сенастополя парохота и сцены на берегу съ солдатами.—Наша угроза властямъ.—Попытка захватить силой каменный уголь и кровавый финаль. Сумятина на „Потамкиѣ“ и вторичное бѣгство его въ Румынію.

Въ Θεодосію мы пришли часовъ въ 8 утра, 22-го юня.

Городокъ этотъ расположенъ по скату горы, отлого спускающейся къ морю и оканчивающейся извилистой набережной. Узкой полосой отъ нея, подъ открытымъ угломъ, врѣзается въ море каменная гряда волнорѣза съ маякомъ на концѣ.

Этотъ волнорѣзъ образуетъ собою тихую гавань, защищая ее во время осеннихъ бурь отъ прибойныхъ волнъ.

Внутри порта возвышаются парходныя пристани, товарные склады, конторы и другія зданія. Дальше видны красивые дома зажиточнаго квартала, а за ними, поднимаясь къ горѣ, идутъ тѣсные кварталы мѣстной бѣдности.

Въ другое время жизнь здѣсь, вѣроятно, бьетъ ключомъ, какъ въ большинствѣ торговыхъ портовъ Черноморскаго побережья. Теперь же въ гавани царитъ тишина. Судовъ почти не было видно, за исключеніемъ двухъ-трехъ кораблей, да и тѣ стояли какъ-то безжизненно.

Нашего прибытія, очевидно, уже ждали. На молу

толпился народъ и по набережной рысью разъѣзжала конная полиція. Бѣлѣли солдатскія рубашки.

Мы бросили якорь съ внѣшней стороны волнорѣза и стали поодаль отъ него.

На „Потемкинѣ“ на всѣхъ ряяхъ взвились пестрые праздничные флаги, а на кормовой мачтѣ торжественно подняли красное знамя.

Команда принялась спускать трапы, шлюпки и дѣятельно приводить судно въ требуемый для стоянки порядокъ.

— Смотрите, ребята, какой-то военный катеръ идетъ изъ города, — закричали матросы.

И дѣйствительно, изъ гавани показался въ эту минуту военный катеръ, направляясь прямо къ броненосцу. На палубѣ его стоялъ какой-то морской офицеръ, увѣшанный во всю грудь орденами, и пристально разсматривалъ въ бинокль наше судно. Далеко не доходя до броненосца, катеръ вдругъ замедлилъ ходъ и какъ-то нерѣшительно остановился.

— Не бойся, не бойся. Подъѣзжай ближе, — стали кричать наши матросы, замѣтивъ боязливое колебаніе катера.

Послѣдній, видя, что отъ насъ раздаются требованія подойти къ судну, двинулся тихо впередъ.

— Приставайте къ трапу. — Причаливай къ борту, приглашали матросы, когда катеръ почти поровнялся съ броненосцемъ.

— А офицеры у васъ есть? спросили отсюда.

— Есть, есть. Только безъ побрякушекъ, какъ у васъ, — смѣясь отвѣтили съ „Потемкина“.

Катеръ медленно огибалъ броненосецъ и не обнаруживалъ никакого желанія подходить къ кораблю.

— Да приставайте же къ борту. Чего боитесь-то! — продолжали настаивать столпившіеся на кормѣ матросы. Нѣкоторые изъ нихъ махали при этомъ шапками и выразительно жестикулировали руками.

Офицеръ, видимо, съ любопытствомъ разсматривалъ все время насъ и наше знамя, не думая вовсе подходить къ борту. Обогнувъ корму броненосца, катеръ

дать самый полный ходъ и помчался на всѣхъ парахъ мимо праваго борта обратно въ гавань.

Команда разразилась дружнымъ смѣхомъ вслѣдъ удалявшемуся катеру и посылала въ догонку офицеру далеко нелестныя для него шутки и остроты.

Что собственно имѣлъ въ виду этотъ офицеръ, не пожелавшій взойти къ намъ на судно, мы не могли понять, да для насъ въ то время это было совершенно неважно. Мы торопились начать переговоры съ городскими властями, чтобы добиться отъ нихъ провизіи и угля.

Для этой цѣли необходимо было вызвать къ себѣ на судно представителей мѣстнаго самоуправления и уполномоченныхъ отъ населенія города.

Нужно было сейчасъ же поѣхать въ портъ и устроить тамъ это дѣло.

Для выполнения этой задачи я, тов. Кошуба и Рѣзниченко сѣли въ катеръ и отправились въ городъ.

На всякій случай, мы вооружились револьверами, а остальныя матросы, поѣхавшіе съ нами въ качествѣ охраны, запаслись винтовками.

На набережной, куда мы подъѣхали, толпилось довольно много народу—рабочихъ и горожанъ, а также и полиціи.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ присталъ катеръ, спуска къ морю не было и мы просто вскарабкались на молъ и рѣшительно направились къ толпѣ. Стоящая впереди полиція немного смѣшалась отъ нашей увѣренности и, попятившись назадъ, уступила дорогу.

— Вы кто такой будете? спросилъ я, подходя къ полицейскому чиновнику, суетливо отдававшему какія-то приказанія и распоряженія.

— Я—помощникъ пристава, отвѣтилъ онъ, любезно расшаркиваясь.

— А тотъ кто? указалъ я на высокую фигуру, стоявшую поодаль и выглядывающую изъ-за спины полицейскихъ.

— Это-съ—здѣшній господинъ исправникъ.

— Позовите-ка его, пожалуйста, сюда.

Черезъ минуту къ намъ подошелъ исправникъ.

— Вы здѣшний исправникъ? обратился я къ нему.

— Да, да. Чѣмъ могу служить? любезно произнесъ онъ, замѣтно подавляя охватившее его волненіе.

— Мы депутаты отъ всей команды революціоннаго броненосца „Князь Потемкинъ-Таврической“ — заявилъ я. — Посланы мы сюда для того, чтобы потребовать немедленнаго прибытія къ себѣ на судно представителей городского управленія для очень важныхъ переговоровъ. Кромѣ того, мы требуемъ сейчасъ же какого нибудь мѣстнаго врача, такъ какъ у насъ на броненосцѣ есть умирающіе больные*) и имъ необходима безотлагательная медицинская помощь. Въ-третьихъ же, я долженъ предупредить васъ заранее, что въ случаѣ промедленія въ исполненіи этихъ требованій, или же въ случаѣ хоть малѣйшей безтактности со стороны полици и властей, мы съумѣемъ заставить уважать наши требованія и не остановимся даже передъ разрушеніемъ города. Потрудитесь поэтому сейчасъ же передать то, что я сказалъ, городской думѣ, а мы не уйдемъ съ берега до тѣхъ поръ, пока представители ея не явятся сюда.

Все это я изложилъ внушительнымъ, спокойнымъ тономъ. Исправникъ, видимо, понялъ нашу настойчивость и серьезность.

— Слушаюсь. Сію минуту распоряжусь, предупредительно произнесъ онъ и торопливо куда-то исчезъ.

Толпа народу съ напряженнымъ вниманіемъ слушала все время наши переговоры. Задніе тискались ближе къ намъ и просовывали головы подъ мышки къ намъ, чтобы лучше разубрать то, что мы говорили.

Когда исправникъ ушелъ, изъ толпы протолкался къ намъ какой-то хорошо одѣтый, солидный господинъ и отрекомендовалъ себя однимъ изъ представителей мѣстнаго самоуправленія. Я повторилъ ему все, только что сказанное исправнику, и онъ тоже бы-

---

*) У насъ въ то время было нѣсколько матросовъ, серьезно больныхъ и почти при смерти отъ какой-то желудочной болѣзни, съ которой фельдшеръ не могъ справиться, несмотря на всѣ свои старанія.

стро исчезъ, пообѣщавъ скоро вернуться съ отвѣтомъ.

Втеченіи этихъ дипломатическихъ переговоровъ, товарищи Кошуба и Рѣзниченко неоднократно пытались вступить въ бесѣду съ собравшимися тутъ рабочими и горожанами. Но я ихъ удерживалъ, говоря, что пока намъ слѣдуетъ воздерживаться отъ всего, что могло бы затруднить или испортить выполненіе нашей миссіи.

Вскорѣ къ намъ, запыхавшись, подошли городской голова, врачъ и какой-то гражданскій инженеръ и еще два штатскихъ господина.

— Мы—представители города. И я—здѣшній городской голова. Чѣмъ можемъ вамъ служить, господа? Вѣжливо обратился къ намъ мэръ Θεодосіи.

— Мы не уполномочены вести съ вами переговоры—отвѣтилъ я. Наша команда поручила намъ только пригласить васъ всѣхъ немедленно отправиться на броненосецъ для выслушанія отъ нея нѣкоторыхъ требованій и предложеній.

— Мы готовы къ вашимъ услугамъ,—произнесъ голова и сейчасъ же направился въ сопровожденіи всѣхъ остальныхъ лицъ на портовый катеръ, который на нашихъ глазахъ и отошелъ изъ гавани.

— Теперь можно побесѣдовать и съ народомъ,—сказалъ я потихоньку товарищамъ,—наша миссія кончена.

— Товарищи рабочіе и граждане, громко обратился я, подходя къ самой толпѣ.—Мы матросы-потемкинцы, протягиваемъ вамъ свою братскую руку и готовы вмѣстѣ съ вами, со всѣмъ рабочимъ людомъ Россіи, вступить въ открытый бой съ самодержавіемъ...

— Расходитесь, господа. — Уходите отсюда. Расходитесь, разойдитесь, вдругъ бросилась на толпу полиція и принялась ее расталкивать самымъ грубымъ образомъ.

Произошла толкотня и замѣшательство.

— Что они, одурѣли, что ли? Надо ихъ остановить! произнесъ Рѣзниченко, стоявшій рядомъ со мной.

— Приставъ, крикнулъ я,—подходя къ распоряжавшемуся полицейскому чиновнику, разстегивая при этомъ кобуръ висѣвшаго у меня сбоку „Браунинга,“—

безтактность съ вашей стороны уже начинается. Потрудитесь уговорить вашихъ разнузданныхъ подчиненныхъ. Вы не забывайте, что теперь наступили совсѣмъ другія времена — сила теперь не на вашей сторонѣ, а вонъ, на сторонѣ двѣнадцати-дюймовыхъ орудій,—указалъ я рукою на броненосецъ. Не заставляйте же ее примѣнить сейчасъ же къ вамъ. Извольте немедленно прекратить безчинства и оставить народъ въ покоѣ.

— Хорошо, хорошо. Успокойтесь, пожалуйста. Я сейчасъ распоряжусь... засуетился оторопѣлый приставъ. И дѣйствительно, полиція мигомъ притихла и ступевалась изъ толпы.

Насъ снова обступили густой массой со всѣхъ сторонъ и мы стали спокойно продолжать свои революціонныя рѣчи. Тов. Кошуба говорилъ въ одномъ концѣ, а я и тов. Рѣзниченко въ другомъ.

Втеченіе получаса мы объясняли, при гробовомъ молчаніи слушателей, цѣль и задачу нашей политической борьбы съ существующимъ строемъ. Въ заключеніе, мы обратились ко всѣмъ присутствующимъ съ призывомъ взяться сейчасъ же за оружіе и вмѣстѣ съ нами вступить въ освободительную борьбу, начавъ съ захвата въ свои руки хотя бы города Феодосіи.

.....Жизнь кругомъ насъ стала до того невыносимой, говорилъ я,—столько въ ней невинныхъ слезъ и народнаго горя, что даже мы, забитые дисциплиной матросы, не могли дольше смотрѣть безъ содроганія на несчастія и муки нашей родины. Нѣтъ въ нашей жизни ни громкаго голоса правды, нѣтъ у насъ ни въ чемъ справедливости. Дикое самоуправство чиновныхъ грабителей, обирание крестьянъ, избіеніе рабочихъ, наглая ложь давятъ собою всю Россію. Не сегодня, завтра поймутъ это и другіе солдаты. Всюду поднимутся они слѣдомъ за нами на защиту народа и противъ враговъ, обогранныхъ его кровью...

Шумъ апплодисментовъ и одобрительныхъ криковъ не далъ мнѣ продолжать дальше. Толпа была крайне возбуждена и поднялся восторженный гулъ.

— „Ну, не правду-ли я говорю“, вдругъ неожидан-

но обратился я шутливо къ полицейскому, стоявшему рядомъ со мной, и положилъ ему руку на плечо.

— „Оно, конечно, вѣрно. Что правда, то правда“, пробормоталъ онъ при стихнувшемъ вдругъ шумѣ и не зная куда дѣваться отъ устремленныхъ на него сотенъ глазъ.

— „Разъ по твоему все это правда, то скажи ты намъ теперь, передъ всѣмъ народомъ—сколько ты людей за всю свою службу перетаскалъ за шиворотъ въ участокъ и за что ты ихъ туда таскалъ. Смотри, говори только всю правду и не лги. Теперь настало время народнаго суда надъ всѣми вами и тебѣ совѣтую чистосердечно покаяться, пока не поздно“.

Видъ у полицейскаго былъ до того растерянный, что онъ долго не могъ произнести ни одного слова.

Чувство страха передъ возможностью народнаго суда у него, очевидно, было такъ велико, что онъ вздумалъ было юркнуть отъ меня въ толпу, но я крѣпко держалъ его за плечо и предупредилъ эту попытку.

— „Ну, скажи, будешь ты теперь притѣснять народъ и таскать бѣдняковъ въ кутузку или стегать нагайкой людей, добивающихся правды на землѣ?“ допрашивалъ я его дальше, дѣлая строгій видъ.

— „Что вы, что вы. Какъ это можно. Мы и раньше никого не обидѣли. Это все наше начальство. Оно приказываетъ, а мы непричемъ. У меня семейство... тоже дѣти“... запинаясь бормоталъ полицейскій и краска стыда залила его лицо.

— „Такъ вотъ, если ты правду любишь, дѣтей любишь, свою семью... то иди и выпори хорошенько нагайкой свое начальство за то, что оно заставляло тебя дѣлать зло невиннымъ людямъ, отцамъ и матерямъ“...

При этихъ словахъ взрывъ смѣха оглушительно пронесся по толпѣ. Полицейскій же вывернулся у меня изъ рукъ и моментально скрылся съ глазъ.

Послѣ этой юмористической сцены, я принялся открыто раздавать захваченную нами на случай прокламацію—„Ко всему цивилизованному міру“.

Я отдавалъ уже послѣдній экземпляръ, когда сзади

послышались голоса: „Шпіонъ перехватилъ! Шпіонъ взялъ! Держите его!“

Но шпіонъ успѣлъ улизнуть, унеся съ собою прокламацію.

Въ тотъ моментъ мы чувствовали себя господами положенія, а поэтому естественно, что подобное нахальство насъ страшно возмутило.

— „Приставъ!“ — рѣзко обратился я къ близъ стоящему полицейскому офицеру.

— Что прикажете? — подскочилъ онъ, держа руку подъ козырекъ.

— „Я уже васъ одинъ разъ предупреждалъ, но вы, очевидно, рѣшили вызвать кровопролитіе!“ крикнулъ я.

— „Что такое, что такое?“ — засуетился приставъ.

— „Ваша полиція опять безобразничаетъ и второй разъ допускаетъ безтактность. Сейчасъ на глазахъ у всѣхъ какой то сыщикъ перехватилъ одну изъ прокламацій, которыя я раздавалъ народу. Вы понимаете? Народу, а не полиціи! Какое вы имѣете право хватать то, что вамъ совсѣмъ не предназначалось? Если вы не хотите, чтобы мы пустили въ ходъ свои мѣры, потрудитесь распорядиться немедленно отыскать прокламацію, а мы не двинемся отсюда до тѣхъ поръ, пока не получимъ ее обратно въ руки. Поняли?“ — грозно заключилъ я.

Приставъ понялъ, что мы далеко не шутимъ и опрометью бросился по моему указанію отыскивать похитителя.

На лицахъ зрителей выражался неподдѣльный восторгъ при видѣ того, какъ тряслась передъ нами всесильная администрація—эти земные боги. Довольно долго мы стояли еще на берегу и бесѣдовали съ жителями Θεодосіи. Но вотъ, расталкивая толпу, къ намъ подбѣжалъ приставъ.

— „Извините, господинъ!“ — обратился онъ ко мнѣ.

— „Я не господинъ, а простой матросъ“, — поправилъ я его.

— „Ну, всеравно. Извините, господинъ матросъ. Я хотя и не отыскалъ вашей прокламаціи, но мы ее

постараемся найти и обязательно пришлемъ на судно. Будьте ужъ покойны“,—отрапортовалъ приставъ.

— „Хорошо, мы подождемъ еще немного“, не безъ достоинства согласились мы.

— „Да, да, да, пожалуйста. Мы обязательно пришлемъ, какъ только она будетъ отыскана“,—подтвердилъ приставъ еще разъ.

Времени, однако, терять было нельзя и мы отплыли къ своему судну. Всю дорогу насъ провожали крики толпы, восторженно посылавшей намъ вслѣдъ революціонные возгласы и всякія напутствія.

* * *

На броненосцѣ уже были представители города и совѣщались въ адмиральской съ нашимъ комитетомъ.

Прежде всего, мы предъявили имъ требованіе снабдить насъ необходимой провизіей, прѣсной водой и углемъ. Какъ борцы за гражданскія права всего населенія Россіи, мы считали себя вправѣ требовать матеріальной поддержки отъ жителей города Θεодосіи.

Представители города охотно согласились съ нашей аргументаціей и выразили полную готовность помочь намъ въ нашемъ затруднительномъ положеніи всѣмъ, чѣмъ могутъ. Городской голова убѣдительно просилъ только не бомбардировать Θεодосію и не причинять никакихъ несчастій мирнымъ обывателямъ.

Со своей стороны мы, конечно, увѣрили въ полной гарантіи неприкосновенности жителей, разъ только мѣстныя власти сами не вынудятъ насъ къ какимъ-либо кровавымъ мѣрамъ и насильственнымъ дѣйствіямъ.

Дальше, совмѣстно съ ними, мы выработали слѣдующій списокъ требуемыхъ нами запасовъ:

Угля 30,000 пуд.	Краснаго вина для больныхъ и машинной команды 1 боченокъ.
Воды 40 тоннъ.	Тобаку 3 пуда.
Мяса 40 пуд.	Ящикъ папирсной бумаги.
Быковъ (живыхъ)—8.	Хлѣба 100 пуд.
Масла для машины 50 п.	
Пакли 10 пуд.	
Соды 5 пуд.	

Муки 200 пуд.

Для больныхъ: яицъ,

куръ, утокъ и пр.—

сколько возможно.

Все это представители города пообѣщали закупить и послать намъ сейчасъ же.

Послѣ окончанія хозяйственной части засѣданія, мы ознакомили ихъ со всѣми событіями, какъ на самомъ броненосцѣ, начиная съ возстанія на Тендрѣ, такъ и съ происшествіями въ Одессѣ. Въ заключеніе я произнесъ рѣчь и изложилъ нашу политическую программу, указавъ на всеобщее избирательное право и демократическую республику, какъ на единственное, по нашему мнѣнію, прочное основаніе будущей народной свободы. Это наша ближайшая цѣль, какъ соц.-демократовъ, и мы не сложимъ оружія, пока не добьемся ея, хотя бы цѣною жизни всѣхъ насъ.

Представители города выслушали насъ очень внимательно и одинъ изъ нихъ также отвѣтилъ краткой политической рѣчью.

Въ цвѣтистыхъ и изысканныхъ выраженіяхъ онъ провель передъ нами свою либеральную программу, заявляя въ концѣ, что по его мнѣнію, для уравниванія политическихъ силъ цѣлесообразнѣе всего создать управленіе страной по типу двухпалатной системы, какъ это осуществлено уже въ нѣкоторыхъ государствахъ Зап. Европы.

Вступать съ ораторомъ въ дебаты, конечно, было бы тогда смѣшно и мы просто заявили, что будущая недалекая дѣйствительность покажетъ, чья „система“ возьметъ перевѣсъ.

Затѣмъ, радушно распрощались и проводили ихъ всѣхъ на катеръ. Городскіе делегаты торопились выполнить взятыя на себя обязательства и мы не стали ихъ удерживать.

— „Всего хорошаго. Всякаго благополучія. Спасибо за участіе“, кричали наши матросы отъѣзжающему городскому катеру.

Съ катера въ отвѣтъ замахали шапками.

— „Только, господа, щадите жителей. Еще разъ

прошу васъ объ этомъ“, — громко произнесъ городской голова, раскланиваясь съ катера.

— „Конечно, конечно. Можете быть спокойны“, дружно отвѣтили матросы.

Катеръ скоро повернулъ за волнорѣзъ и скрылся въ гавани.

— „Хорошіе, братецъ мой, люди. Сейчасъ согласились дать намъ все“, — весело переговаривались матросы.

— „Сегодня ши съ мясомъ будемъ ѣсть“, торжествующе кричали другіе.

Вообще, команда, видимо, чувствовала себя въ самомъ лучшемъ настроеніи отъ столь удачнаго начала нашихъ переговоровъ.

Когда же, около 12-ти часовъ къ борту „Потемкина“ пристала шаланда, нагруженная всякой провизіей и живыми быками, то наши матросы еще больше развеселились.

Перспектива мясного обѣда, котораго мы лишились уже давно, радовала всѣхъ, и команда, безъ всякихъ понужденій, принялась сама за энергичную разгрузку привезенныхъ богатствъ.

На шаландѣ прибылъ одинъ изъ представителей города, чтобы сдать намъ провизію лично и взять отъ насъ соответствующія расписки. Съ нимъ пріѣхалъ еще какой-то корреспондентъ французскихъ газетъ, которому матросы предупредительно стали показывать всѣ достопримѣчательности броненосца и водили его по всему судну, позволяя дѣлать при этомъ нѣкоторые фотографическіе снимки.

Всякой провизіи хотя было доставлено много, но далеко не все, что мы просили. Представитель города извинялся, что нѣкоторыхъ припасовъ, какъ угля, воды и соды имъ не удалось достать сейчасъ же. Другіе же — папиросная бумага, четыре быка, чай и сахаръ ими хотя и пріобрѣтены, но при нагрузкѣ ихъ на шаланду вмѣшались почему-то военныя власти и конфисковали. Все остальное, хотя и съ большимъ трудомъ, имъ всетаки благополучно удалось доставить намъ.

Начальникъ мѣстнаго гарнизона рѣшилъ ничего намъ не пропускать, бросая этимъ вызовъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ.

Мы рѣшили не отступать ни передъ чѣмъ и добиться, какъ возвращенія конфискованныхъ быковъ, такъ и доставки намъ угля, пока же приступить къ изготовленію обѣда и распредѣленію полученной провизіи.

* * *

Послѣ обѣда въ гавань вошелъ какой-то коммерческой пароходъ съ массой пассажировъ на палубѣ. Нашъ сигнальщикъ еще издали наблюдалъ за приближеніемъ этого судна и, по его словамъ, оно, судя по курсу, шло изъ Севастополя. Разсчитывая получить отъ него свѣдѣнія о положеніи въ Севастополѣ, о состояніи эскадры и о запасахъ находящагося на немъ угля, мы немедленно отправились на прибывшій корабль. Судно только еще готовилось бросить якорь и не спустило траповъ, когда мы подѣхали къ борту. Масса пассажировъ сбѣжалась на палубу и съ любопытствомъ устремила взоры на нашъ катеръ съ вооруженными матросами.

— „Откуда идетъ вашъ корабль?“ обратился я къ публикѣ.

— „Изъ Севастополя!“ крикнуло сверху нѣсколько голосовъ.

— „Что тамъ, все спокойно?“ спросилъ я.

— „Повидимому спокойно хотя мы хорошо не знаемъ, такъ какъ простояли тамъ всего нѣсколько часовъ“, отвѣтилъ голосъ изъ публики.

— „А въ Россіи, что слышно?“ задалъ вопросъ одинъ изъ нашихъ матросовъ.

— „Въ Россіи? Развѣ вы газетъ не читали?“

— „Нѣтъ, давно уже ихъ не видѣли“.

— „Ну, такъ ловите!“ крикнуло нѣсколько голосовъ и въ нашъ катеръ сверху посыпались газеты и телеграммы.

— „Спасибо! Спасибо!“—радостно благодарили матросы, торопливо подхватывая налету свѣжія вѣсти о родинѣ.

Громко перекликаться было неудобно и мы рѣшили взойти на корабль.

Около пристани, на набережной, куда направился нашъ катеръ, собралась громадная толпа самой разнообразной публики. Приставши къ спуску, я и тов. Рѣзниченко выпрыгнули на берегъ и пошли къ пароходу. Вдругъ, публика отхлынула вся въ стороны и передъ нами выступила полурота солдатъ, торопливо прибѣжавшая съ другого конца мола.

— „Не пропускать!“ коротко скомандоваль офицеръ.

Солдаты вытянулись цѣпью и стали плотной стѣной противъ насъ, недалеко отъ подъема на пароходъ.

Я быстро и увѣренно подошелъ къ одному солдату и, ударивъ себя рукой по груди, крикнулъ: „Коли! Или я силой пройду впередъ!“

Солдаты растерялись и отступилъ шагъ назадъ.

„Коли! повторилъ я опять, настойчиво наступая на него. Вѣдь я бунтовщикъ! Правительство и „начальство“ по нашему—злодѣи, грабящіе насъ и проливающие народную кровь. Если по твоему это не такъ,—коли меня сейчасъ же и я не тронусь съ мѣста“.

Молодой солдатикъ окончательно оторопѣлъ и еще больше попятился назадъ, таща за собою винтовку.

— „Что же ты не колешь?“ возбужденно крикнулъ я.

— „Зачѣмъ мнѣ колоть? Мы тоже, вѣдь, правду понимаемъ“... громко проговорилъ солдатъ и по всей цѣпи послышался ропотъ одобрения.

— „Ну, такъ если ты правду понимаешь и любишь ее, то коли сейчасъ же твоего начальника, который посылаетъ тебя какъ цѣпную собаку, убивать людей, борющихся за правое дѣло!“

Солдаты заволновались.

— „Цѣпь кругомъ! Шагомъ маршъ!“—вдругъ скомандоваль офицеръ, поблѣднѣвшій при послѣднихъ моихъ словахъ.

Цѣпь повернулась и торопливо ушла съ мола.

— „Браво!—Браво матросы!“ зашумѣла кругомъ толпа, когда мы слѣдомъ за солдатами двинулись дальше. Поднявшись по трапу на корабль, Рѣзниченко остался на палубѣ бесѣдовать съ пассажирами, а я прошелъ

въ каюту капитана. Послѣдній очень любезно принялъ меня и охотно сообщилъ все, что зналъ по интересующимъ насъ вопросамъ. Поговоривъ съ нимъ около четверти часа, я вышелъ наверхъ и мы снова направились къ своему катеру.

Здѣсь толпились тысячи горожанъ всевозможныхъ званий и положеній—рабочіе, торговые люди, женщины, нѣсколько студентовъ, чиновники и даже одинъ, два офицера тѣснились къ катеру, забрасывая нашихъ матросовъ всевозможными вопросами.

Пользуясь такой благопріятной минутой я всталъ на корму катера и произнесъ горячую рѣчь, призывая всѣхъ гражданъ послѣдовать примѣру „Потемкина“ и вступить въ открытый, рѣшительный бой съ абсолютизмомъ.

Тишина воцарилась мертвая. На лицахъ слушателей порою загоралось неподдѣльное одушевленіе и многие были сильно взволнованы открытымъ и смѣлымъ призывомъ къ борьбѣ, о которой они раньше боялись даже и подумать про себя.

Вдругъ въ заднихъ рядахъ произошло какое-то замѣшательство и послышались возгласы: „Пропустите! Дайте дорогу!“

Расталкивая толпу и протискиваясь черезъ нее къ намъ, пробивался хромой портъ-артурець. Слѣдомъ за нимъ протискивались еще пять-шесть калѣкъ въ солдатской формѣ. Всѣ устремили взоры на эту необычную картину.

Запыхавшись отъ волненія, передній хромой подбѣжалъ стремительно къ катеру и бросился передъ нами на колѣни. Остальные, обнявивъ головы, столпились вокругъ него. Матросы тоже невольно сняли шапки, пораженные этой неожиданностью.

— „Братцы! Родные братцы!—рыдающимъ голосомъ произнесъ хромой портъ-артурець.—Я къ вамъ. У меня „они“ взяли все. Я калѣка и мнѣ жить не къ чему. Скажите мнѣ, братцы, только одно слово и я своимъ костылемъ перебью головы всѣмъ имъ мерзавцамъ. Я ихъ передую своими руками—скажите только, что нужно, благословите только“...

— „Идите къ намъ! Идите, товарищи, съ нами! Вмѣстѣ будемъ бить нашихъ тирановъ, вмѣстѣ станемъ и умирать!“ — заговорили матросы почти всѣ вразъ, растроганные этимъ искреннимъ взрывомъ наболѣвшаго солдатскаго сердца.

— „Возьмите лодку и пріѣзжайте всѣ къ намъ на броненосецъ. Мы будемъ ходить за вами и кормить, какъ своихъ лучшихъ братьевъ“, — продолжали матросы.

— „Спасибо, родные, на добромъ словѣ!“ — произнесъ старикъ порть-артурецъ, снова поднимаясь на костыли.

— „Спасибо братья матросы!“ — взволнованно сказали остальные калѣки и, надѣвъ на себя шапки, отправились вереницей по молу, чтобы взять первую попавшуюся шляпку. — „Мы сейчасъ пріѣдемъ къ вамъ“. — крикнулъ, обернувшись, одинъ изъ нихъ.

— „Пріѣзжайте! Пріѣзжайте!“ хоромъ раздалось съ нашего катера.

Впечатлѣніе отъ этой трогательной сцены до того было потрясающее, что въ первую минуту никто изъ зрителей не могъ произнести ни одного слова. Но потомъ вдругъ зашумѣли всѣ сразу и страшное возбужденіе охватило всѣхъ. Ругательства и злобныя проклятія по адресу своекорыстнаго правительства невольно срывались съ устъ каждаго и все это слилось въ общій гулъ протеста и революціонныхъ возгласовъ.

Я невольно вскочилъ опять на корму и, охваченный общимъ настроеніемъ, крикнулъ: „Местъ тиранамъ! Смерть народнымъ врагамъ! Къ борьбѣ, товарищи, съ нами, за освобожденіе всей Россіи!“

Тысячная толпа подхватила эти возгласы и бурный гулъ голосовъ раскатился по молу. Сотни шляпъ, картузовъ, зонтиковъ и платковъ долго мелькали въ воздухѣ, когда мы отплыли отъ набережной и направились къ своему судну.

Мы выѣхали на середину гавани, махая въ отвѣтъ своими фуражками. Полные чувства восторга отъ только что пережитого, мы сначала совершенно не обратили вниманія, что съ противоположнаго мола на насъ наводятъ сотни ружейныхъ стволовъ. Только теперь шел-

котня затворовъ привлекла нашъ взглядъ на эту часть порта. За уступами набережной, въ серединѣ гавани, залегло около роты солдатъ и возлѣ нихъ суетился, отдавая приказанія, какой-то офицеръ. Дула винтовокъ направились на нашъ катеръ и защелкали затворы.

— „Бросьте цѣлиться, ребята! Вѣдь мы такіе же какъ вы!“ смѣясь начали кричать наши матросы, махая своими шапками. Они такъ радужно были настроены, что не вѣрили, чтобы по нимъ открыли огонь свои же солдаты.

И дѣйствительно, послѣдніе не сдѣлали ни одного выстрѣла, а высовывали только головы изъ-за барьера и пріятельски улыбались намъ во весь ротъ; и такъ до тѣхъ поръ, пока мы не скрылись за волнорѣзомъ.

* * *

Вернувшись на „Потемкинъ“, мы собрали команду и передали ей все, что узнали на берегу. Особенную сенсацію вызвало среди матросовъ извѣстіе, почерпнутое нами отъ пассажировъ, что будто бы два броненосца—„Екатерина“ и „Синопъ“ тоже взбунтовались и ушли къ турецкимъ берегамъ отыскивать насъ. Угрожающій слухъ о томъ, что севастопольскіе офицеры вооружили одинъ изъ контръ-миноносцевъ и разыскиваютъ „Потемкина“, чтобы взорвать его на воздухъ, вызвалъ только общій смѣхъ и остроты. Удручающее впечатлѣніе произвели телеграммы, которыя мы захватили съ собой съ парохода. Въ нихъ было правительственное сообщеніе о позорной сдачѣ „Георгія Побѣдоносца“, о преданіи военному суду тамошнихъ нашихъ товарищей и о неудачной попыткѣ возстанія на учебномъ суднѣ „Прутъ“, которое случайно не застало насъ на одинъ или два часа въ Одессѣ.

Толкуя и обсуждая всѣ эти извѣстія, матросы разошлись группами по броненосцу, а мы отправились въ каютъ-компанію на совѣщаніе. Нами было получено сообщеніе съ берега о томъ, что военная власть категорически отказалась разрѣшить намъ снабжаться провизіей и конфисковывали все, что ни направлялось горожанами къ намъ.

Положеніе обострялось и нужно было хорошенько обсудить свое дальнѣйшее поведеніе.

Всѣ товарищи были того мнѣнія, что намъ необходимо приступить къ насильственнымъ дѣйствіямъ и бомбардировкѣ, если намъ и дальше будутъ воспрешать доставку всего необходимаго. Особенно критическимъ вопросомъ являлся у насъ уголь. Запасы его почти уже истощились и приобрѣсти его необходимо было теперь же, хотя бы и съ рискомъ для своей жизни. На пришедшемъ же пароходѣ изъ Севастополя оказалось угля ничтожное количество и предполагали поэтому уголь достать въ желѣзнодорожныхъ складахъ.

На этомъ совѣщаніи, помню, особенно горячо настаивалъ на крутыхъ мѣрахъ и революціонномъ образѣ дѣйствій тов. Звенигородскій, упрекавшій всѣхъ остальныхъ въ нерѣшительности и колебаніяхъ. Въ концѣ засѣданія подавляющее большинство склонилось въ его сторону и мы постановили отправить письменный ультиматумъ начальнику гарнизона и при отказѣ выполнить его, начать наступленіе на городъ, попытавшись захватить его въ свои руки.

Содержаніе этого ультиматума было слѣдующее:

Начальнику Феодосійскаго Гарнизона

Заявленіе.

Ввиду того, что по вашему распоряженію полиція и войска препятствуютъ снабженію насъ провизіей и конфискують ее—такъ у насъ конфисковали уже на берегу 4-хъ быковъ, ящикъ папирозъ и мн. др.; ввиду того, что мы не можемъ обойтись безъ угля и прѣсной воды, доставка которыхъ также воспрещена вами, мы заявляемъ, что если завтра къ 6-ти час. утра все это не будетъ доставлено къ нашему судну, то мы будемъ вынуждены приступить къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и взять все необходимое силой.

При этомъ мы даемъ еще 4 часа сроку для оставленія города всѣми мирными жителями.

Команда революціоннаго броненосца
„Князь Потемкинъ Таврической“.

Судовая печать.

Копію съ этого заявленія, напечатанную также на пишущей машинѣ, мы адресовали въ городскую управу для извѣщенія жителей.

Итакъ, въ случаѣ упрямаго упорства начальника гарнизона, мы рѣшили завтра съ 10 часовъ утра открыть орудейную пальбу по городу.

Не могу сказать, чтобы при подобной перспективѣ, каждый изъ товарищей чувствовалъ въ своей душѣ полную твердость духа и ясность сознанія цѣлесообразности этой мѣры. Вѣрнѣе всего, большинство сознавало только неизбѣжность этого зла и не находило никакого другого исхода изъ даннаго положенія, обостреннаго безтактностью властей. Кто смутно, а кто и вполне ясно понималъ, что пушечная пальба по родному городу, гдѣ тысячи своихъ же братьевъ, а можетъ быть и горячихъ единомышленниковъ—тяжелый удѣлъ людей, поставленныхъ въ необходимость приносить гибель и разрушеніе тѣмъ, ради общаго блага и ради счастья которыхъ все это совершалось. Мы ни въ коемъ случаѣ не могли сравнивать себя съ людьми, находящимися передъ непріятельскимъ городомъ или передъ непріятельскимъ станомъ, подлежащимъ завоеванію силой, и всѣми средствами, допускаемыми современной цивилизаціей между двумя воюющими сторонами. Нѣтъ. Мы должны были какъ бы завоевывать нашихъ же друзей, разстрѣливать ихъ дома и разрушать ихъ жилища...

Врагъ же нашъ—продажные слуги ненавистнаго всѣмъ деспотизма были какъ бы неуловимы и невидимы для того, чтобы предать ихъ всѣхъ разстрѣлу 20-ти пудовыми снарядами.

Въ этомъ заключался весь трагизмъ нашего поло-

женія; это связывало свободу нашихъ дѣйствій и, въ концѣ концовъ, это и погубило насъ на слѣдующій день. Но объ этомъ послѣ.

* * *

Часовъ въ 10 вечера тов. Рѣзниченко и я опять поѣхали въ портъ, чтобы передать наше заявленіе. На случай нашего ареста, мы условились съ оставшимися товарищами на суднѣ, что извѣстимъ ихъ объ этомъ выстрѣлами изъ винтовокъ.

На берегу было безлюдно, тихо и темно, когда мы подъѣхали къ набережной. Только удары копытъ конныхъ патрулей о каменную мостовую, разѣзжавшихъ вокругъ порта, звонко раздавались при общемъ безмолвіи. Очевидно, городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи и жизнь въ немъ замерла.

При выходѣ на набережную насъ встрѣтилъ патруль солдатъ и полиціи. Мы заявили, что желаемъ видѣть немедленно городского голову или начальника гарнизона, чтобы передать имъ отъ „Потемкина“ важныя бумаги.

Одинъ изъ полицейскихъ сейчасъ же побѣжалъ въ городъ извѣстить свое начальство о нашемъ желаніи. Въ ожиданіи его возвращенія мы усѣлись тутъ же на причальные столбы и вступили въ разговоръ съ солдатами. Бесѣда наша приняла скоро самый задушевный характеръ, такъ какъ нѣкоторые изъ солдатъ оказались земляками, изъ одной волости и губерніи со многими изъ сопровождавшихъ насъ матросовъ. Солдаты увѣряли насъ, что они никогда не станутъ стрѣлять по „Потемкинцамъ“, такъ какъ сочувствуютъ и понимаютъ ихъ дѣло. Разговоръ нашъ вскорѣ былъ прерванъ пріѣхавшимъ на извозчикѣ членомъ городской управы.

— „Въ чемъ дѣло, господа?“—обратился онъ, горлоплоиво соскакивая съ пролетки и подходя къ намъ.

Извинившись за причиненное безпокойство въ такой поздній часъ, мы объявили ему цѣль нашего пріѣзда и вручили печатное заявленіе на имя городского головы.

Представитель города, прочитавъ этотъ ультиматумъ,

страшно взволновался и сталъ упрашивать насъ не разрушать города, говоря, что можетъ быть, удастся еще мирно доставить намъ все необходимое. Въ крайнемъ же случаѣ онъ просилъ обождать прїѣзда губернатора, ожидаемаго въ Θεодосію съ часу на часъ.

Затѣмъ онъ снова сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ начальнику гарнизона, чтобы передать и ему наше заявленіе и попытаться уговорить его разрѣшить намъ погрузку угля.

Исполнивъ свое порученіе, мы направились уже къ катеру, но остановились, увидавъ бѣгущаго къ намъ по молу офицера съ нѣсколькими солдатами.

— „Окружить ихъ!“—скомандовалъ офицеръ, подходя къ намъ.

Солдаты, однако, стали въ отдаленіи и не двигались съ мѣста.

— „Окружить ихъ! Арестовать!“—продолжалъ горячиться офицеръ, обращаясь къ солдатамъ.

Но послѣдніе колебались и не рѣшались подойти близко къ намъ. Рѣзниченко, по моему настоянію, прыгнулъ въ катеръ и матросы взяли за винтовки, приготовившись на всякій случай. Я же отстегнулъ только кобуръ своего револьвера и остался спокойно стоять на прежнемъ мѣстѣ.

— „Не выпускайте ихъ! Окружить!“—закричалъ снова офицеръ, выходя изъ себя отъ неповиновенія солдатъ.

— „Что же вы, братцы? Окружите же наконецъ! А то офицеръ вашъ со злости лопнетъ. Посмотрите, какой онъ уже красный?“ произнесъ я, указывая пальцемъ на побагровѣлое лицо рьянаго поручика.

Солдаты, конфузясь и колеблясь, подвинулись немного впередъ.

— „Идите ближе! Не бойтесь! Заходите кругомъ!“ продолжалъ я.

И солдаты нерѣшительно подошли еще ближе.

— „Стоять такъ и не выпускать!“—приказалъ офицеръ и усѣлся въ ожиданіи чего то неподалеку отъ меня.

Когда солдаты расположились вокругъ меня и успокоились, я обратился къ нимъ.

— „Теперь вы сами видите, братцы, какіе наемные подлецы бываютъ у нашего правительства. Вотъ хотя бы этотъ офицеръ.—указаль я пальцемъ на поручика.— Окружить!—Арестовать!—кричить онъ.—А кого окружить и за что арестовать, онъ вамъ даже не объяснилъ. Вотъ такъ же и стрѣлять васъ заставляютъ въ невинный мирный народъ. Просто скажутъ вамъ какъ собакамъ—„усь“,—„пли“—и вы кидаетесь на людей, хотя это можетъ быть ваши родные и друзья и добиваются для васъ же лучшей жизни“...

— „Отойди дальше!“ — заревѣлъ вспыхнувшій офицеръ и, вскочивъ, принялся отталкивать отъ меня солдатъ.

— „Ишь, совѣсть-то какъ растерялась у вашего начальника!“ иронически замѣтилъ я.— „Онъ самъ не знаетъ, что ему дѣлать:—то окружить велѣлъ, то отойти приказываетъ“...

— „Они постоянно такъ вертятъ нами, какъ деревянной пѣшкой!“ — подзадоривали матросы съ катера.

— „А мы такихъ мерзавцевъ давно утопили въ морѣ!“—громко добавилъ Никишкинъ.

Онъ стоялъ на кормѣ съ заряженной винтовкой и зорко слѣдилъ за офицеромъ.

— „Зарядить ружья! Взять на изготовку!“—измѣнившимся голосомъ крикнулъ поблѣднѣвшій офицеръ. Самообладаніе его, очевидно, оставило окончательно и онъ потерялся совершенно, когда увидѣлъ, что ни одинъ изъ солдатъ не тронулъ даже пальцемъ въ отвѣтъ на его приказаніе.

— „Ну развѣ я вамъ не правду говорилъ, что это кровопійца? За жалованье, награбленное съ нашего же брата-крестьянина, да за „крестикъ“ на шею онъ готовъ натравить васъ хоть на отца родного. Не слушайте его лучше и присоединяйтесь къ намъ!“..

— „Кругомъ! Шагомъ маршъ!“ — дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ скомандовалъ офицеръ. Предчувствуя, вѣроятно, расправу зло посматривающихъ на него солдатъ, онъ благоразумно отвелъ ихъ подальше.

— „Мы ему, братцы, за васъ первый зарядъ влѣ-

пимъ“, съ хохотомъ крикнули матросы, когда я прыгнулъ въ катеръ и онъ отчалилъ отъ берега.

— „Да у васъ боевыхъ снарядовъ-то нѣтъ!“—киво улыбаясь, ехидно замѣтилъ офицеръ намъ въ догонку.

— „А вотъ завтра ты увидишь, какой въ тебя влетитъ—холостой или боевой!“ — смѣясь прокричалъ въ отвѣтъ тов. Никишкинъ.

Инцидентъ былъ исчерпанъ и мы поѣхали къ броненосцу, скрывшись скоро въ ночной темнотѣ съ озлобленныхъ глазъ поручика, морально разбитого и уничтоженного нами за его неумѣстную ретивость.

На суднѣ, когда мы вернулись, вся команда уже спала и на кораблѣ царила тишина.

* *
*

Подѣлиться пережитыми впечатлѣніями было не съ кѣмъ и я одинъ бродилъ по судну, подводя мысленно итогъ прожитого дня и обдумывая возможное будущее. Перспектива была, собственно говоря, не изъ отраднѣхъ. Завтра, въ случаѣ отказа въ нашихъ требованіяхъ, предстоитъ бомбардировка города, а, можетъ быть, и настоящая схватка съ гарнизономъ.

Самый фактъ сраженія мнѣ не казался ни страшнымъ, ни невозможнымъ. Но скверность положенія заключалась въ томъ, что нельзя было хоть приблизительно представить себѣ, съ кѣмъ именно предстоитъ намъ сражаться и что собственно мы будемъ разрушать своими снарядами. Расположеніе города намъ было совершенно неизвѣстно, такъ же какъ и настроеніе населенія. Будетъ ли оно намъ сочувствовать и содѣйствовать, или же отнесется пассивно, какъ посторонній зритель?..

Сколько здѣсь войскъ, каковъ ихъ составъ и гдѣ они расположены? Есть ли артиллерія и гдѣ она установлена? Каковъ духъ солдатъ и ихъ начальниковъ?

Ничего этого мы не знали. Съ берега же никто изъ друзей не пріѣзжалъ, какъ мы усиленно ни приглашали къ себѣ кого-либо изъ мѣстной соц.-демократической организаци. Тов. Фельдманъ ѣздилъ даже ночью

на берегъ, думая найти тамъ кого-либо изъ своихъ людей, но вернулся безъ результатовъ.

Само собою разумѣется, что полная неопредѣленность окружающей стратегической, военной и общественной обстановки, въ которой намъ предстояло дѣйствовать, не могла не вліять дурно на наше самочувствіе и увѣренность въ дѣйствіяхъ. Тѣмъ болѣе это сказывалось у всей остальной команды.

Большинство матросовъ твердо надѣялось на то, что растерявшіяся власти безъ боя уступятъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. Особенно команда была увѣрена, благодаря проявленнымъ къ намъ симпатіямъ за этотъ день со стороны солдатъ, что никто изъ нихъ низачто не будетъ стрѣлять въ насъ.

Дѣйствительность жестоко разочаровала ихъ въ этой наивной увѣренности. Заставъ нашу команду врасплохъ, она привела ее въ смятеніе и разстройство,—и въ результатъ „Потемкинъ“ снова позорно бѣжалъ, кончивъ безславно въ Румыніи свою, блестяще начатую, эпопею.

Перейду, однако, къ описанію самихъ событій.

* * *

Рано утромъ, часовъ въ 8 (это было 23-го іюня) меня разбудилъ тов. Фельдманъ.

— „Вставайте, нужно ѣхать въ портъ за углемъ“—сказалъ онъ, расталкивая меня.

— „Дайте мнѣ, пожалуйста, отдохнуть! Я страшно усталъ и легъ сегодня только въ 4 часа! Съѣздите сами!“ проговорилъ я въ полуснѣ и, повернувшись на другой бокъ, снова заснулъ.

Но спать мнѣ пришлось недолго.

Сквозь сонъ слышу какой-то шумъ, топотъ многочисленныхъ ногъ надъ головой, бѣготню и громкіе голоса. Вдругъ кто-то съ силой дернулъ меня за плечо.

— „Товарищъ Кириллъ! Кириллъ! Вставайте скорѣй! Нашихъ стрѣляютъ!“

Я вскочилъ и сѣлъ на диванъ, силясь прійти въ

себя и понять въ чемъ дѣло. Передо мной стоитъ тов. Коваленко и трясеть меня за плечо.

— „Нашихъ матросовъ стрѣляютъ въ порту и пули летятъ по всему броненосцу“, — въ страшномъ волненіи проговорилъ онъ.

Сонъ соскочилъ съ меня, какъ отъ ушата холодной воды и я опрометью бросился на „бакъ“ вслѣдъ за Коваленко.

Тутъ уже была полная картина паническаго безпорядка.

Кто бѣжалъ къ пушкамъ и кричалъ: — „Бей ихъ, мерзавцевъ! Стрѣлай по солдатамъ! Нечего жалѣть проклятыхъ армяковъ!“

Другіе гнались слѣдомъ за ними и хватая за руки, упрашивали не стрѣлять. — „Нельзя палить въ городъ! Невинныхъ людей перебьемъ, а солдатъ отсюда и не видать даже!“

— „Подать снаряды къ пушкамъ!“ — раздавалось въ батарейной палубѣ.

— „Не нужно зарядовъ! Нельзя стрѣлять!“ шумѣли другіе голоса.

— „Уходите всѣ съ бака. Уходите всѣ сверху. Пули летятъ сюда“, въ паническомъ ужасѣ кричала толпа и при видѣ того, какъ пули щелкали въ броню судна, бросилась внутрь.

Ни увѣренной команды, ни властнаго приказанія... Сумятица полная и я долго не могъ понять ничего бѣгая спросонья по судну, какъ угорѣлый.

— „Катеръ идетъ! Трапы давайте! Бѣгите къ трапу!“ — закричало нѣсколько голосовъ.

Черезъ минуту-двѣ къ трапу подѣхалъ нашъ катеръ, а къ другой сторонѣ корабля подошелъ нашъ миноносецъ. Лица у матросовъ и въ томъ и въ другомъ были мертвенно блѣдны. На суднѣ у насъ сразу все стихло. Молча изъ катера выпрыгнулъ тов. Матющенко.

— „Носилки!“ — кратко приказалъ онъ. — „Циркуновъ убить“, — добавилъ онъ глухо.

Молчаливая, трагическая картина... Съ опущенными головами толпятся матросы, съ ужасомъ во взорахъ...

На носилкахъ поднимають по трапу безжизненный трупъ Циркунова. Голова его разбита пулей, изъ черепа сочится кровь и выбитые мозги. Тихо его проносятъ мимо матросовъ, при гробовомъ молчаніи.

Слѣдомъ за нимъ выносятъ раненаго матроса Козленка, а затѣмъ съ миноносца втаскивають еще двухъ матросовъ съ окровавленными ногами—Ковалева и Пересѣдова.

— „Арестовали! Нашихъ матросовъ ведутъ въ порту!“ — вдругъ неестественно какъ-то прокричалъ сверху сигнальщикъ.

Всѣ инстинктивно вздрогнули и вдругъ картина сразу перемѣнилась.

— „Къ орудіямъ, товарищи!“

— „Выручать надо ихъ!“

— „Смерть армякамъ!“

— „Бей боевую тревогу!“

Раздались дикіе крики возбужденныхъ матросовъ и многіе изъ нихъ стремглавъ помчались къ своимъ постамъ, чтобы открыть огонь по набережной.

Большинство, однако, бросилось имъ препятствовать и кричать, что нельзя стрѣлять, что лучше уйти въ море и т. д. На этихъ малодушныхъ людей видъ убитыхъ и раненыхъ товарищей произвелъ совершенно другое впечатлѣніе. Чувство страха только лишь за себя; боязнь стрѣльбой съ броненосца вызвать еще болѣе жестокую отвѣтную пальбу изъ города; инстинктъ самосохраненія и утрата, вслѣдствіе паники, простого товарищескаго чувства охватили собою эти мало революционные элементы. Всеобщій шумъ, перебранка другъ съ другомъ, толкотня и суматоха привели къ такому же позорному результату, что и въ Одессѣ, въ моментъ измѣны „Георгія Побѣдоносца“.

Кто-то крикнулъ: „въ Румынію“.—И этотъ крикъ невольно подхватили сотни голосовъ растерявшейся команды. Напрасно сознательные товарищи въ разныхъ концахъ судна горячо убѣждали не терять присутствія духа и не позорить себя вторичнымъ бѣгствомъ.

— „Куда вы ѣдете, безумные?“—кричали мы.—„Это подлость! Это тяжкое преступленіе передъ брошен-

ными на берегу товарищами! Остановитесь! Не кладите на себя пятна, которое вамъ послѣ уже не смѣть ничѣмъ!..

— „Идемте лучше на берегъ и честно умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, рядомъ съ убитыми. Они погибли на нашихъ глазахъ и наша совѣсть будетъ стонать проклятіемъ всю жизнь, какъ у жалкихъ трусовъ и предателей!..

Рядомъ со мной рыдалъ машинистъ Бѣликовъ. Онъ умолялъ не уходить въ море, не отомстивши за дорожную кровь своихъ лучшихъ товарищей.

Толпа, однако, не хотѣла насъ слушать. И въ эту критическую минуту мы опять остались въ меньшинствѣ и были какъ бы раздавлены стихійной вакханаліей возникшей паники.

Какъ въ Одессѣ, такъ и здѣсь, судно снялось съ якоря безъ нашего вѣдома и двинулось въ море.

— „На Кавказъ поѣдемте ребята! Тамъ насъ лучше примутъ, чѣмъ здѣсь. Тамъ могутъ всѣ, кто ищетъ честной смерти, высадиться на берегъ и съ оружіемъ уйти въ горы на помощь возставшимъ крестьянамъ“,— попробовалъ было предложить я, не теряя еще надежды привлечь на свою сторону хоть часть растерянной команды.

— „Угля нѣтъ! Угля не хватитъ!“

— „Какъ угля нѣтъ? Палубу сождемъ, мачты изрубимъ!“—махая возбужденно руками, кричалъ въ отвѣтъ одинъ фельдфебель.

— „Все равно! Ыдемъ въ Румынію! Всѣ хотятъ въ Румынію! Сдадимся тамъ, надоѣло ужъ плавать!“—загудѣли въ отвѣтъ голоса.

Нѣкоторые же матросы стали даже злобно грозить мнѣ, чтобы я не мутить команду и пересталъ бы сбивать ее съ принятаго рѣшенія—сдаться въ Румынію.

Все это совершилось такъ быстро, налетѣло какъ ураганъ и смело насъ, уничтоживъ морально...

Я даже и теперь не знаю, кто велѣлъ сняться съ якоря, кто вывелъ судно въ море и кто подсказалъ всей командѣ рѣшеніе идти опять въ Румынію...

Когда я очнулся отъ всей сумятицы, то береговъ

уже не было видно. Чувства злобы, горечи, досады какъ-то сразу хлынули на душу, когда я, взглянувши на берегъ, увидѣлъ лишь далекую синеву Феодосійскихъ береговъ.

„Теперь уже погибло все“, — мелькнуло у меня въ головѣ и сердце сжалось жгучей, острой болью.

Разбитый, мрачный, я тихо пошелъ въ каютъ-компанію, думая найти тамъ поддержку среди товарищей. Я не зналъ еще тогда, что большая часть самыхъ лучшихъ изъ нихъ были убиты или арестованы на берегу.

Матюшенко же и тов. Рѣзниченко хлопотали неотступно около раненыхъ, укладывая ихъ въ больницѣ.

Одинокій, я бессильно опустился на стулъ...

* * *

Много мѣсяцевъ спустя, встрѣтившись за границей съ товарищемъ Фельдманомъ, которому посчастливилось бѣжать изъ рукъ палачей, занесенныхъ было уже надъ нимъ въ Севастопольской тюрьмѣ, я узналъ отъ него всѣ подробности этого трагическаго происшествія.

23-го іюня, утромъ, на броненосцѣ стало извѣстно, что въ порту стоитъ шаланда съ углемъ. Товарищи, обсудивши это извѣстіе, рѣшили немедленно поѣхать и взять уголь силой. Вооружившись винтовками, они сѣли въ катеръ и подъ прикрытіемъ миноносца отправились въ портъ. Катеръ подошелъ къ шаландѣ, стоявшей въ лѣвомъ углу гавани и человекъ десять матросовъ взобрались на нее. Миноносецъ сталъ выжидательно поодаль. Владѣлецъ угля заявилъ, что онъ охотно даритъ его матросамъ, съ условіемъ только, чтобы возвратитъ ему въ цѣлости шаланду. Кошуба, Никишкинъ и Фельдманъ принялись дѣятельно вытаскивать якорь. Матюшенко съ другой частью матросовъ былъ въ катерѣ и готовился взять на буксиръ шаланду, какъ только поднимутъ якорь.

Въ этотъ моментъ на молу, съ двухъ противоположныхъ сторонъ и неподалеку отъ мѣста, гдѣ работали матросы, показались солдаты.

— „Солдаты идутъ! — Солдаты!“

— „Ничего, работай дружи́й! Всеравно стрѣлять не будутъ!“—увѣренно произнесъ товарищъ Кошуба и еще энергичнѣе принялся тянуть якорную цѣпь.

Но мгновеніе... солдаты сомкнулись и раздался оглушительный залпъ. За нимъ другой, третій. Въ катерѣ кто то повалился на дно. На шаландѣ тоже неестественно упалъ въ море Никишкинъ. Отъ такой неожиданности и застигнутые врасплохъ, всѣ какъ то растерялись, не подумавъ даже о сопротивленіи. Фельдманъ, видя, что Никишкинъ тонетъ, прыгнувъ въ воду и, схвативъ его, поплылъ къ катеру.

Катеръ, однако, поражаемый пулями, далъ полный ходъ и помчался вонъ изъ порта. Пули пробивали ему борты и сшибли паровой клапанъ. Надъ головой Матющенки, который выхватилъ штурвалъ у раненаго Козленки, свистѣли пули и надвигали ему неоднократно шапку на лобъ.

И тщетно Фельдманъ гнался за катеромъ съ тяжелой ношей безжизненнаго Никишкина; въ катерѣ всѣ лежали на днѣ и никто не могъ подать ему помощи.

На миноносцѣ наверху лежали двое раненыхъ товарищей, а остальные всѣ тоже были внизу и не видѣли выбивавшагося изъ силъ Фельдмана. Онъ выпустилъ наконецъ изъ рукъ дорогой трупъ и поплылъ дальше одинъ.

Въ сторонѣ и по тому же направленію плылъ Кошуба.

— „Давай я помогу тебѣ!“—крикнулъ онъ, направляясь къ Фельдману и видя его усталость.

— „Нѣтъ, плыви самъ и передай послѣдній привѣтъ броненосцу, а я вернусь къ берегу. У меня не хватаетъ больше уже силъ—проговорилъ, задыхаясь, Фельдманъ и повернулъ обратно.

Кошубѣ, однако, тоже не удалось доплыть до насъ. Его замѣтили съ берега солдаты и открыли по немъ стрѣльбу.

Раненый въ руку, онъ всетаки продолжалъ плыть. Онъ былъ хороши́й пловецъ и въ надеждѣ спастись быстро приближался къ концу волнорѣза.

Солдаты бросились въ шлюпку и догнавъ, вытащили его изъ воды.

Остальные матросы, бывшіе на шаландѣ, при первомъ залпѣ бросились въ трюмъ, и тѣмъ спаслись отъ разстрѣла. Всѣхъ ихъ конечно арестовали. Такимъ образомъ, мы лишились Кошубы, (казненаго уже въ Севастополѣ), Никишкина (пуля прошла ему въ сердце навывлетъ), Фельдмана, Заволошина, Циркунова и другихъ, фамилій которыхъ я не помню.

Заволошинъ заключенъ теперь въ Севастопольской крѣпости и ждетъ надъ собой варварскаго суда служителей самодержавія.

Вотъ краткое изображеніе этого драматическаго эпизода; я перейду теперь къ окончанію своихъ воспоминаній, къ послѣдному акту „Потемкинской“ эпопеи.

ГЛАВА IX.

Паденіе „комитета“ и торжество контръ-революціи.—Всеобщее разочарованіе въ своихъ силахъ.—Приходъ въ Констанцу и сдача „Потемкина“.—Возвращеніе „патріотической“ части команды въ Россію.

Темная, непроницаемая мгла ночи нависла надъ моремъ. Небо было сумрачное и беззвѣздное. Черныя тучи заволокли горизонтъ. Волны сердито пѣнятся и съ шумомъ разрѣзаемая носомъ корабля, быстро пробѣгаютъ вдоль бортовъ. Огни на „Потемкинѣ“ всѣ потушены, все закрыто наглухо и онъ, какъ черное морское чудовище, мѣрно двигается среди непроглядной темноты. Изрѣдка только откроется дверка штурвальной рубки и хлынувшая полоса свѣта мелькнетъ въ окружающей тьмѣ.

Освѣтивъ на секунду контуръ передней части корабля, она снова исчезаетъ и снова броненосецъ сливается съ окружающей темнотой.

На суднѣ мертвая тишина, нарушаемая только похрапываніемъ спящихъ матросовъ.

Въ каютъ-компаніи слабо мерцаетъ свѣтъ электрической лампы, окутанной глухимъ абажуромъ. Матросы приняли на ночь всѣ мѣры, чтобы незамѣченными пройти мимо береговыхъ маяковъ и избѣжать неожиданнаго нападенія.

Погруженный въ глубокое раздумье, я сидѣлъ на диванѣ въ темномъ углу каютъ-компаніи. На душѣ было невыносимо тяжело. Больно было признать, что великое дѣло, такъ успѣшно начатое, кончилось ничтожнымъ и

жалкимъ бѣгствомъ цѣлаго броненосца отъ одного солдатскаго залпа.

Причина такого позорнаго конца, конечно, только отчасти, заключалась въ неожиданности всякихъ случайностей, разражавшихся надъ нами. Главнымъ же образомъ, какъ это ни больно было сознавать, они лежали въ самихъ насъ, въ самой командѣ. Отсутствіе у большинства матросовъ яснаго сознанія своей революціонной роли, своей исторической задачи, было причиной того, что у нихъ не было прочнаго боеваго настроенія, не было твердой вѣры въ свое дѣло и въ свои силы довести его до конца.

Настроеніе команды то повышалось, то падало, какъ морская волна, подъ вліяніемъ стихійныхъ причинъ. При такомъ условіи слѣпая случайность часто являлась господиномъ положенія. Всякое благопріятное обстоятельство вызывало бодрое, порой даже рѣшительное настроеніе и увлекало собою всѣхъ; малѣйшая неудача, какая-нибудь ничтожная неожиданность, заставлявшая команду врасплохъ, наоборотъ, вносила въ ея среду сумятицу и бодрое передъ тѣмъ настроеніе въ одну секунду смѣнялось крайнимъ упадкомъ духа и энергіи. Вначалѣ, когда силы у всѣхъ были свѣжи, подобныя стихійныя колебанія и смѣны въ настроеніи всегда встрѣчали противодѣйствіе и уравнивающее вліяніе со стороны смѣлаго, увѣреннаго въ своей силѣ, революціоннаго „комитета“ матросовъ. Послѣдній быстро оправлялся отъ временнаго пораженія и снова поднималъ своимъ примѣромъ и цѣлесообразными распоряженіями упавшій духъ своихъ товарищей.

Теперь же было не то. За десять дней непрерывной борьбы, неимовѣрныхъ моральныхъ усилій и чрезмернаго физическаго труда, всѣ чувствовали переутомленіе и даже у самой лучшей части товарищей опустились руки. Вѣра въ себя, вѣра въ команду, послѣ двухъ пережитыхъ пораженій, смѣнилась и у нихъ подавленностью духа и сомнѣніемъ въ цѣлесообразности продолженія начатаго дѣла.

Только смутная надежда встрѣтиться въ морѣ или у румынскихъ береговъ съ „Екатериной“ и „Синопомъ“

подогрѣвала и поддерживала еще остатокъ силъ. Надежда эта, однако, была мало вѣроятна и основывалась на весьма сомнительныхъ слухахъ, почерпнутыхъ отъ жителей Феодосіи. Всетаки она тлѣла въ душѣ каждаго и не давала совсѣмъ погаснуть революціонному огню.

Я, собственно, уже не вѣрилъ въ боевое возрожденіе команды. Она открыто и недвусмысленно заявляла: „Довольно плавать! Надоѣло таскаться по морю! Лучше сдаться, а то всѣхъ по одиночкѣ перестрѣляютъ!“ и т. п., и дружно стремилась въ Румынію.

При такомъ положеніи возможны были только два исхода—это или кровавая борьба революціонной части матросовъ со всей остальной командой и захватъ всего судна въ свое исключительное владѣніе, или же мирная сдача «Потемкина» и выходъ вмѣстѣ со всѣми на иностранный берегъ.

Первый исходъ, въ виду сравнительной малочисленности сторонниковъ продолженія борьбы, могъ бы быть самымъ печальнымъ для всего нашего дѣла. Несомнѣнно, мы были бы перебиты, выбросаны въ море и наши побѣдители, во главѣ съ кондукторами, вернулись бы съ повинной въ Севастополь, гдѣ ихъ съ почетомъ и приняли бы, какъ заблудшихся и раскаявшихся овецъ.

Другой исходъ сулилъ изъ всѣхъ золъ всетаки самое меньшее и болѣе почетный конецъ.

Только я, да еще два, три матроса горячо стояли за то, чтобы не сдаваться ни за что въ Румынію, а идти на Кавказъ и тамъ, въ борьбѣ, сложить съ честью свои головы. Если же команда откажется идти за нами, то поставитъ тогда на карту все, включая и свою собственную жизнь.

Остальные товарищи, видимо, поддались общему теченію и насъ не поддержали. Для нихъ была страшна могущая произойти междоусобица среди самихъ матросовъ. Мы остались въ меньшинствѣ и съ этого момента комитетъ морально какъ бы распался и утратилъ всякое вліяніе на команду. „Оппозиція“ взяла теперь верхъ и стала какъ бы во главѣ судна, такъ какъ

управленіе кораблемъ хотя и оставалось въ прежнихъ рукахъ, но эти товарищи дѣлали теперь только то, что нужно было части матросовъ, жаждущей мира.

Послѣ этого мнѣ такъ нестерпимо тяжело было оставаться на суднѣ, настолько унижительнымъ казалось бѣгство въ Румынію отъ труповъ павшихъ товарищей на берегу, что я обратился ко всей командѣ съ требованіемъ высадить меня на берегъ. Я и еще нѣсколько матросовъ просили дать намъ шлюпку, ружья и патроны. Мы предпочитали тогда смерть на берегу, можетъ быть, даже безцѣльную и бессмысленную, той нравственной боли, которую мы испытывали, какъ трусливые бѣглецы. Команда согласилась удовлетворить нашу просьбу и мы стали собираться. Однако, броненосецъ вышелъ уже въ море и берега скрылись изъ глазъ, когда мы окончили свои приготовленія.

Море было бурное и не было никакой возможности добраться до берега въ маленькой шлюпкѣ. Скрѣпя сердце, мы принуждены были отложить свой отъѣздъ, надѣясь высадиться ночью гдѣ-нибудь у крымскихъ береговъ. Однако, и тамъ намъ не пришлось осуществить своихъ намѣреній, такъ какъ курсъ былъ взятъ открытымъ моремъ и береговъ мы такъ и не видали за все время пути.

Все это было еще утромъ въ моментъ нашего ухода изъ Феодосіи и теперь это только невольно приходило на мысль, какъ и цѣлый рядъ другихъ фактовъ, пережитыхъ за этотъ злосчастный день.

До какой степени были натянуты нервы у всей команды за этотъ періодъ скитаній и приключеній и какое потрясающее впечатлѣніе произвела на насъ послѣдняя драма, особенно видъ убитыхъ и раненыхъ товарищей, можетъ характеризовать слѣдующій печальный случай.

Мы выходили уже въ открытое море и порядокъ вновь возстановился на всемъ суднѣ.

Вдругъ на спардекъ выбѣгаетъ какой то матросъ. Безъ шапки, съ блѣднымъ лицомъ и дико сверкающими глазами, онъ сталъ бросаться по палубѣ изъ конца

въ конецъ и изступленно кричать, что нужно взорвать броненосецъ.

Присутствующіе тутъ же матросы, не понимая, что онъ въ ненормальномъ состояніи, бросились къ нему со всѣхъ сторонъ и, скрутивши ему руки, потащили подъ арестъ.

Однако, онъ потерялъ сознание; его внесли въ каютъ-компанію и положили на диванъ. Приведя въ чувство и убѣдившись, что съ нимъ, дѣйствительно, творится что-то неладное, его перенесли въ лазаретъ.

Здѣсь онъ снова впалъ въ забытѣе и вскорѣ скончался, унеся съ собой въ могилу тайну своей неожиданной смерти.

Этотъ случай съ самымъ обыкновеннымъ, ничѣмъ раньше не выдѣлявшимся, матросомъ, можетъ свидѣтельствовать о томъ, насколько были измучены всѣ потемкинцы.

Угнетенное, подавленное настроеніе стало послѣ этого происшествія еще болѣе мрачнымъ и тяжелая моральная атмосфера нависла, какъ кошмаръ, надъ всей жизнью корабля.

Въ такомъ состояніи насъ и засталъ слѣдующій день, 24-го іюня.

Какъ и вчера, я попрежнему безвыходно продолжалъ сидѣть на диванѣ въ каютъ-компаніи, поддавшись окончательно внутренней душевной борьбѣ. Чувства злобы, отчаянья и самообвиненія, чувство боли и горечи отъ безнадежности перспективъ и сознанія своего безсилія найти хоть какой-либо выходъ, чтобы спасти еще великое дѣло, сильно отразились на мнѣ за эту ночь. Но выхода всетаки не было.

Революціонное самочувствіе почти всѣхъ товарищей, видимо, за ночь нисколько не улучшилось; тогда какъ „миролюбивое“ теченіе, стремленіе „анти-боевое“, замѣтно выросло и укрѣпилось за это время. Подавляющее большинство команды горѣло лишь желаніемъ поскорѣе сдаться, высадиться на берегъ и обрѣсти хоть какой-нибудь покой.

Это написано было на лицахъ многихъ матросовъ,

то и дѣло проходящихъ черезъ каютъ-компанію, и слышалось въ отдѣльныхъ отрывочныхъ фразахъ, которыми они перекидывались другъ съ другомъ.

Нужно замѣтить однако, что отказъ дальше продолжать борьбу вовсе не былъ равносильнъ торжеству надъ нами «патріотической группы»—кондукторовъ, шпионовъ и др. Послѣдніе попрежнему оставались въ загонѣ и незначительномъ меньшинствѣ. Ихъ сокровенныя желанія—вернуться съ повинной къ адмиралу Чухнину и засвидѣтельствовать тѣмъ самымъ свои рабскія чувства „начальству“, попрежнему встрѣчали рѣзкій отпоръ почти у всей команды. Она искала только отдыха и окончанія борьбы, но почти никто не хотѣлъ и слышать о какомъ-нибудь раскаяніи или повинной передъ своими прежними «драконами».

Съ одной стороны сознаніе правоты того дѣла, за которое велась борьба въ теченіе всѣхъ этихъ дней, у значительной части команды оставалось прочнымъ и непоколебимымъ и эта часть, безъ боя, безъ междоусобнаго кровопролитія, никогда не допустила бы увести себя вмѣстѣ съ „Потемкинымъ“ въ кровожадную пасть ненавистнаго имъ Чухнина.

Съ другой стороны, вся остальная масса матросовъ, какъ она малосознательна ни была, ясно понимала, что жестокое русское правительство едва-ли, послѣ всего того, чему они содѣйствовали своимъ участіемъ, дастъ хоть кому-нибудь пощаду. Страхъ же за свою жизнь у нихъ остался теперь, какъ и раньше, главнымъ руководящимъ мотивомъ всѣхъ ихъ поступковъ.

Объ эти части матросовъ образовали какъ бы свою особую партію «мира», ставшую въ оборонительную позицію, какъ по отношенію къ намъ—къ революціонному комитету, такъ и по отношенію къ предательскимъ вождельніямъ „патріотовъ“.

Съ нашей стороны они опасались пробужденія революціонныхъ стремленій и того, чтобы мы снова не заставили всѣхъ ихъ идти на Кавказъ, или не взорвали бы судно. Въ виду такихъ подозрѣній и опасеній, за всѣми нами установился даже какой-то добровольный надзоръ чуть-ли не всей команды и одно время

громко даже стали поговаривать о томъ, чтобы у „комитета“ отобрать оружіе.

Почти съ самаго перваго дня возстанія, большинство товарищей, входящихъ въ судовой комитетъ, были вооружены револьверами, съ которыми они и не разставались до послѣдняго момента.

Особенно многіе настаивали на обезоруженіи меня и Матюшенка. Однако, мы категорически отказались добровольно исполнить это и команда почему-то оставила свое намѣреніе, не желая, очевидно, больше кровавыхъ сценъ.

По отношенію же къ „патріотамъ“ команда держала себя болѣе строго и рѣшительно.

Мнѣ припоминается такой фактъ. Въ эту ночь мы проходили Крымскій полуостровъ и находились весьма недалеко отъ Севастополя.

Береговъ хотя и не видно было, но въ ночной темнотѣ ярко сверкали маяки. Замѣтивши это, человекъ 15 матросовъ бросились на штурвальный мостикъ и стали кричать и ругать Ведермейера, что онъ, очевидно, ведетъ ихъ въ Севастополь, такъ какъ маяки, по ихъ расчету, не должны быть видны съ того курса, который лежитъ прямо на Румынію. Болѣе горячіе изъ нихъ хотѣли даже схватить винтовки и тутъ же разстрѣлять предателя.

Не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, еслибы не тов. Костенко, который съумѣлъ ихъ успокоить и увѣрить, что мы идемъ правильно, только взяли немного близко къ берегу. Онъ тутъ же, на ихъ глазахъ, повернулъ броненосецъ и направилъ его еще больше въ море.

Всю ночь, однако, матросы слѣдили, какъ за кондукторами, такъ и за штурвальной рубкой, не довѣряя никому, кромѣ самихъ себя.

* * *

Во весь слѣдующій путь ничего особеннаго не произошло и мы, какъ мнѣ казалось тогда, мучительно медленно подвигались впередъ.

Какъ я уже упоминалъ раньше, за всѣ эти двое

сутокъ перехода отъ Θεодосіи до Констанцы, я совершенно не участвовалъ въ жизни корабля. Поэтому, я не видѣлъ, когда хоронили убитаго товарища Циркунова и другого скоропостижно умершаго матроса.

Не видѣлъ также и того, какъ хоронили въ морскихъ волнахъ наше боевое революціонное знамя, омытое дорогой кровью лучшихъ борцовъ изъ нашихъ рядовъ.

Вообще, это самая тяжелая страница изъ моихъ воспоминаній и я лучше не стану беречь незажившихъ еще душевныхъ ранъ, и поспѣшу закончить свои записки.

Къ вечеру 25-го іюня передъ нами замелькали наконецъ огоньки румынскаго берега. Бурное море успокаивалось и волны, видимо, всплескивались уже безъ всякой силы, только по инерціи.

Въ этотъ переходъ, чуть ли не въ первый разъ за все плаваніе, мы выдержали небольшую качку. Надо полагать, что само море утомилось за эти одиннадцать сутокъ неподвижно и безмолвно терпѣть на своей необъятной груди безпріютнаго скитальца „Потемкина“ и разсердилось наконецъ за его неугомонность.

Но нашимъ странствованіямъ былъ конецъ и стихія снова какъ бы подобрѣла. При полной тишинѣ подошли мы, часовъ въ 11 ночи, къ освѣщенному безчисленными огнями порту Констанцѣ.

Матросы хлынули всѣ на верхъ, столпились на бакѣ, на ютѣ и на палубѣ.

Машины были застопорены и броненосецъ едва замѣтно двигался впередъ параллельно берегу.

Въ эту минуту на набережной грянулъ оркестръ музыки и стройные мелодичные звуки полились по морю. Здѣсь, очевидно, люди беззаботно предавались веселью.

Мы замерли на мѣстѣ и, облокотившись на перила, впились глазами вдаль, откуда раздавалась музыка. Долго никто не произносилъ ни звука. Съ напряженнымъ нѣмымъ вниманіемъ, всѣ устремили свой слухъ навстрѣчу ласковымъ рыдающимъ звукамъ оркестра. Больные, надтреснутые нервы были перетянуты, какъ

струны и щемящая тоска невольно охватила душу при этихъ звукахъ. Слезы почему то навернулись на глазахъ у многихъ матросовъ...

— Отдай якорь!—вдругъ неприятно ударила по напряженному уху рѣзкая команда и черезъ секунду якорь бухнулся въ воду, съ лязгомъ увлекая за собою толстую цѣпь.

Иллюзія исчезла и музыка сразу вдругъ оборвалась.

— Эй! На „Потемкинъ“!—пронесся по морю минутъ черезъ пять голосъ съ волнорѣза.

— Есть! протяжно отвѣтили отъ насъ.

— Зачѣмъ опять прѣехали?—послышалось снова съ берега.

— Сейчасъ расскажем!—крикнули съ „Потемкина“ и отъ него отошелъ катеръ съ матросами и Матющенкой.

Хотя товарищи отѣхали съ твердымъ намѣреніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ судна, однако, изъ дипломатическихъ соображеній они скрыли это передъ капитаномъ порта и заявили ему, что прибыли сюда только отыскать „Екатерину“ и „Синопь“, которые будто бы ищутъ насъ гдѣ-то, чтобы присоединиться къ „Потемкину“.

Пока шли эти переговоры на берегу, на суднѣ команда нетерпѣливо ожидала результата ихъ и горячо обсуждала вопросъ какъ быть?

Вѣры въ искренность предложенія румынскаго правительства въ этотъ разъ было собственно у матросовъ меньше, чѣмъ еще во время перваго нашего прибытія въ Констанцу. Но положеніе было гораздо хуже и чуть-ли не безвыходное.

Вышедшіе наверхъ машинисты заявили всей командѣ, что большая часть паровыхъ котловъ совершенно испорчена и выведена изъ дѣйствія. Вслѣдствіе недостатка прѣсной воды, котлы приходилось питать соленой водой и поэтому большая часть ихъ стала негодна къ употребленію и требовала серьезной чистки.

Извѣстіе это какъ бы положило конецъ колебаніямъ и матросы порѣшили сдаться на какихъ бы то ни было условіяхъ.

Вернулись съ берега и переговорщики.

Они заявили, что „Екатерины“ и „Синопа“ никто не видалъ въ здѣшнихъ водахъ и что бунтъ на нихъ, очевидно, пустой слухъ.

Оба эти обстоятельства имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что когда утромъ наши переговорщики снова поѣхали въ портъ и получили тамъ предложеніе сдаться на тѣхъ же условіяхъ, что и въ первый разъ, то вся команда, какъ одинъ человѣкъ, изъявила на это свое полное согласіе.

Суета, бѣготня и толкотня поднялись невообразимыя. Къ судну подъѣзжали шлюпки, катера и пароходы съ офицерами, ихъ женами, дѣтьми и другими горожанами. Матросы же устремились на берегъ и, торопливо захватывая свои пожитки, на перебой спѣшили опередить другъ друга. Нѣкоторые до того были рады сойти поскорѣе на берегъ, что впопыхахъ бросали все свое имущество.

Подъ вліяніемъ шумныхъ овацій, устраиваемыхъ румынами, лица матросовъ повеселѣли и мрачныя сомнѣнія быстро смѣнились вѣрой въ подлинныя гарантіи безопасности и искренность румынскаго гостепріимства.

Къ полудню „Потемкинъ“ былъ переполненъ мѣстными властями и просто любопытными, ходившими цѣлыми толпами по всѣмъ отдѣленіямъ броненосца. Не осталось, кажется, ни одного уголка на кораблѣ, куда бы не заглянулъ любознательный румынъ. Матросы наши охотно и предупредительно водили гостей по судну и показывали имъ всѣ его достопримѣчательности.

Однако, часть самоотверженныхъ и рѣшительныхъ товарищей посматривала весьма непривѣтливо на подобный наплывъ постороннихъ людей. Они лелѣяли до послѣдней минуты сокровенную надежду—взорвать броненосецъ, какъ только высадится съ него вся команда. Они ни за что не хотѣли перенести позора возвращенія „Потемкина“ изъ рукъ народа въ прежнія руки ненавистнаго правительства. Теперь же они видѣли, что ихъ послѣднее, завѣтное стремленіе не можетъ быть осуществлено, не погубивъ съ собой сотни не-

минныхъ людей, оказавшихъ матросамъ столь радушный пріемъ. Скрѣпя сердце, пришлось перенести и этотъ ударъ послѣдней неудачи. Все совершилось такъ быстро, что трудно было предупредить ее и устроить высадку въ желательномъ порядкѣ. Каждый дѣлалъ теперь, что хотѣлъ, и каждый распоряжался всѣмъ, не слушая другихъ.

Такой, на примѣръ, презрѣнный типъ, какъ кондукторъ Бурдюковъ, оставшійся въ живыхъ только вслѣдствіе всепрощающей доброты матросовъ, и влачившій на суднѣ все время самое жалкое существованіе, ходилъ теперь по броненосцу поднявши голову и воображая, что власть снова перешла въ его руки, отдавалъ распоряженія направо и налево.

Коснусь еще одного факта.

Только здѣсь, въ Констанцѣ, мы встрѣтили, наконецъ, одного изъ товарищей соц.-демократовъ доктора Раковского, посланнаго къ намъ отъ заграничной организации „Искры“. Ему съ большимъ трудомъ удалось добраться до насъ. Громадныя волны бросали, какъ скорлупу, его лодченку, когда онъ сталъ приставать къ нашему берегу. Онъ, видимо, торопился, думая оказать намъ всяческія услуги и содѣйствіе достать необходимый провіантъ, воды и угля, чтобы дать намъ возможность продолжать борьбу.

Все это онъ изложилъ сейчасъ же, лишь только мы провели его въ каютъ-компанію. Мы же въ отвѣтъ на это ознакомили его съ безнадежностью нашего положенія и съ неизбѣжностью высадки на берегъ. Тогда онъ энергично принялся хлопотать о лучшемъ устройствѣ матросовъ и съ того момента не оставляетъ ихъ своей помощью и содѣйствіемъ и по сію пору.

Я не буду говорить здѣсь о подробностяхъ нашей высадки. Въ свое время румынскія и другія заграничныя газеты достаточно писали объ этомъ и было бы лишнимъ повторять еще разъ.

По выходѣ на берегъ, на другой день, всѣ кондуктора, инженеръ Калюжный, прапорщикъ Алексѣевъ и человекъ сорокъ матросовъ отправились обратно въ Россію искать монаршей милости и благоволенія. Въ

числѣ сорока человекъ матросовъ большинство было профессиональныхъ шпионовъ, составлявшихъ у насъ на суднѣ такъ называемыхъ „патріотовъ“. Оставшіеся же матросы разѣхались вскорѣ по всей Румыніи.

Впослѣдствіи, какъ я слышалъ, число раскаявшихся и вернувшихся подъ старое начальство увеличилось еще однимъ-двумя десятками забитыхъ, малосознательныхъ матросовъ.

Вернулся въ Россію также и миноносецъ № 267.

Такой поступокъ съ его стороны мало кого удивилъ изъ насъ. Онъ служилъ намъ все время какъ-бы по неволѣ, хотя и несъ свою службу добросовѣстно. Еще въ Θεодосіи, когда ясно опредѣлилось, что наше дѣло кончено, къ намъ на броненосецъ явился матросъ, управлявшій миноносцемъ, и сталъ слезно упрашивать команду отпустить ихъ въ Севастополь.

— „Служили мы вамъ, братцы, вѣрой и правдой. Теперь вы дѣло свое оставляете и ѣдете въ Румынію. Отпустите насъ! Мы вамъ не нужны и поѣдемъ въ Севастополь“, всхлипывая, упрасивалъ онъ.

Команда, всетаки, отпустить его не пожелала и миноносецъ вплоть до Румыніи вели все время на буксирѣ. Здѣсь же онъ былъ предоставленъ самому себѣ и поэтому не замедлилъ уйти въ Севастополь.

* * *

Закончивъ описаніе „Потемкинской“ эпопеи, я считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ въ заключеніе.

Раньше, когда матросы только что сложили оружіе и вышли на румынскій берегъ, всѣхъ занималъ жгучій вопросъ — почему „Потемкинъ“ сдался и не довелъ начатаго имъ дѣла до болѣе славнаго конца?

Теперь, я думаю, каждый внимательный читатель самъ найдетъ исчерпывающій отвѣтъ на это въ описанныхъ мною событіяхъ.

Я же думаю, что болѣе умѣстно задать здѣсь другой вопросъ.

— Почему „Потемкинъ“, несмотря на всѣ неблагоприятныя окружающія условія, несмотря на неужи-

данные удары всякихъ случайностей и на отсутствіе какой-либо серьезной поддержки извнѣ, всетаки упорно держался въ продолженіе цѣлыхъ одиннадцати сутокъ?

Вѣдь на нашихъ глазахъ то и дѣло происходили и происходятъ революціонные взрывы среди русскаго войска. Но они, вспыхнувъ яркимъ пламенемъ, быстро прогорали или же потухали въ самомъ началѣ.

„Потемкинъ“ же держалъ въ трепетѣ всѣ реакціонныя силы, до полицейскаго надзирателя включительно, въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати дней.

Уже одной своей непокорностью, доведенной до конца, „Потемкинъ“ нанесъ непоправимый ударъ наглій увѣренности россійскаго абсолютизма въ слѣпой силѣ солдатскихъ штыковъ и тѣмъ самымъ окончательно пошатнулъ самое основаніе его.

— „Гдѣ же нужно искать причины подобнаго упорства и непокорности?“

Я думаю, что они лежатъ, во всякомъ случаѣ, не въ роли отдѣльныхъ героевъ или отдѣльныхъ личностей, выдвинутыхъ на поверхность самими событіями.

Нѣтъ! Причинъ этихъ нужно искать глубже. И по моему, было бы правильнѣе видѣть ихъ во-первыхъ, въ той стихійно назрѣвшей, пока еще безсознательной, революціонной энергіи, которой переполнены теперь самыя широкіе слои народа, включая сюда и армію. А во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, въ томъ революціонномъ коллективѣ изъ среды самихъ матросовъ, который явился сознательнымъ выразителемъ и организаторомъ того, что стихійно назрѣло уже у большей части команды.

Этотъ-то коллективъ и сосредоточивалъ въ себѣ всю ту моральную и физическую энергію, безъ которой невозможно было бы никакому герою, никакому отдѣльному лицу объединить команду, заставлять ее добровольно исполнять ежедневно службы и работы и поддерживать среди команды необходимое одушевленіе и вѣру въ правоту своего дѣла.

Но этимъ я вовсе не хотѣлъ-бы умалять также значенія и заслугъ отдѣльныхъ товарищей. Каждый изъ нихъ внесъ свою лепту въ общее дѣло. Одинъ

больше, другой меньше, въ зависимости отъ своихъ индивидуальныхъ особенностей и природныхъ дарованій.

И такъ, я кончаю свое краткое заключеніе. Хотѣлось бы, собственно, сказать еще очень многое и сдѣлать болѣе подробный выводъ изъ этого историческаго урока. Но нѣтъ никакой возможности хладнокровно обсуждать это минувшее событіе, когда по Россіи снова прокатывается волна за волной, могучее народное движеніе освободительной бури. На сцену выступаютъ все новыя историческія событія и затмѣваютъ собою минувшія.

Пусть ужъ будущій историкъ молодой Россіи хладнокровно разбирается и оцѣниваетъ ихъ.

ПРОТОКОЛЬ. *)

11-го октября 1904 года броненосецъ „Князь Потемкинъ-Таврическій“ поступилъ съ завода на практическія испытанія. За все это время обращеніе начальства было дурное, особенно по отношенію къ пищѣ. Команда безчисленное количество разъ требовала улучшенія пищи; на эти требованія не обращали никакого вниманія. Однако, команда переносила подобное обращеніе.

12-го іюня, броненосецъ находился въ Гендровской бухтѣ для того, чтобы начать практическія занятія въ стрѣльбѣ. 13-го іюня было привезено мясо изъ Одессы, которое, благодаря дурному запаху и многочисленнымъ червямъ, находящимся въ немъ, для варки не годилось. Несмотря на это, изъ этого же мяса было сготовлено кушаніе для команды. 14-го команда отказалась ѣсть это мясо; каждый матросъ мирнымъ образомъ доволь-

---

*) Оригиналъ этого протокола находится въ рукахъ румынскаго правительства. Я не успѣлъ достать его своевременно; по-этому принужденъ помѣстить здѣсь одинъ изъ переводовъ, взятыхъ изъ иностранныхъ газетъ.

ствовался кускомъ хлѣба и стаканомъ воды. Когда командиръ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ командѣ собраться на бакъ. Командиръ спросилъ команду, почему она не ѣсть мяса, а она въ отвѣтъ на это указала на состояніе, въ которомъ находится мясо. Послѣ этого командиръ спросилъ—кто изъ команды хочетъ ѣсть мясо и указывалъ при этомъ на послѣдствія неповиновенія военной дисциплинѣ. Часть команды изъ страха согласилась ѣсть мясо, остальная же команда была раздѣлена на группы. Въ то же время было командовано: „Караулъ наверхъ“. Еще разъ спросили команду, хочетъ ли она ѣсть мясо, а она отвѣтила отрицательно и громко потребовала лучшей пищи. Тогда старшій офицеръ приказалъ караулу стрѣлять, но караулъ отказался. Офицеръ вырвалъ ружье изъ рукъ близъ стоявшаго матроса и выстрѣлилъ въ Григорія Вакулинчука, котораго онъ и убилъ. Ввиду такой жестокости и беспощаднаго обращенія офицеровъ съ подневольными солдатами, команда была вынуждена принять мѣры защиты. Матросы бросились къ патроннымъ погребамъ и стойкамъ съ ружьями, зарядили винтовки и стрѣляли непрерывно въ теченіи десяти минутъ въ офицеровъ. Командиръ побѣжалъ въ каюту, откуда онъ поплылъ къ миноноскѣ № 267, стоявшей неподалеку. Старшій офицеръ былъ разстрѣлянъ на бакѣ, трупъ его былъ брошенъ въ море. Послѣ этого привезли съ миноноски командира и разстрѣляли на верхней палубѣ такимъ же образомъ. Были убиты: офицеры — лейтенантъ Неупокоевъ, старшій офицеръ артиллеріи лейтенантъ Тонъ, старшій флотскій офицеръ и старшій врачъ Смирновъ. Раненъ мичманъ Вахтинъ. Судьба офицера Левенцова неизвѣстна. Въ живыхъ остались: капитанъ Гуринъ, старшій машинистъ Цвѣтковъ, старшій лейтенантъ Заушкевичъ и Коваленко, младшій врачъ Голенко, инженеръ-машинистъ Харкевичъ, командиръ миноноски № 267, баронъ Клодтъ, старшій лейтенантъ Назаровъ, священникъ Пименъ и старшій лейтенантъ Калюжный. Всѣ они заявили себя солидарными съ командой. Миннаго офицера Тона за-

стали въ пороховомъ погребѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ взорвать судно. Въ живыхъ также остались двадцать человѣкъ рабочихъ съ французскихъ заводовъ и два рыбака, присутствовавшіе при всемъ и могущихъ засвидѣтельствовать справедливость сего. *)

---

*) Протоколъ этотъ характеренъ, какъ документъ, составленный самими матросами. Но онъ далеко не соотвѣтствуетъ, въ нѣкоторыхъ своихъ мѣстахъ, дѣйствительности. Объясняется это, надо полагать, тѣмъ, что составители его, какъ участники всего происшедшаго, не обладали въ моментъ его редактированія требуемымъ хладнокровіемъ и не считали, вѣроятно, нужнымъ подвергнуть предварительно самое событіе болѣе тщательному изслѣдованію, чѣмъ снятіе показаній только съ нѣсколькихъ участниковъ.